

Art of War

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редколлегия:
Аркадий Бабченко
Алексей Муратов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Александр Гуров

Корректоры:
Анна Кунарева,
Иван Николаев

Обложки:
Александр Гуров

Вкладка:
Ренат Шафиков

Адрес для корреспонденции:
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8 903 524 16 19

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ № ФС77 26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
“Мико-Принт”

Подписано в печать:
09.01.2009

**Номер издан
при поддержке:**

Творческое объединение
"Северный Ветер"

Региональная
общественная
организация
ветеранов
подразделений
специального
назначения
“ЗАЩИТА-Р”

Тел.: 981-04-00
760-93-95

ПРОЩАЙТЕ, ГОРЫ...

«Уходим!» — так говорили двадцать лет назад со всех страниц газет и журналов, немногочисленных еще телеканалов и просто на улицах. В воздухе витало ожидание долгожданного облегчения и решения всех проблем. Наконец-то! Заканчивается эта казавшаяся бесконечной война, непрерывным потоком поглощающая наших мужей, братьев, сыновей. Уже идет по мосту командарм Громов, реют красные флаги, форму солдат украшают медали «От благодарного афганского народа»...

Это потом невоевавшие остряки переименовуют эту медаль, отпечатанную на нашем же Московском монетном дворе, в «Спасибо, что вы ушли». Это потом выяснится, что за спиной командарма все-таки оставались еще наши солдаты. И пленные, и вполне себе вооруженные. И что война вовсе не закончилась, в чем очень быстро убедятся выведенные зачастую в чисто поле войска. Война догонит великую державу, сначала на границах с Афганистаном, на юге, а потом...

Война вернется с этими ребятами в наши дома, вместе с ранней сединой, шрамами и протезами, наградами и сломанными судьбами. Она вернется, и высоколобые теоретики назовут её «посттравматическим синдромом». Вернется, чтобы никогда не отпустить.

А почему именно 15 февраля — ну, не ввод же войск праздновать, в самом деле... А так есть отличный повод собрать поредевшие ряды тех, кого эта война еще не добила. Тех, кто выстоял наперекор «заботливой» власти. Поглядеть на постаревших и посевших однополчан, в которых память не сразу узнает отчаянно молодых разведчиков, водителей, танкистов, врачей. На их верных героических жен и уже взрослых детей, у кого они есть. Вспомнить и помянуть тех, кто не вернулся.

У абсолютного большинства участников афганской войны своя дата возвращения Домой через тогда еще афгано-советскую границу. Дата, не совпадающая с 15 февраля 1989 года. Но мы решили посвятить основную тему этого номера альманаха всем ветеранам-«афганцам», честно выполнившим свой воинский долг.

*Прощайте, горы, вам видней,
Кем были мы в краю далеком...*

Читайте.

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
М. Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
fa1anster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8.

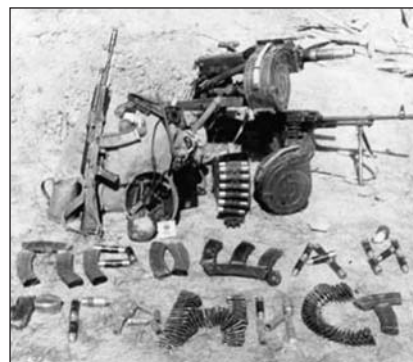
Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4.

В С.—Петербурге журнал можно приобрести:
WWW.7-62.RU («7,62»)
ул. Львовская д. 8.
Т/ф. (812) 541-02-07, 541-25-94

Магазин Военно-туристское снаряжение
Кронверкский пр. д.31.
Т/ф. (812) 232-26-82

Архангельск, «Дом книги», пл.Ленина 3.

Интернет-магазин «Центрмаг»
www.centrmag.ru, тел. 754-33-22

ПРОЩАЙТЕ, ГОРЫ...

1 От редакции

Афганистан

4 Карен Таривердиев
Шакалы воют

5 Михаил Евстафьев
Вывод
(отрывок из книги)

15 Андрей Грешнов
Розовый песок

17 Павел Андреев
Тень

23 Александр Гергель,
Антанас Лизаускас
Прощай, Бахарак!

28 Николай Стародымов
Последний
месяц войны

32 Валерий Шалагин
Мы уходим
с востока

34 Игорь Горбачевский
Черно-белые сны:
Война

35 Евгений Раченков
Вывод войск
и нашего батальона

Чечня

Виталий Носков
Мы будем сметать вас огнем 37

Рустем Бизянов
Чеченское танго (Часть I) 48

По периметру

Тамерлан Тадтаев
Друг детства 59

Перевод

Лонни Дотсон
Как-то раз
в один погожий денек... 61

Памятники

Комплекс памяти
«Черный тюльпан»
г. Екатеринбург 63

История одной фотографии

Павел Андреев
Засада 64

Поэзия 66

Юрий Беридзе, Вадим Дулепов,
Владимир Гуд, Илья Плеханов,
Павел Мартынов

Вне рубрик

С. Г. Фогель
Особенности пропаганды СССР
во время военной акции
в Афганистане (Часть I) 68

Карен
ТАРИВЕРДИЕВ

ШАКАЛЫ ВОЮТ, А КАРАВАН ИДЕТ

Есть такая поговорка на Востоке. Я был в Тунисе и знаю, как ходили караваны. С севера на юг, от побережья в Сахару они везли берберам заморские товары. Навстречу им шли караваны берберов из Сахары и тоже везли товары, изготовленные в оазисах. Города Туниса расположены в 60 километрах друг от друга. Это как раз норма дневного перехода каравана. На местах привалов со временем выросли города. Так сложилась вековая история.

В Афганистане тоже ходили (и до сих пор ходят) верблюжьи караваны. И города Афганистана тоже расположены друг от друга на расстоянии 60 километров.

Караваны шли, когда пришла орда Бабура.

Караваны шли, когда пришли англичане и получили по рогам при Кандагаре.

Караваны шли при Захир-шахе уже в шестидесятые годы двадцатого века.

Караваны шли, когда в Кабуле произошел дворцовый переворот и к власти пришел Дауд. Караваны шли, когда произошла так называемая Апрельская революция и к власти пришел кровавый режим Хафизулы Амина.

Караваны шли, когда в Афганистан пришли советские войска, «замочили Амина в сортире» и заняли страну.

Караваны шли, когда советского ставленника Бабрака Кармаля сменил советский же ставленник Наджибулла.

Караваны шли, когда ушли советские войска, Наджибулла слинял, а власть перешла к врагу советских войск номер 1 доктору Раббани (помню я его повстанческое движение, до сих пор все тело в отметинах).

Караваны шли, когда прогнали Раббани и к власти пришли талибы.

Караваны идут и теперь, когда прогнали талибов и страну заняли американские войска.

Караваны вечны, они ничего не боятся. Им плевать на власть.

Потому что они КАРАВАНЫ.

Я видел из иллюминатора боевого вертолета, как расцветает степь шатрами по весне. Это означало, что вскрылись перевалы и караваны пошли на север. Мы не стреляли по ним. У нас не было запрета на стрельбу, но каждый последний солдат наших войск понимал, что стрелять в караваны нельзя. Это святое, потому что они караваны. Им было плевать и на нас, и на духов, и на все на свете. Они шли, сколько бы ни были шакалы. В крайнем случае, мы досматривали их на предмет, а не везут ли они оружие мятежникам. И каждый раз ничего не находили. Это были мирные караваны, которые шли веками. Им не было нужды перевозить оружие и торговать им.

Бывало, духи пытались маскировать перевозку оружия под мирный караван, но это было легко вычислить. Мирный караван не обращал внимания на вертолеты. Духовский караван начинал шугаться и разбегаться, чувствуя, что рыло в пуху. В такие моменты жалко было только верблюдов...

Однажды наш Комбат — совершенно отчаянный человек — чуть не попал в плен к духам. Но выбрал единственно правильный путь. Он рванул с одним солдатом (водителем подбитого БТР, на котором ехал) и еще с одним офицером, только что приехавшим из Союза и ни черта не понимавшим в местном колорите, в сторону ближайшего привала каравана. Их приняли, накормили, напоили чаем — традиция. Духи гнались буквально по пятам. Караванщики вышли из шатра и сказали: «Да, шурави у нас, но мы их не отдадим! Они наши гости. У них больше нет оружия. Они отдали его нам. Уходите, а то мы будем стрелять!» Духи решили разбить караван, но все-таки добраться до шурави. Караван-баши сказал Комбату: «Мы будем защищать вас. Вы гости. Не берите в руки оружия, а то мы будем вынуждены убить и вас. Пока у вас нет оружия в руках — вы наши гости. В пустыне помогают всем. Когда нас убьют, можете делать, что хотите. Вот ваше оружие, но напоминаю: не берите его в руки, пока хоть кто-то из нас жив».

Караванщики отбили нападение духов.

Комбата искали все, кто только мог. Разведгруппы, вертолеты местной авиаэскадрильи, самолеты-разведчики из Баграма и Кабула. У Комбата был сигнальный дымовой пиропатрон. Он вовремя поджег его и его нашли. Пара многоцелевых вертолетов села рядом с шатрами и взяла Комбата сотоварищи на борт. После чего караван чуть было не расстреляли с воздуха вертолеты огневой поддержки, не знающие, что произошло. Комбат еле уговорил по рации не делать этого.

Командиром эскадрильи был Герой Советского Союза подполковник N. (он до сих пор служит, ныне генерал-лейтенант, потому что хочу называть его фамилию). Комбат приехал к нему и сказал:

— Дай пару вертолетов. Я должен отблагодарить караван-баши!
— Не дам, — сказал комзэк. — Собьют, и следа потом не найдешь!
— Дай! Очень надо! — попросил Комбат.

N. дал. Комбат привез караван-баши разную дрянь, которая нам была не нужна, а афганцам была как манна небесная: кожаные ботинки, трофейные спальники, фляжки, термосы, списанные солдатские бушлаты и прочее. Каравана уже не было на месте и пришлось его искать с воздуха. Вертолет-то летит быстрее, чем движется караван. Караван-баши очень удивился:

— Зачем? Ведь это был наш долг. Мы не могли поступить иначе.

Так поступали наши деды, прадеды, так поступали всегда.

— Это подарок, — сказал Комбат.

— А, — ответил караван-баши. — Тогда спасибо!

Наш Комбат умер от рака через год, после того, как вернулся из Афганистана. Что стало с тем караван-баши, я, естественно, знать не могу. Может, тоже в живых его нет, а может, и сегодня ведет караваны. Не знаю...

Знаю только одно. Кто бы ни был в степи, а караван будет продолжать движение. Он выше всего, что происходит вокруг. <ИВ>

Михаил
ЕВСТАФЬЕВ

http://artofwar.ru/e/ewstafxew_mihail_aleksandrowich/

ВЫВОД

(Из книги «В двух шагах от рая», Москва, «Эксмо», 2007 г.)

Последние денечки жилось спокойно в Кабуле советским журналистам, работникам посольства, уже редким советникам и специалистам. Армия уйдет, неизвестно, что будет дальше. Как сложится судьба у тех, кто остается в Кабуле? Позвала как-то генерала Сорокина журналистская братия на вечеринку, на виллу рядом с посольством. Теплая компания, много водки, закуски, елка с Нового года осталась. Елку у афганских солдат выторговали у голубой мечети рядом с гостиницей Интерконтиненталь за три банки сгущенки. Афганцы сами же и срубили елочку, и вслед хихикали, а как же: только русский человек за елку столько сгущенки отвалить готов, кому она, елка, в Афганистане нужна? Омрачил, правда, вечеринку недавний инцидент, да про него старались помалкивать. И смех и грех. Загуляли как-то с четверга на понедельник корреспонденты и советники, отправившие в Союз жен, стрельбу устроили в саду виллы, соседей-афганцев напугали до смерти. Те даже Царандой вызвали, думали, душманы в Кабул вошли, оцепили квартал, чуть штурмом дело не закончилось. А под конец попойки один товарищ по дороге в микрорайон, где жила основная масса советских специалистов, советников и журналистов, в потемках, на пустынной кабульской улице, сбил человека. Сбил и сбил, всякое бывает. Вышел, а человек лежит, не поднимается, зашиб насмерть.

История особой огласки не получила, замаяли. И вскоре, вот ирония судьбы, в посольстве ему же при торжественных обстоя-

тельствах медаль вручили — специальную медаль, к выводу войск приуроченную: «От благодарного афганского народа». Всем вручали, и ему досталась, на память об интернациональном долге. Ничего не поделаешь. Не откажешься же, не станешь послу объяснять, что так, мол, и так, не достоин, грешен, старичок на совести. «Выпей и забудь», — советовали по-дружески коллеги.

Сорокин прикинул: дел срочных нет, запросто задержится на вечеринке допоздна, в резиденцию сообщил, где его, в случае чего, найти, телефон оставил, наказал водителю, пока светло, прямиком в штаб армии ехать, нигде не останавливаться. Научен был горьким опытом генерал.

Компания собралась разношерстная. Из Москвы недавно прибыл пропагандистский десант — большая группа журналистов и писателей, вывод освещать, и кое-кого из этого десанта пригласили. Работавшие в Кабуле советники и корреспонденты подъехали. Генеральские погоны Сорокина притягивали всеобщее внимание, и Сорокин, как всегда, млея, когда к нему подходили поздороваться, или когда подводили кого представить и протягивали руку знакомые лишь по телепередачам журналисты, известные литературные имена и почтительно произносили: «Здравия желаю, товарищ генерал». Старого знакомого увидел Сорокин: прозорливого советника, несправимого циника. Он скромно стоял с рюмкой водки, слушал, как спорят примелькавшийся за время войны на советских телеэкранах корреспондент

и его газетный коллега. Советник тоже заметил Сорокина, подмигнул. По телефону говорили, а увидеться никак не выходило.

— Сдался мне ваш Афганистан! — басил телевизионный корреспондент.

— Вот видишь, как ты рассуждаешь. Не любишь ты эту страну. Ненавидишь. Вспомни, Цветов почему такие прекрасные репортажи из Японии делал? Потому, что он любил страну, в которой работал. Японский великолепно знал.

— Плевать я хотел!

— Нет, Сережа, без этого никак нельзя.

Сорокин взял со стола стакан, налил водки, бутерброд откусил, собрался пересечь большую комнату, с советником пообщаться, как возник перед ним лысоватый, но достаточно молодой еще, лет тридцати, литератор с глазами навывкат. Фамилия у всех на устах — Лобанов, из пишущей династии. И статьи, и книжки про армию строчит. Сорокин встречал вездесущего прозаика у «папы», когда тот интервью брал у генерала армии. Единственный, кто сразу добился аудиенции. Связи хорошие. Несколько часов просидели они с Вампиловым один на один, и наградной лист ему сразу после интервью на машинке напечатали: за командировки в Афганистан к Красной Звезде представили. По разным частям поездили литератор, ворох информации собрал, на несколько книг хватит. Сперва, по горячим следам, пару очерков напечатал. Его всегда читали в захлеб, любили в народе. Легко, слезливо и восторженно писал, и всякий раз находил новый поворот, открывал новые темы, а там и за большую книгу в пору садиться. Афганская тема на ближайший год будет наиболее выигрышная.

Одним из первых про спецназ написал. Как ходил с группой в засаду поведал в длинном очерке, хотя, как выяснил Сорокин, все специально для него подстроили. Не станут же подвергать опасности известного журналиста, кто ж на себя такую ответственность возьмет? Что случись, у него отец в Москве важная птица, ко многим на Старой площади в кабинеты вхож — расстопчет, устроит такое разбирательство и в такую дыру сошлют потом виновных, пожалеешь, что и родился на свет. Центральное телевидение, и то близко к настоящему бою не пускают. На по-

лигоне, если уж очень бывало им приспичит, пару «тойот» подбитых поджигали, выводили разведроту, несколько человек в «духовской» одежде ложились, изображая убитых духов, и за просто, красочно имитировали разгром банды или каравана.

Выдали тогда товарищу известному корреспонденту обмундирование, подержали на казарменном положении день-другой. На зарядку, на марш-бросок по полной выкладке отправили, солдатскими харчами покормили, — в армии-то он ведь не служил, ему все в диковинку. Романтика! Автомат вручили, патроны, поводили по безопасному району, пострашали в предракетные часы якобы надвигающимся караваном, да и привели обратно целого и невредимого. Боя не было, а на боевые сходил. Никого не убили, да и сами живы. Зато солдат и командира узнал хорошо, вроде бы в деле даже посмотрел, расспросил, пиши не хочу. И написал. И гордились солдаты, что имена их не позабыл военкор.

Разговаривал Сорокин с Лобановым весьма учтиво. И в главном они сошлись: нельзя сейчас ничего говорить. Пусть потом заявляют, что не надо было войска вводить. Но только не сейчас. До тех пор, пока последний советский солдат не покинет Афганистан, ни слова плохого об этой войне ни в печати, ни по телевидению не должно проскользнуть. Чокнулись, выпили.

— Только позитив! — подчеркнул Сорокин. — Армия держится на вере. Нельзя эту веру у наших мальчишек отнимать!

— Настырный, пробивной, — посетовал на Лобанова журналист, который совершил ночной наезд на афганца, и подлил всем стоящим рядом водки. — Связи хорошие. Впрочем, и пишет неплохо. Везде лезет, везде хочет первым быть.

— Разве это плохо? — резонно заметил Виктор Константинович.

— Нет, наверное.

— Ему объясняют, что в Кандагар нельзя, — присоединился отстраненный блеском генеральских погон и потерявший сразу интерес у журналистов полковник с прилизанными волосами, — а он уперся, просится, чтоб свозили.

— Мы ему полчаса доказывали, — вступил в разговор подполковник, третий военный человек на вечеринке, по крайней мере,

в форме, — что в Кандагаре наших частей не осталось. Я говорю: «Кто ж вас охранять станет? Афганцы? Да они за милую душу вас духам сдадут».

— Амбициозный, — подметил советник, — новое поколение, что вы хотите.

— Ты не знаешь, среди журналистов и писателей не было Героев Советского Союза? — спросил полковник.

— Думаю, скоро будет, — и оба грохнули со смеху.

— Прошу прощения, — советник направился к освободившемуся от прозаика генералу.

— Помнишь, как хорошо было в академии? — и полковник и подполковник, прислонившись спинами к стене, предались сладким воспоминаниям.

— Академия, как говорил у нас один генерал, — это большой поезд. Сел и поехал. Он тебя довезет куда надо. Главное — не высовываться из вагона и не прыгать на полном ходу.

— Как же вообще хорошо было в застойные времена! — причмокнул губами полковник. — Все было ясно и просто. А теперь какой-то плюрализм появился, демократию расширяют, про гласность твердят. Зачем это в армии? Получил приказ — выполняй. Бардак. Так и от армии ничего не останется.

— И от страны, — подметил подполковник. — Кстати, я тебе советую съездить на «парванеску».

— На барахолку? Там, говорят, опасно.

— Возьми пистолет. Барахолка не барахолка, но я такие женские туфли нашел! За копейки.

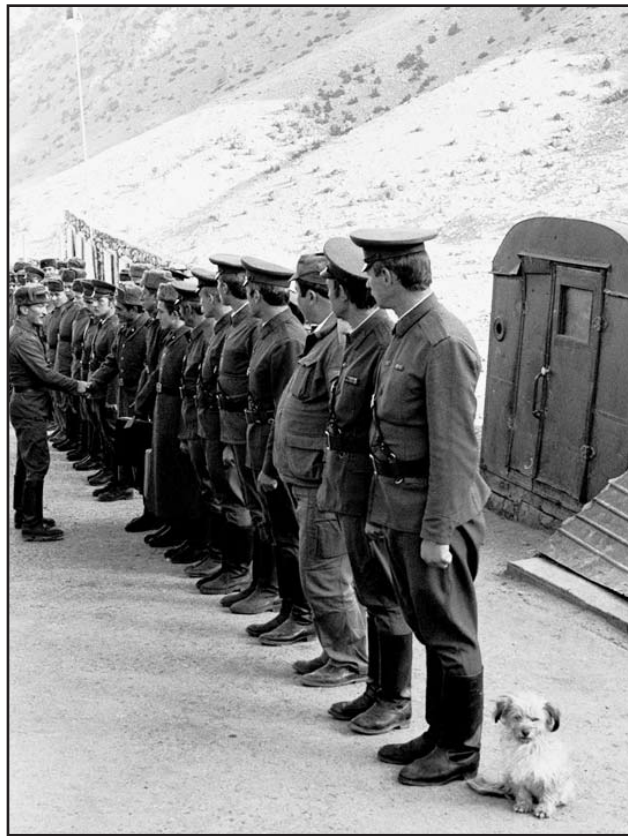
— Ношенные? — поморщился полковник.

— Чуть-чуть. Незаметно совсем. Почти новые. Зато написано «Мад-ын-Ю-эС-ЭЙ». Жена обрадуется.

— Виктор Константинович, — пожал протянутую руку Сорокин, — рад вас, наконец, видеть. Как все прошло? Нормально?

— Благодарю, Алексей Глебович, прекрасно.

Налили по рюмочке.

— Ваше здоровье!

— Ваше!

Из каких соображений попросил его тогда, в их предпоследнюю встречу, советник полетать по заставам, Сорокин догадывался, но решил не спрашивать. Незачем в чужие дела влезать. Надо так надо. Пусть и из чужого ведомства, но помочь стоит. Связался Сорокин с командующим авиации, попросил дать команду на аэродром встретить, как положено, организовать необходимую работу. Накануне и весь нынешний день Виктор Константинович на вертолетах посещал подготовленные к передаче афганцам заставы на подступах к Кабулу.

Среди камней и отвесных скал, над пропастями свили гнезда советские военные, наладили быт. Дул ледяной пронизывающий ветер, но Виктор Константинович согревался коньячком из фляжки. Ночью свирепствовал мороз, до минус пятнадцати опускался столбик, прямо как в России. Пока разгружали продовольствие, сливали в большой черный резиновый контейнер воду, Виктор Константинович знакомился с условиями службы на заставе. «Целый год сидят безвылазно, а то и больше — поражался он выносливости солдат. — Неужели человек не сходит с ума? Перед тобой весь Кабул, как на ладони, две тысячи метров над уровнем моря, а спуститься вниз нельзя... Что здесь делать? С ума сойти можно!»

Солдатики соорудили спортивный городок: поставили перекладину, повесили вместо «груши» мешок и вымещали на нем всю накопившуюся злобу, нетерпение, качались самодельной штангой — утром, и днем, и вечером; солдатики исправно ходили в наряды, мылись в примитивной бане раз в неделю, если была вода, мастерили из артиллерийских ящиков столы, стулья, кресло-качалку, обтягивали казарму парашютным шелком, ловили насекомых, играли с гладкошерстным черным псом непонятной породы.

С одной заставы захватили в Кабул захворавшего бойца. Заставу ту на таком пятачке выстроили, что и посадить машину не каждый сумеет. Борттехнику пришлось открыть дверь, лечь на палубу салона и подавать командиру экипажа знаки.

— Везет же, — позавидовал один боец. — Мне вторую «вертушку» ничего не было. А этому каждый раз письма привозят, а теперь в госпитале отдыхать будет. Там хавка классная.

Кто-то из солдат постучал ему по голове:

— На-шел чему завидовать! У него ж желтуха.

По вискам больного солдата струйками стекал пот. Он весь полет сидел в вертолете на полу.

«Для него война закончилась, — порадовался Виктор Константинович. — Хорошо, что у Гали девочка. В армии не служить... А внучку моему не избежать этой участи. Будут ли еще войны, когда он подрастет? Наверное, будут. Никуда не денешься».

Госпиталь... Увлёкся, как мальчишка, привязался к веснушчатой скромной медсестре. Ай, да Виктор Константинович, ай, да дедушка! Казалось, что такого? Ни к чему не обязывающий, классический, скоротечный госпитальный военно-полевой романчик. Так нет. Пришла любовь. Поздняя, последняя. Схожая со вторым дыханием при беге на длинные дистанции. Судьба... Как только сняли с ноги гипс, он повез ее в город, по дуканам. Так трогательно было наблюдать за ней! Она ничего не покупала, только ходила, смотрела, цены узнавала. Он запоминал, на что Галя обращает внимание, отметил, что вкус у нее хороший. А стоило ему отвлечься, как к Гале подошел патруль, точно почували, что она в городе на птичьих правах, что никакого у нее

разрешения на посещение дуканов нет. Он тут же решительно обнял ее, словно спасал от хулиганов, показал свое удостоверение советника, и еще... назвал женой, чтобы вконец отвязались два солдата и старший лейтенант. Старлей, естественно, не поверил, но промолчал, отпустил перепуганную девушку. А еще он учил ее стрелять из пистолета. И у Галки неплохо получалось. Стоило ей первый раз разнести выстрелом бутылку, как она вскрикнула и, выронив пистолет, захлопала от радости в ладоши.

Полтора года длилось их счастье в Кабуле. Он похлопотал, устроил Галю с Аленкой в Москве, хорошую работу нашел. Семейная жизнь у Виктора Константиновича давно разладилась. Пока детей не поставили на ноги, ничего не предпринимали. Теперь же шло к тому, чтобы разводиться. Но тут у жены обнаружили рак. Разве оставишь ее в таком положении? За неделю до отъезда в Кабул Галя сказала: «Никакого развода. Ты должен быть сейчас с ней. Ты ей больше нужен...»

Виктор Константинович сощурился, закрылся рукой от слепящего январского солнца, которое уже опустилось к горам. Лучи скользили и отражались от тонкого покрова снега. Людские тени растягивались на несколько метров. Из «вертушки» выпрыгнул несчастный, с поникшим взглядом десантник.

— Давно тебя на скалу посадили? — спросил советник.

— Пять месяцев назад, — солдат озирался по сторонам, будто матрос, ступивший на землю после дальнего плавания.

— И ни разу не спускался?

— Нет.

— А до этого где служил?

— На юге.

— И где же лучше?

— В Кабуле.

— Спокойней? Меньше обстрелов? — догадался Виктор Константинович.

— Нет, кормят лучше. Мы там кроме квашеной капусты по полгода ничего не ели.

Точно такой же горемыка-солдат стоял на КПП 103-й дивизии, когда советник заезжал туда для встречи с командующим. Сунув в окно машины голову, сирый и продрогший гвардеец полпелся открывать ворота части, но прежде пытался натянуть на обмерзшие пальцы старые перчатки, и Виктор Константинович слышал, как гвардеец ругался вслух:

— Будь прокляты империалисты, из-за которых я тут мучаюсь!..

— Проиграли мы здесь, Алексей Глебович, проиграли, — советник захмелел, впал в философское настроение, с печалью в голосе рассуждал: — Любая армия бессильна против партизанской войны. Они везде, всюду. К тому же, им американцы по-

могают. Тупик. Я вам тогда еще говорил, елки-палки, уже несколько лет прошло, ничего у нас путного в Афгане не выйдет. И армия, извиняюсь конечно, не принимайте на свой счет, армия деградирует.

Зачем пересказывать свои наблюдения Сорокину? Все это знает генерал, все видит, не слепой, другое дело, что не придает значения, о другом думает. Армию давно кастрировали, предали, забыли, армия разваливается. Не 40-я — сороковая еще на что-то способна — армия в целом, вооруженные силы. Сороковая не давалась вопросами: проиграла она войну в Афганистане, не проиграла — армия состояла из отдельных людей, из частных судеб, проблем, желаний. Взять хотя бы того мордастого пузатого полковника, что видел утром в дивизии Виктор Константинович. «Осторожней! — орал полковник на солдата. — Ну, смотри — он же так не пройдет!» Солдат затаскивал в модуль японский телевизор. С трудом обхватив большую коробку, он надеялся протиснуться в узкий проем, полковник же вытягивал из кармана пригоршни семечек, грыз их и сплевывал шелуху: — Привыкли все делать по-крестьянски, разгильдяи...» Если рухнет армия, вооруженные силы, скоро и страна затрещит по швам — уже трещит, с Нагорного Карабаха началось, в Прибалтике что-то будет, не за горами сложные времена. Доигрались с перестройками...

Лобанов не знал, что за человек Виктор Константинович, что делает в Кабуле, из какого ведомства. Да и не боялся он никого, у самого дядя на Лубянке работал. Однако, неуважительные высказывания в адрес Советской Армии его покорибили, услышал через всю комнату, подобрался ближе, убедился, что поливают грязью «непобедимую и легендарную». Не стерпел, заклеил позором рассуждавшего с печалью в голосе о поражении в Афгане подвыпившего Виктора Константиновича, чуть ли не в измене Родине обвинил. С пеной на губах твердил:

— Я увидел здесь всю мощь нашей прославленной армии! — и с пафосом заявил: — Армия находится в пике своего расцвета! — похоже, первые, набросанные в записных книжках, строчки новой статьи цитировал. — Армия вновь подтвердила славу русского оружия!

Виктор Константинович наполнил рюмку и с различными оттенками снисходительности в голосе предложил тост:

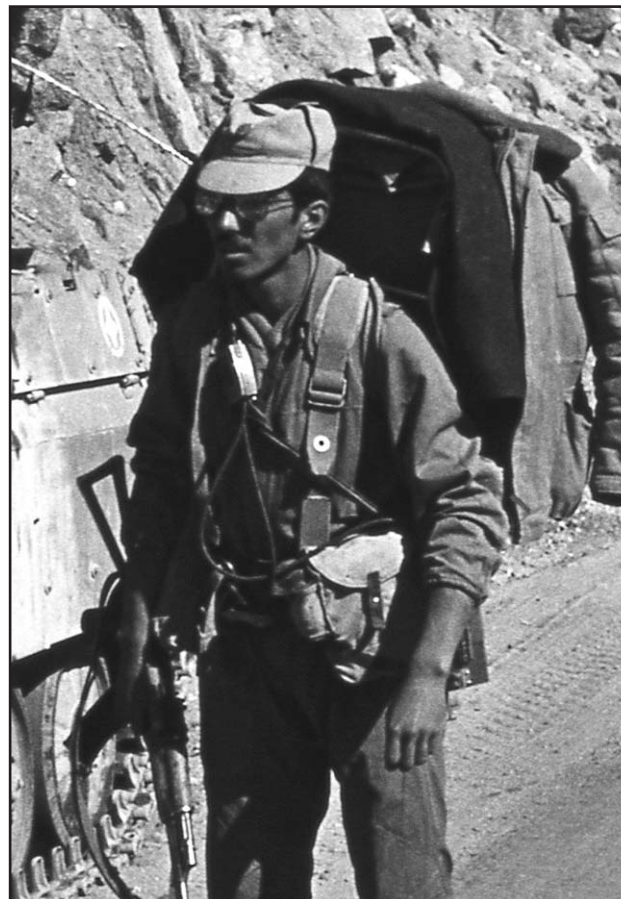
— За нашу славную армию!

— Вот это другое дело! — засиял Лобанов. — Товарищи, товарищи, минуту внимания! Есть тост. За нашу великую армию!

— Воюющую армию полностью разложили, признав, что ситуация бесперспективная, что необходимо оттягивать силы, — возмущался в узкой компании единомышленников полковник с прилизанными волосами. — Вывод на пораженческое настроение настроил. Разве не так? Никак решиться не хотели действовать жестче, дальше. Захотели бы — выгнали бы все напалмом. Американцам можно, а нам нельзя?! Держали армию на коротком поводке, натравливали то и дело на духов, натаскивали, как служебную собаку. А зачем, спрашивается? А теперь мы еще и виноватыми окажемся. На армию все неудачи свалят. Это у нас запросто! Увидите!

«Сила армии заключается в одном: — вывел в эти дни советник, — армия знает, что уходит, и готова на любой подвиг, дабы вернуться живой...»

Голова у Сорокина давила на плечи тяжелей двухпудовой гири, но держался он на людях молодцом. Закалка. Перепили накануне. Вроде, старался пропускать тосты и закусывал как следует, а нате же, расслабился, не рассчитал, переусердствовал с крепкими напитками. Виктор Константинович подливал и

подливал. Пьет, как лошадь, и никогда язык не заплетается, и так интересно всегда рассказывает! Всегда все наперед знает, предчувствует, умеет анализировать, как никто. «Просто у него больше информации, чем у меня», — успокоил себя генерал. Долго засиделись, и не выпался. Правильно сделал, что водителя отправил засветло. Позвонил в резиденцию, прислали дежурную машину, с сопровождающим офицером, доставили в целости и сохранности.

«Слетелись, как мухи на дерьмо. Прилипли, как банный лист к ж... Тоже не хорошо. Пчелы на мед? Уже лучше. Журналистов как собак нерезаных. Естественно, исторические события. Конец войны. Весь мир только об Афганистане и говорит...» Вон их сколько наехало! «Западников» тьма-тьмущая, и все им показывай-рассказывай, нынче ведь «перестройка», «гласность».

Сорокин глянул на часы, поторопил водителя:

— Поднажми, Толя, нас ждут к двенадцати. — Как вы сказали, Эдвард? — повернулся генерал к иностранному журналисту в кожаной куртке и меховой шапке. — Вывод из Афганистана — яркий пример нового политического мышления? — Лейтенант-переводчик повторил вопрос на английском.

— Совершенно верно, — кивнул корреспондент, и уставился в окно машины. — Что это за самолет?

— Ил-76-й, — пояснил Сорокин.

— А вертолеты?

— Ми-24-е.

Англичанин занес названия в блокнот.

— Сколько же миллионов долларов вы угрожали на помощь мятежникам, поставляя им мины, «стингеры», — деликатно корил гостя генерал. — А на минах простые крестьяне подрываются. «Стингерами» гражданские самолеты сбивают.

— Это не мы поставляли, а правительство США, — уточнил

Эдвард, напоминая, что он британский подданный.

«Какая разница, — подумал генерал. — Все вы — против нас».

— Значит так. Переведите господину Эдварду, что на аэродроме, — генерал намеренно избегал называть части своими именами, все же осторожничал с иностранцами, — он сможет взять интервью у полковника Митрофанова. Боевой командир, в Афганистане второй раз. Мы с ним в былые времена, — важно заметил Сорокин, — вместе на операции летали. Однажды чуть не сбили, — зачем-то добавил он.

Это уже фантазировал генерал. Летали без приключений. Просто один из офицеров экипажа обратил внимание Сорокина на пулевое отверстие. Кто его знает, откуда оно взялось. Бывало, что духи стреляли из кишлака, бывало, и свои же солдаты-обалдуи, загрузив и заскучав, от нечего делать по «вертушкам» одиночный выстрел производили с поста.

— Двадцать минут хватит на интервью? Так, — Сорокин прикидывал по времени. — Потом пообедаем и поедем на раздачу гуманитарной помощи.

Эдвард выслушал перевод, утвердительно кивнул.

«Прекрасно понимает и по-русски, — решил Сорокин. — Все они хотя бы наполовину шпионы. Только прикидываются, что ничего не знают. Так я и поверил, что он в военной технике не разбирается, самолетов транспортных, вертолетов боевых никогда не видел! Строчит в блокноте без остановки, помечает что-то. Хотя, не знаю. Молод он, лет 25, поди, не больше».

Генерал в кабинет командира полка заходить отказался.

— Вы сами, сами, — не хотел он смущать полковника Митрофанова во время интервью. — Распорядитесь только, чтобы мне чайку организовали, что-то в горле першит.

Раньше бы и в голову такое никому бы не пришло — запустить иностранного корреспондента в боевую секретную часть, да не где-нибудь сбоку припека, а на самом кабульском аэродроме, да чтоб он в штабе полка на секретные карты глазел, чтоб новейшую военную технику разглядывал в упор. Да в прежние времена особый отдел бы близко не подпустил такого лазутчика к части. «Все меняется...»

— Так, какие будут вопросы? — пригласил гостя садиться Митрофанов. Корреспонденту никто ничего не успел рассказать, а он уже что-то записывал, и будто не замечал никого. — Что это он? Вы по-русски говорите?

— Нет, он не понимает, — сказал переводчик.

«Полковник Александр Митрофанов. Командир авиаполка. Камуфляжная форма на молнии, под ней — белая майка в синюю полоску. Гладко выбрит», — пометил Эдвард.

Наконец, он оторвался от блокнота, оглядел кабинет: портрет Ленина на стене, стол, несколько стульев, телефон на столе. «Без роскоши живут советские полковники».

— Какие задачи выполняет ваша часть? — начал Эдвард. Далее последовали стандартные вопросы: отношение к выводу? не жалеете, что уходите? что будет после того, как советские покинут Афганистан?

— Прямо, как сговорились, — пошутил, расправившись с вопросами, Митрофанов. Отвечал он коротко, но не казенными фразами, не из газет черпал мысли, самостоятельно формулировал, с юмором, оригинально и легко. — На прошлой неделе тоже приезжал иностранный корреспондент. Один в один вопросы задавал, — признался полковник переводчику.

Эдвард нисколько не смутился.

— Господин полковник, вы сами летаете?

— Летаю.

— Часто?
— Приходится.
— Тогда такой вопрос. В прессе, в западной прессе, — поправился Эдвард, — часто сообщали, что русские «стирали с лица земли» целые кишлаки. Это правда?
— Неправда. На войне, если в тебя стреляет из кишлака враг, и сбивает ракетой «ведомого», твоего товарища, в общем, а со мной такое было, раз... и нет больше экипажа, сбили, горит «вертушка»... и сесть, спасти не можешь... я хочу сказать, что на войне как на войне... Если по нам из кишлака духи начинают работать, мы не церемонимся с ними.
— Понимаю.
— Знаете, Эдвард... Эдвард его зовут? Знаете, я вот как скажу: легче всего написать, что русские летчики разрушают афганские кишлаки. На самом деле, мы первыми редко когда стреляем. Право первого выстрела, как на дуэли, обычно достается противнику.
— Вы многих друзей потеряли?
Митрофанов посерьезнел:
— Ты у него спроси, он сам-то в армии служил?
— Говорит, что нет.
— То-то я и вижу.
— Вы не ответили, господин полковник.
— Слишком многих, Эдвард.
— А что сейчас для вас самое главное, в эти последние недели?
— Чтоб больше ни один из моих летчиков не погиб.
— А вы не могли бы назвать общее число потерь части за весь период войны?
— Зачем вам это? — погрузился полковник. Воцарилось молчание. — Летчики погибают по-разному. Кто-то в воздухе, а кто-то... Недавно проводжали в последний путь боевых друзей. Погибли во время обстрела аэродрома реактивными снарядами. Погибли в своих комнатах...
«Вежливый, скромный, говорит негромко, умеет, в отличие от остальных русских, искренне улыбаться, даже когда не выпьет водки. Обижается на банальные вопросы. Интеллигентный. Человечный», — успел добавить к записям англичанин. Конечно

же, в статье упоминать все эти детали Эдвард не планировал. Ему просто интересно было самому разобраться и понять русских. Ведь он рос под воздействием западной пропаганды, ему, как и миллионам сверстников, внушали, что Советы готовятся сбросить атомную бомбу, показывали их ветхих маразматических лидеров, страшили коммунизмом.
— Мне жаль, — англичанин потупил взгляд. — У вас семья есть? — гость понял, что пора сменить тему.
— Есть, — Митрофанов воодушевился. — Жена, сын.
— Часто пишут?
— Часто. Недавно, кстати, «звуковое» письмо получил. Кассету магнитофонную. Знаете, так необычно, сидишь вечером в комнате в Кабуле и слушаешь голоса родных. Будто они рядом совсем.
— Переживают за вас?
— Конечно! Война заканчивается. Месяц с копейками остался. Как тут не волноваться?!
— Что вы сделаете первым делом, когда вернетесь домой?
— Что сделаю? — Митрофанов посмотрел на переводчика, улыбнулся: — Как ему сказать? Попрошу жену борщ приготовить. Настоящий домашний борщ! А потом выключу телефон и лягу спать. И, надеюсь, дня два подряд не просыпаться.
— Устали?
— Все здесь устали. И солдаты и офицеры. Все хочет домой.
— Спасибо, — гость поблагодарил через переводчика полковника и закрыл блокнот. Митрофанов вздохнул с облегчением.
— Последний вопрос, — вдруг вспомнил Эдвард. — Скоро и ваша часть будет выходить. Вы полетите последним?
Полковник Митрофанов, как любой летчик, был отчасти суевренным. В приметы искренне верил. И неудивительно. Сложилось так, что пережил Митрофанов на исходе войны серьезные «звоночки». Прямо один за другим следовали они. В сентябре, когда завалили неподалеку от тюрьмы Пули Чархи «вертушку», по вертолету Митрофанова был пуск. Каким образом промазали — непонятно. А спустя месяц летели под видом афганцев из Гардеза, полковник шел крайним, и духи из «зеленки» завалили лучшего друга. Ничего не успели предпринять. Первый «звоночек»

— не так страшно, у всякого бывает. А после второго начинаешь осторожничать. Начинаешь всерьез переживать. Одно утешение — войне конец, рисковать больше никому не придется.
— Не знаю, как это по-английски звучит, но у нас не принято говорить «последним». Мы обычно говорим лететь «крайним». Так вот, я полечу крайним, когда буду уверен, что все мои благополучно покинули аэродром.
«Сентиментальный полковник. Скромный», — занес вместе с цитатой последние пометки в блокнот Эдвард и встал.
— Сейчас вас проводят в столовую. Попробуете, как у нас кормят. Я, к сожалению, вынужден заняться другими делами, так что, переведите, пожалуйста, обедать буду позже.
— Жаль, — сказал англичанин. И попрощался по-русски, правда, с сильным акцентом: — Да-сви-да-ня.
Установленные на бронемашинах звуковещательные станции оглушали площадь музыкой, пытались создать у кабульских жителей праздничное настроение. Царандой сдерживал неуправляемую толпу, рвущуюся к советским наливникам с дизельным топливом и грузовикам с мукой. Цены на солярку, некоторые продукты в городе резко повысились перед уходом советских. Особо страдали самые бедные афганцы.
Афганцы всех возрастов в золотых браслетах, рваных куртках толкались, ругались, женщины в голубых и горчичных паранджах орудовали локтями. Давили детей, втапывали стариков в грязь. Босые, ободранные, голодные, готовые драться, загрызть кого-нибудь, лишь бы наполнить лишнюю канистру, ведро, жестяную банку соляркой, выпросить второй кулечек с мукой.
— Стадо безмозглых овец! Будто конец света, — кивнул на афганцев советский офицер в бушлате, сидевший на башне бэтэра. — Как в зоопарке!
— Ты б посмотрел, что творится в московских универсамах, когда на прилавки выбрасывают какие-нибудь французские бюстгалтеры.
— Сравнил!
— Что они говорят? — спросил у переводчика Эдвард.
— Они говорят, что очень полюбили Афганистан и его народ, а-а-а, что переживают за несчастных детей...
— Вы не могли бы спросить у них, что, по их мнению, будет здесь после того, как уйдут советские войска?
— Ни х...а хорошего не будет.
Пальцы на морозе не слушались. Эдвард взял ручку в рот, а руки спрятал в карманы куртки. Ждал перевода.
— Мы свой интернациональный долг выполнили до конца, — наконец, сформулировал переводчик. Эдвард записал и вновь сунул руки в карманы.
— Пусть выкручиваются, как хотят, — добавил второй офицер.
— Что он сказал? — кивнул на офицера Эдвард.
— А-а-а. Говорит, что афганцы навсегда останутся нашими друзьями.
Сорокин жестами звал вернуться к машине.
— Поехали отсюда, — шепнул переводчику генерал. — Здесь страсти накаляются.
Когда напор желающих достиг критической отметки, афганский офицер запрыгнул в бронемашину, отключил музыку и, в надежде утихомирить рвущихся за дармовыми продуктами и топливом неграмотных, нищих людишек, предупредил на фарси:
— Если не будет порядка, мы прекратим раздавать помощь!
Порядка не прибавилось, толпа росла, и, чтобы избежать трагедии, акцию прекратили, что вызвало всплеск негодования. Солдаты вскочили на машины, грузовики тронулись с площади.

Вдогонку им полетели камни, палки, жестяные банки. Эдвард и генерал Сорокин этого уже не видели. Они ехали по городу.
— Как видите, мы не бросаем друзей в беде, — сказал, когда они отъехали от площади, Сорокин, и к собственному удивлению заметил, что английский журналист занес что-то в блокнот. «Генерал говорит штампами, одна пропаганда. Полковник — мудр и лаконичен. Видимо, хороший командир. Думает о людях». — Несмотря на то, что советские войска покидают Афганистан, — вещал генерал, — мы и не думаем прекращать помощь нашим южным соседям. Как говорится, друга в беде не бросим. Поэтому раздача гуманитарной помощи, особенно сейчас, когда ударили такие морозы, и завалы на Саланге, и в Кабуле явно ощущается нехватка топлива и продовольствия, — первостепенная задача для нас. Кстати сказать, переведи ему, — повернулся он к переводчику, будто до этого говорил без его помощи, — те самолеты, что заходили на посадку, когда мы ехали мимо аэродрома — он еще спрашивал, как они называются, — так вот они ежедневно доставляют в Кабул муку. Тысячи и тысячи тонн.

Дворец Амина опустел. Штаб 40-й армии переехал в расположение 103-й воздушно-десантной дивизии у аэродрома. Городок по описи передали афганцам. Сколько израсходовали бумаг, сколько актов составили о передаче имущества афганскому министерству обороны! Каждую мелочь учитывали, вписывали, комиссии многочисленные создавали. Из-за одного недостающего в казарме стула поднимался скандал!

Уход из бывшего дворца Амина был спешным, неожиданным для некоторых, несмотря на то, что об этом ежедневно твердили и давно планировали, и во многом напоминал бегство. В самые последние часы царила суета и нервозность, будто враг стоял на пороге города, будто счет шел на минуты. Офицеры кричали на солдат, те носились под окриками, но не понимали, куда чего грузить — куда пишущие машинки, куда карты; телефонисты сворачивали кабели; летали и валялись под ногами бумаги.

Виктор Константинович попрощался с сотрудниками, вышел из виллы, где находилось его управление. Чемоданы уже лежали в багажнике.

На выходе повстречался Мухиб. Было Мухибу на вид лет сорок. Ростом он был невысок, от того и на каблуках ходил, седой, с морщинами, носил один и тот же старый, но всегда вычищенный, выглаженный костюм. Он любил изготавливать из бумаги и тряпочек маленькие цветочки, и поливал их одеколоном. Эти милые благоухающие штучки Мухиб прикреплял булавкой к лацкану пиджака.

Три дня назад Мухиб принимал у себя дома, кормил, поил Виктора Константиновича, как никогда. Как в последний раз. Весь вечер и сам он, и его сподвижники только об одном и говорили, и все спрашивали у советника — снова и снова — действительно ли советские уходят? Навсегда ли? Вдруг все-таки Москва примет решение оставить какую-то часть войск? И каждый раз он отвечал им, что незачем устраивать панику, что все будет хорошо. А что еще им скажешь? Не скажешь же им, что все, хватит, теперь давайте сами выкручивайтесь?

— Я слышал, — Мухиб словно хватался за последнюю соломинку, — что у вас есть такие большие самолеты, которые могут сразу перевозить шестьдесят тонн груза.

— Есть такие.

— Людмиле от меня низкий поклон.

Афганец принял руку, потряс, и полез обниматься, зарыдал. Затем открепил от лацкана искусственный цветок:

— Это вам на память.

— Спасибо, Мухиб. Будешь в Москве, позвони.

— Эх, — всхлипнул афганец.

— В Дар-уль-Аман, — советник сел в машину. — Поехали.

Надо попрощаться — там все начиналось...

Он открыл форточку, бросил на дорогу надутый цветок.

Вдоль всей длинной улицы от советского посольства до министерства обороны Афганистана вырубали деревья. Их убрали заранее, распилили на чурки, и стволы и сучья аккуратно сложили, увезли: на обогрев пошли сучья, на стройматериалы древесина. В лишенном лесов Афганистане дерево ценилось высоко, было не по карману беднякам. Бедняки теперь ковырялись лопатами, руками, выкорчевывая остатки. И справа и слева от дороги образовались что-то наподобие воронок от бомб.

— Взлетную полосу готовят, что ли? — шутивым тоном заметил шофер.

— Угадал.

— А ведь и правда, запросто сядет самолет. А жаль, такая аллея была, лет по пятьдесят деревьям было, не меньше.

Дворец Амина. Сверху открывался великолепный вид на зимний Кабул. Морозило, кое-где лежал снег. Советские солдаты, охранявшие дворец, вовнутрь никого не пускали. Один из них, в старом выцветшем бушлате, держал в руках кирзовые сапоги и собирался выкидывать их с холма за каменную ограду, уже замахнувшись.

— Ты что делаешь? — спросил Виктор Константинович.

— Да они старые. Выкину на х...р!

— Оставь, — как-то по-хозяйски заметил советник. — Афганские сорбозы заберут. Им пригодится.

Из-за угла возник другой солдат, потупился, неуверенно вымолвил:

— Извините пожалуйста, у вас спичек не будет?

Советник протянул зажигалку.

— Я сейчас, я быстро, — засуетился солдатик. — Сейчас, только подожду. Дали вот тут какие-то секретные документы уничтожать. Спички кончились.

Боец направился к вываленной на асфальте около мусорных баков бумагам. Часть из них тлела. Чиркнула зажигалка. Пламя задул ветер. Солдат нервничал, пару раз обернулся на советника, опасаясь, что тот рассердится и отберет зажигалку, и тогда он не сможет выполнить порученное задание. Ветер разносил по асфальту горевшие листья.

«Типичная картина для нынешних времен, — Виктор Константинович как-то печально ухмыльнулся. — Узнаю нашу родную армию. В последний момент забыли о самом важном! Впрочем, всем нынче на все наплевать... Бардак!.. Выгрызаем себя изнутри. Победить нас извне — невозможно. Какое-то прямо-таки безжалостное самобичевание, самоубийственные тенденции вдруг берут верх. Откуда это в нас? Строим-строим, а затем все сами же и разрушаем... до основания... а затем?»

Менялся хозяин дворца. Только в этот раз среди бела дня, без жертв, без переворота, без штурма, без режущих темноту желто-красных нитей трассеров, без несущих смерть осколков и крови на каменном полу, на парапетах, на лестницах, без посеченных «шилкой» колоннад...

Знал о штурме дворца Виктор Константинович не понаслышке. В декабре 1979 прибыл он в Кабул, на вторых ролях руководил операцией, и после устранения Амина, пока очищали дворец от трупов, осматривал этажи и личный кабинет бывшего лидера. До сих пор не забыл, как хрустело разбитое стекло под ботинками.

— Десять лет... — Виктор Константинович придавил бычок.

«Волга» спустилась по серпантину, подъехала к двухэтажному зданию бывшего гарнизонного Дома офицеров.

Страшный, с облупившейся зеленой краской памятник вождю мирового пролетариата тоже увозили на родину. Сотворен он был неизвестным и бесталанным скульптором, и узнать товарища Владимира Ильича в этом крепыше на постаменте было не легко. На Ленина накинута сетка, подняли в воздух и запихнули в грузовик с тентом. В принципе, тащить его в Союз было вовсе не обязательно, учитывая, что позади оставляли материальные ценности на миллиарды. Но в данном случае речь шла о вопросе политическом, вопросе принципиальном.

По территории бывшего штаба одиноко слонялись афганцы, которым раньше путь сюда был заказан, если не считать редких встреч в рамках мероприятий по укреплению афгано-советской дружбы. Афганцы с любопытством заглядывали в окна закрытых модулей.

— Кончилась советская власть в Кабуле. Скоро они здесь станут хозяевами, — с грустью сказал советник.

Каждый второй сорбоз нес мешок. Проехала афганская пожарная машина, заваленная стульями из столовой, старой мебелью.

— Все подряд тащат, — недовольно выпалил Виктор Константинович. — Варвары... Не пройдет и дня, как они растащат горо-

док по кускам. Сколько лет строили...

— Только афганский генерал ходит с одной тросточкой, ничего не подбирает, — обратил внимание толстоватый водитель.

— Потому что он свое получит, — пояснил Виктор Константинович. — Ему все привезут младшие офицеры на грузовике. Он только своей указкой махнет на то, что его интересует.

Около свалки остановился роскошный черный «мерседес», и афганский водила принялся рыться в мусоре. Он вытянул старую рваную солдатскую форму, внимательно разглядывал ее, после чего вновь зарылся в мусоре и вытащил на этот раз какую-то коробку со старым барахлом. И форму и коробку водила сунул в багажник машины.

Оставшиеся до полной передачи городка советские солдаты батальона охраны походили на жалких заморышей. Шаркая давно не чистенными ботинками, в выцветших бушлатах и засаленных брюках, они следили через колючую проволоку за афганцами.

Проехал грузовик со стариком в кузове. Он накрылся одеялом так, что торчала одна седая борода. Старик развозил обеды.

Брошенный хозяином, привязанный на веревке, жалобно тявкали на афганцев пес. Его не взяли...

На выезде, перед распахнутыми воротами, стоял афганец со старой саблей в руке, открытым ртом и неумным выражением на лице.

Вот и кончилась война... Почти десять лет. Хотели как лучше,

Страшный, с облупившейся зеленой краской памятник вождю мирового пролетариата тоже увозили на родину. Сотворен он был неизвестным и бесталанным скульптором, и узнать товарища Владимира Ильича в этом крепыше на постаменте было не-легко.

а вышло как всегда... «Х...рово», — подумал советник. А вслух сказал:

— Весь этот Афганистан не стоит и одной капли русской крови...

— Простите, не расслышал, — обернулся водитель.

— Ничего, это я так.

— В посольство будем заезжать?

— Нет. Давай прямо на аэродром.

На бетонке, рядом со «скотовозами», стояли ожидавшие вылет в Союз не дослужившие свой срок солдатики в бушлатах, стояли и дембеля в ушитых брюках, в кителях с редкой медалью или орденом, со всевозможными воинскими значками, в начесанных шинелях, с чемоданчиками. Гордыми стояли дембеля, навоевавшие и натерпевшиеся, выложившиеся, выстоявшие, повзрослевшие. Мечтали они о жизни на гражданке, о жизни в мире без войны.

Им очень хотелось верить, что дома их встретят как героев и станут восхищаться их особой миссией, ведь пишут об этом в газетах больше и больше.

Чуть поодаль, в форме и в джинсах, выпившие и трезвые, хмурые и счастливые, ждали погрузки офицеры, прапорщики, женщины: скромные, невзрачные, одинокие и яркие, избалованные вниманием, с кипой барахла в больших сумках, сшитых из парашютного шелка, плащ-палаток и простыней.

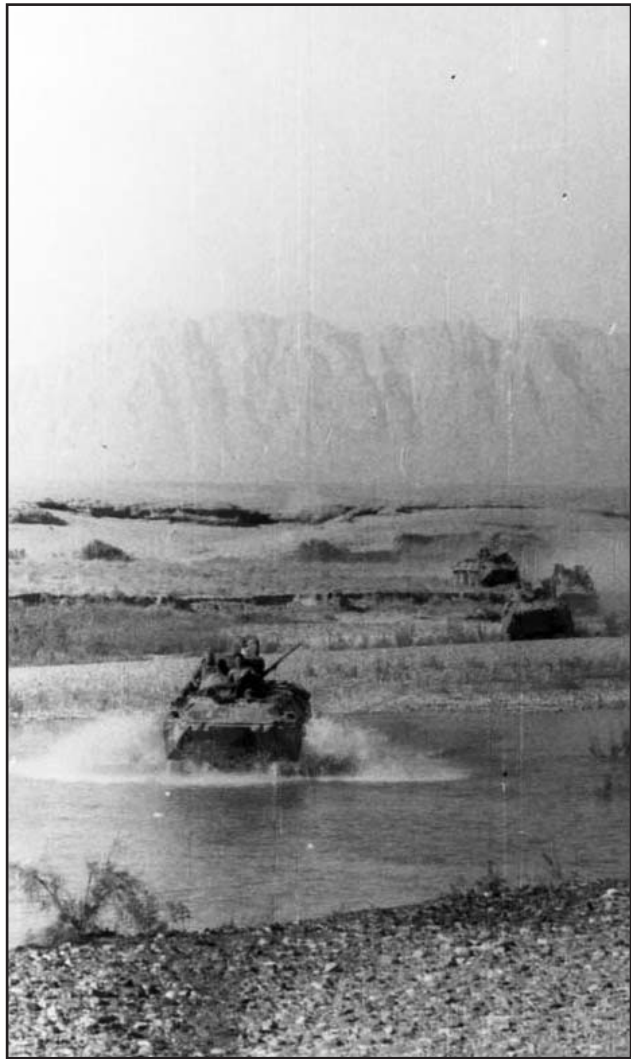
Отличие от солдат и офицеров, выходящих колонной, для которых еще готовился на границе, в Термезе, особый праздник и прием, громкие речи, которых с волнением ждали съехавшиеся

со всех концов, со всех республик родные, — в отличие от них, военнотружачие, летящие бортами, покидали Кабул без фанфар, митингов и транспарантов. И в Союзе никто не встречал их восторженными речами. Напротив, излишнее усердие проявляла таможня, опасаясь впустить оружие и боеприпасы, наркотики, антисоветскую литературу; и, пройдя досмотр, разбрелись воины-интернационалисты кто куда, разъезжались, зная, что со многими боевыми друзьями больше никогда и не свидеться.

— ...он должен был лететь крайним, — сказал приятелю офицер в летной камуфляжной форме. Вовсю шла погрузка в «скотовоз». Товарищи их уже поднялись на борт. Летчик отпил из банки пива: — Все было готово, весь график вывода утвержден. И тут командующий ВВС появляется. Что-то они не поделили, шлея ему под хвост попала, не знаю, он возьми и скажи, что Митрофанов посылает людей через Саланг, а сам маршрут-то и не проверял. Да и погоду плохую давали, туман, снег. Митрофанов психанул, полетел первым. Мы ему загрузили канистры со спиртом. Завершение вывода отмечать собирались... — офицер глотнул пива: — Надо ему было назад поворачивать. А он, видать, не успел. Или прорваться надеялся.

— Разбился?
— Леший его знает.
— Может быть, духи завалили? После того, как Ахмад-шах бомбили...

— Кто там в горах, на перевале, остался? Всех смели БШУ. Вряд ли... Хотя, говорят, на одной заставе на Саланге вроде слышали,

как кружила в тот день где-то вертушка, и автоматную стрельбу слышали. Нет, сомневаюсь, что это духи... Заплутал Митрофанов, в скалу, небось, врезался. Мудрено ли, в горах, в тумане?

— Не нашли?

— Какой там! Дай присмолю, — сыроватая сигарета плохо раскуривалась на ветру. Он выпустил дым через нос. — Странное дело, знаешь, как раз ровно за месяц до этого он мне говорит: «Слушал тут голос сына на магнитофоне, и показалось, что никогда его не увижу...» Я тогда подумал, что у него дома что-то не ладится, а видишь, Митрофанов как чувствовал неладное. Нездаром у него «звоночки» были...

— Вот так вот, — опустил голову собеседник, — за две недели до конца войны!

— Да-а-а, — офицер в летной форме раздавил в кулаке пустую пивную банку. — И, главное, наши канистры со спиртом плакали...

— Слышь, Палыч! Я такой подарочек оставил для афганских друзей! — хвастался тут же рядом выпивший прапорщик. — Запал от гранаты в нижний ящик шкафа сунул. Они наверняка рыскать станут, откроют...

— Надо было гранату на растяжке поставить! — с сумасшедшим блеском в пьяных глазах гоготал лейтеха.

— Пошли! Пошли! Борт улетает!

Не рассуждая, не споря и никого не виня, терпеливо снося все испытания и выказывая бесстрашие в бою, честно служили солдаты вдали от дома; служили положенный срок, веря в слова командира и преданность друзей; и ни один из них, спроси его, не смог бы определить одной фразой, чем так сплотила их Афганская война и что за странное афганское братство увозили они с собой.

Служили Родине офицеры и прапорщики, служили в надежде остаться в живых, уцелеть для молодых и немолодых жен, детей, родителей, которые ложились спать с молитвой о сыновьях. Служили в охотку и поневоле, служили, потому что любили свою профессию, служили за ордена и медали, за звания, за двойной оклад и немного чеков. Служили, определенно зная, что Родина, пославшая их на войну для выполнения «интернационального долга», никогда не предаст, наоборот, возведет подвиг их ратный. Родине, считали они, нужны верные сыновья, Родина непременно воздаст каждому, стоит лишь потерпеть да подождать до поры до времени.

Любовь к Родине, как к существу живому, дорогому, уникальному, и потому неповторимому, единственному — к дому, к родным, к земле, к образу жизни привычному — естественно жила в каждом солдате, прапорщике, офицере. Они знали, что Родину не выбирают, как не выбирают родителей. Они порой ругали ее, мучались и страдали от заведенных в ней неразумных порядков, и тем не менее принимали бесхитростную жизнь как она есть, со всеми ее невзгодами, они покорно и верно служили ей, готовые защитить, не дать в обиду.

Никто из них не думал об этой любви. Она просто жила внутри. Это чувство глубоко запрятано в русском человеке — стеснительное, личное, неподдельное, искреннее, о котором не принято рассуждать вслух, себе самому сознаваться в любви этой и то порой не всегда выходит.

...но вот ведь парадокс чисто русский... русскому человеку за любовь его и преданность Родина никогда, почти никогда не платит взаимностью... <ИВ>

Андрей
ГРЕШНОВ

<http://www.artofwar.net.ru> - история афганских войн

РОЗОВЫЙ ПЕСОК

Июнь 1979 - август 1980 - военный переводчик группы Советских военных советников в ДРА (4-я танковая бригада ВС ДРА) гг. Кабул, Джелалабад. 1983-1987, 1989 - корреспондент ТАСС в ДРА.

Шел февраль года Девятого. Удивительно бесснежная и солнечная стояла зима. Утром морозный, днем воздух прогрелся, и можно было ходить без свитера, в тонкой осенней куртке. Впрочем, что-нибудь теплое всегда брал с собой в машину — сидеть и караулить свою очередь на бензоколонке. Практически все светлое время суток убивалось на то, чтобы перехватить где-нибудь канистру бензина. Без очереди, как раньше, шурави не пускали. Водители тойот и «флюксов» стали дико озлобленными, запросто могли надавать по роже.

Бензин, керосин и дизтопливо в Кабуле кончились. Население начало пилить и вековые деревья, и тонкие кусты, не жалея того, что было посажено руками школьников на субботниках, приуроченных к славным годовщинам Апрельской революции. На Чикен-стрит («зеленый базар») и дальше в Шахре на пахло гарью — жгли уголь и окаменевшие корни деревьев. Энергоснабжения практически не было. В осиротевших лавках тускло мерцали лучины, опущенные в комбиджир. Не было даже керосина, чтобы запалить индийские лампы и обогреватели. По ночам люди мерзли. В кишлаках, прилепившихся к пологим горам, окружавшим афганскую столицу, в темное время суток было очень зябко. У пекарен выстраивались женщины, покупавшие сразу десятками продолговатые серые лепешки. Белой советской муки больше не было. Индийское посольство штурмовали толпы желающих покинуть родину. В городе потихоньку стали появляться подозрительные молодые люди с тонкими бородками, на головах которых красовались

северные шапки-«блины». В воздухе витал запах приближающейся разрухи. Время клубилось и шло вспять. На Родину уходили советские солдаты.

Шестого дня мы не выдержали и поехали в Сороковую просить подаяния. В Дарульамане царил кавардак: по полупустым кабинетам и длинным коридорам бродили немногочисленные офицеры и солдаты, набивающие «секретной» макулатурой огромные мешки. И хотя в некоторых кабинетах еще продолжали работать военные, было совершенно очевидно, что все это ненадолго. Сердце ныло. Неужели, вот так, просто, все в момент возьмет, да исчезнет? Уйдут в небытие годы жизни, полные радости и горя, удач и невзгод? Уйдут навсегда те, кого я любил и ненавидел, да просто, с кем рядом жил человеческой жизнью? Да уйдут, время пришло. Страшная и неумолимая субстанция...

Обратились к старшим офицерам — не помогут ли разжиться бензином? Их командир и начальник штаба лишь скривили рожи — у них приказ все остатки топлива уничтожить, никому ничего не давать, даже тем, кто остается в Кабуле без прикрытия. Извиняйте, братцы, говорил командир, ничем помочь не могу. Начальник штаба был еще более тверд и преисполнен решимости выполнить последний приказ Родины и командования: военное добро сгноить и изничтожить, но ни крохи, ни капли врагу, то есть нам, не отдать.

Так бы они воевали, как командовали, подлые. Приказ о том, чтобы не давать никому остающегося бензина, был отдан по согласованию с Варениковым. Стратег. Я слушал заклинания командиров, а в голове всплывали слова бойцов, неоднократно сказанные об этом военачальнике. Не приведи господи было помянуть при них — солдатах и младших офицерах, на чьих руках умирали их товарищи, —

Звезду Героя Валентина Варенникова. Сразу следовала реплика: «Ему Звезду, а его телке — за БЗ». И неважно уж сейчас, какой из двух телок — той, что упала с лошади на конной прогулке и сломала руку, или той, которая, убыв в заграникомандировку из советского совхоза, верой и правдой одаривала его теплым парным молоком. Не знаю, сам не видел, только слышал неоднократно. Неважно, был ли он по-настоящему талантливым и прозорливым генералом. Возможно, и был. Но я не штабист и мало в военном деле смыслу. Важно другое. Когда-нибудь справедливость восторжествует, и он будет вечно коптить деньги на «Si-Si» и конфеты, не имея возможности их получить. И когда продаст последнее, чтобы купить что-нибудь к пустому чаю, его выгонит из очереди в небесную «Березку» зоркий Ангел-особист. Это, конечно, если есть небеса.

Ну и суки, думал я, «братца» нашли, крохоборы. Неужели никто не поможет? Только подумал — и сбилось. Мир, однако, не без добрых людей, хотя их по жизни намного меньше, чем черствых и бессердечных. Помог начпо. Не помню, как его звали, симпатичный и душевный человек. Если живой — пусть радуется солнцу до самой старости. Если умер, пусть знает — его помнят. Он отдал приказ помощнику-лейтенанту сопроводить нас на Пересылку около кабульского аэродрома, где, по его сведениям, стоял Последний наливник, заправляющий Последние боевые машины.

Красная струя этилированного бензина, журчавшая из крана бензовоза, была явно толще горловин канистр, банок и бачков, привезенных нами. Бензин поливал землю, и я с ужасом смотрел, как это богатство впитывается в розовый песок. Нашел даже какой-то тазик, подставил. Солдат, наливавший нам родной 76-й, улынувшись, сказал, что собирать капли, однако, не надо. Все уже заправлены, и после нас он все равно вылетит весь бензин в землю — такой приказ. С собой запасов топлива брать было нельзя. Глядя на этого парнишку, опять почему-то по-нехорошему Варенникова вспомнил. Году в Седьмом был я среди прочих у него на совещании по «национальному примирению» в Тадж-Беке и задал по молодости ряд неприличных вопросов: «Почему Вы не разрешаете служить солдатам, которые того хотят, сверхурочно? Почему такая возможность предоставляется не всем офицерам? Ведь если будут воевать опытные бойцы и офицеры, потери можно будет сократить? Зачем было посылать сюда необстрелянных прибалтов, колонну которых на второй же день начали колошматить по дороге из Мазарей? Да вообще, зачем проводить эти бесчисленные масштабные операции, в которых с обеих сторон гибнут тысячи людей, если особого результата от этих операций нет, а афганцы лишь все больше озлобляются? Что, в СССР ракет нет, и обязательно нужно солдат по земле пускать?» На эти вопросы генерал, на щеках которого выступила резкая краснота, мне тогда ответил очень жестко, почти по-звериному: «Что Вы можете понимать в военном деле? Наша задача не победить в этой войне, а «обкатать» на

Морт 40-й армии. «Это все, что останется после меня»

ней как можно больше людей, пропустить через ее горнило как можно больше солдат и офицеров, чтобы повысить боеспособность войск». Может быть, я чего-то тогда и не понял в столь глобальных проектах, но как человек он в те минуты для меня умер безвозвратно. Без права быть воскрешенным. В блокноте, в котором записывались ответы, я вместо них нарисовал большой цинковый гроб...

Журчала струя, в канистры вместе с красным бензином, брызгая на песок, текли мысли, от которых никуда было не деться.

Сколько раз я сидел на камнях в батальоне ПВО рядом с этой проклятой Пересылкой и, подперев голову руками, с тоской смотрел, как через два ангара с оцинкованными крышами идут все новые и новые солдаты-новобранцы в высоких кирзачах. Их, по замыслам генералов, надо было «прокатать». Или «укатать». Точно не разберешь, что именно имелось в виду. Солдаты зачем-то писали в пробирки. Входили во второй ангар из первого с желтыми пробирками, а выходили с фиолетовыми. Некоторые просто шли мимо, выливая мочу на землю и выбрасывая стекляшки в огромную кучу. Рядом на камнях и просто на земле сидели те, кто излечился от желтухи, тифа и амёбы. Забытые родиной солдатики, которые ждали бортов, отвозивших их в провинции, поближе к Смерти. Они не улыбались. А в Союзе люди веселились, ели, пили и любили. Там было все равно, что где-то в горах гибнут беззащитные перед судьбой и системой пацаны из, как правило, бедных и многодетных семей. Может, только их мамам и папам было не все равно...

Подъехал БТР, из которого вышел майор, сказавший нам, что завтра ВСЕ. Из Кабула уходит последняя группа. Остаются только десантники на аэродроме — совсем мало, так мало, чтобы только обеспечить вылет оперативной группы Минобороны. Залезли к нему в боевую машину. В одном из баков вместо горючего была брага. Хлебнули на посох по одной. Договорились, что, если мы завтра вдруг захотим их проводить, надо прибыть на Пересылку в 5.00.

Всю ночь я не спал и уже в три часа был готов к отъезду. Однако мой тогдашний начальник — Тысовский — не спешил, все что-то возился. Из-за него опоздали на 10 минут. Но, слава Богу, ребята нас ждали, хотя уже и матерились.

Последний БТР. Последние Солдаты. Тысс щелкал фотоаппаратом, как настоящий репортер, а у меня в горле застрял ком, и я просто ничего не мог ни вымолвить, ни сделать. Вспомнил зачем-то, как я их недружелюбно встречал в 79-м. Пасмурная тогда стояла погода, промозглая, дул холодный северный ветер, шел снег. А сейчас никакого ветра. Только солнце заливает своими лучами все вокруг. Сам Господь, видать, провожает их домой.

Последние слова, Последние рукопожатия. Вот он, последний БТР. Завыл и попылил на северо-запад. Что-то хрипя, я шел за ним, все убыстряя шаг, потом побежал, совсем как пацан. Меньше всего мне хотелось в тот момент видеть кого бы то ни было живого. Пыль забивала глаза, и я плакал. Никто не видел.

Что-то сломалось во мне тогда. Внутренняя пружина сжалась до предела, хрустнула, да так и не распрямилась. Просто осталась лежать в песке ненужным убитым амортизатором. С тех пор я напрочь потерял в Афганистане чувства любви и ненависти, опасности и тревоги, не испытывал ни перед чем особого страха. Они, эти чувства, потом вернулись, спустя много лет, уже в другой стране, но тогда их не было.

В пустой солдатской столовой — просторном коричневом деревянном строении — в правом дальнем от входа углу я взял табличку с меню «второго» от последнего солдатского обеда. Берег ее, а потом вместе с солдатским колючим одеялом привез в Советский Союз.

Провожать через несколько дней штабистов на аэродром я уже не поехал. Это были чужие люди. Мой БТР с Последними Советскими Солдатами уже шел по Салангу. <#>

Павел
АНДРЕЕВ

<http://www.artofwar.net.ru> - история афганских войн

ТЕНЬ

*«Я глубоко убежден:
нет такого понятия, как полная забывчивость:
след, отпечатавшийся в памяти, неизгладим.
Томас де Куинси»*

Лето на Урале — не всегда солнце, но всегда пора чувственной анархии и тотальной раскованности. Зной вокруг и в сердце.

Кондиционер работал исправно. Воздух был свеж и чист, как глоток родниковой воды. В центре просторной приемной молча стояла секретарша. В тягучей паузе ледяной тишины она словно замерзла в позе строгой классной мамочки. Прикрыв за собой дверь, я молчал, точно школьник, вызванный в учительскую. Мои эмоции — вот, что ей сейчас было нужно. Как только я покроюсь красными пятнами и с волнением, дрожащим голосом начну объяснять, кто я такой, она почувствует свою власть и начнет раздвигаться, заполняя собой каменную недвижность офиса. Лучше промолчу, решил я и нагло уселся в кресло — долой рамки, стереотипы и обязательства.

Светлая блузка с нескупными, жизнерадостными в самых неожиданных сочетаниях полосками скромно, но со вкусом, подчеркивала все достоинства ее фигуры. Форма следует субъекту — принадлежащие нам предметы такие же, какие мы сами. Поэтому ювелирные украшения могут быть солидными и серьезными, а могут быть смешными и трогательными, как детская игрушка. Сердечко из белого золота с похожими на льдинки аквамарины только казалось простым кукольным украшением.

Симпатичная обаятельная блондинка, похожая на кусок прозрачного льда, таила внутри огонь и холод. Ее чувственность и жар под кожей выдавал контрастный аромат с пряностью жасмина и прохладой лимона. Почему простые женщины с рыхлыми попами и большими животами всегда пахнут потом, а нестареющие Kunderwhore с длинными ногами и осиными талиями почему-то непременно воняют духами? Ох, любим мы, чтобы было «богато».

Излучая уверенность в себе, неприступная льдинка на стройных ножках неожиданно заговорила замогильным голосом, медленно, взвешивая каждое слово. Вопросы задавались холодно и властно. Я невольно прижал ладони к бедрам, боясь получить линейкой по рукам. У нее были свои правила игры, которые она никому не позволяла нарушать. Вы, мол, посидите, сколько нужно, и все равно потом уйдете, а я останусь с начальником, этим взрослым ребенком, как бы говорила она всем своим видом. Обычная эмансипированная особа, нашедшая на работе недостающий дома адреналин. Местная версия Скарлетт — женщина, которая все время борется, но никогда не побеждает.

Услышав послушный ответ о назначенной мне встрече, она успокоилась и улыбнулась. Резко развернулась и, отстучав каблукми по паркету победный марш, вернулась на свое место. Села прямо, развернув плечи. Локти сдвинула до отказа назад, грудь — вперед.

Зафиксировав положение на пять секунд, вытянула руки вперед и, упершись спиной в спинку кресла, громко захлопнула папку с записями. Несимметричный мир назначенных кем-то встреч превратился в пустой звук. Зачем вообще блондинки красят корни волос в темный цвет?

Сегодня в бизнесе всем хватает простодушия, но не всем хватает простоты. Это только со стороны кажется, что все делается по закону кавалерии — прискакали, порубали и ускакали. Уха тоже варится просто и быстро, но для этого нужны удочка, время и удача. Главный ингредиент — время. Жизнь коротка, и поэтому потерянного времени жаль больше всего. Мы становимся профессионалами по мере и в ходе конкретной работы.

Найти партнера по бизнесу нетрудно. Найти подходящего партнера, чтоб понимал с полуслова, гораздо сложнее, чем подыскать приличную жену. От общения партнеры должны, просто обязаны, получать удовольствие. Вот такой вот gay-club. Бизнес — это не выколачивание денег, это — комфортное состояние души.

Какова его цель в бизнесе со мной? Ради достижения каких целей он готов делиться со мной прибылью? Прибыли в мире нет и делить поровну нечего. Деньги лишь вращают механизм шестеренок под названием «оборотный и стартовый капитал», «наклад-

ные расходы», «финансовая и материальная ответственность за принимаемые решения», «текущие идеи» и «Ноу-Хау». Деньги — навоз: если их не разбрасывать, то от них не будет толку.

По первому пункту. Если он предложит мне работать без адекватной зарплаты, то это прямые инвестиции в проект. Если на это уйдет больше года работы — проект не может стоить дешевле ста тысяч долларов. А если его никто не хочет купить за сто тысяч баксов, то надо признать банкротство идеи или сделать соответствующие выводы.

Стоимость оборотного и стартового капитала зависит от гарантий успеха. Чем больше гарантий — тем он дешевле. Если гарантий нет — значит, стоимость проекта неопределенна. Накладные расходы тоже имеют свой разумный предел — сто процентов оплаты труда.

Финансовая ответственность? Принимать решения нужно, но при этом надо отдавать себе отчет: в какие финансовые убытки они могут вылиться. Сумма финансовой ответственности не может быть меньше величины возможных убытков. Иначе решения придется принимать коллегиально — делить убытки между собой.

«Ноу-Хау» — самое главное. Если после вычета предыдущих пунктов от бизнеса что-то останется, этот остаток и будет стоимостью «одноразовой хитрости». Величина может оказаться и отрицательной. Грустно, но факт.

Короче. Прибыли нет и никогда не будет! Вопрос ее распределения чисто риторический. Пятьдесят на пятьдесят, двадцать пять на семьдесят пять — бред сивой кобылы.

В данном случае, если этот парень разрешит мне инвестировать в его технологию деньги, мою голову и мое время, то надо конкретно спросить его, что он хочет за это получить — и гарантировать ему это. Если он хочет повысить износостойкость деталей к буровым насосам, не повышая значительно их себестоимость, — да ради бога! Я найду для него новых потребителей и новые заказы — надо и другим давать возможность поработать. Многим хочется иметь компанию с оборотом в миллион долларов. Вот только если нужно больше, надо спрашивать — зачем столько денег? Знаю ли я, куда их деть? А если знаю, то зачем пришел к нему со своими деньгами, идеями и временем? Если я жалею на отсутствие поддержки, это верное свидетельство того, что не заслуживаю ее. Вот такой занятный ребус.

В кабинет меня пригласили точно в назначенный срок — секунда в секунду. За столом сидел симпатичный мужчина моего возраста. Подчеркнуто вежливо и доброжелательно он предложил мне присесть. Сразу перешел к делу. Пока он говорил, я рассматривал его.

Аскетизм его черного костюма и стиль «никак» говорили о привычке к самоограничению. На фоне всеобщей чрезмерности московского шика за этим не всегда скрывается простота. Рубашка — батн-даун, галстук — как у фраеров в Европарламенте. Такие парни сразу из рук мамы попадают в руки жены. Чувствуя эту обреченность, они без борьбы сдаются на милость супруги и тещи. Они только кажутся высокомерными, но это только потому, что любят соблюдать дистанцию. Работа для них — большой ребенок, которого надо поить и кормить. Им самим порой нужна хорошая нянька. Такие ничего не знают про себя, пока кто-то им не расскажет. Некоторые из них часто выглядят дураками лишь потому, что не представляют, что на самом деле происходит вокруг.

Люди вообще отличаются друг от друга отношением к себе и к действительности. Многие страдают, но ничего не делают, чтобы изменить собственную жизнь. Опыт прошлых неудач давит на них так сильно, что даже самые мелкие неприятности воспринимаются ими как трагедии. Доброжелательное отношение вызывает подозрение, скрытый подтекст, корыстные намерения. Вместо того чтобы искать опору в самих себе и мобилизовать скрытые резервы, они пытаются найти «костили» и временные опоры в случайных людях и ситуациях, тем самым опять-таки попадая в зависимость. Как мыслишь — так и существуешь.

В его словах сейчас явно доминировали мотивы сотрудничества, но в нервных движениях его пальцев я видел смутно осознаваемые им мысли. То, что сейчас находилось на заднем плане его сознания, еще недавно формировало его нерешительность. Эти мотивы, еще вчера казавшиеся столь яркими и убедительными, сегодня представлялись ему бледными и лишенными былой живости. Свобода воли — вопрос контроля внимания. Кто отвлекает нас, тот нас и контролирует. Если человек в течение многих дней имел определенное мнение о проблеме, а потом вдруг, после длительного колебания, принял решение — очевидно, что поступок подготовлен влиянием окружающего мира и предопределен обстоятельствами.

Такое колебание воли между возможными в будущем вариантами альтернативы напоминает колебание маятника в пределах упругости его нити: в ней есть внутренне напряжение, но нет еще наружного разрыва. Но вот действие упругости «нити» прекращается, нервные токи молниеносно пронизывают кору мозга, колебания и сомнения отступают, приходит решение — разрыв, маятник падает в «выбранном» им направлении. Так поток воды неожиданно прорывает плотину.

Первым условием для таких решений является предварительное накопление мыслей, которые остаются в памяти человека после того, как он неоднократно произвольно их воспроизводил. Так спортсмен под присмотром опытного тренера тренирует свою эмоциональность и нерешительность. Кто взорвал эту платину сомнений и недоверия?

— Мы рассмотрели ваше предложение и сообщаем вам о своем согласии. Нас устраивают ваши условия и подход к делу, — отвергая один из вариантов, он сейчас ясно видел, что именно теряет в эту минуту.

Каждый человек разоряется по-своему, в соответствии со своими склонностями и привычками. Преднамеренно вонзая иглу выбора в свое тело, он совершал внутреннее усилие, рождающее окончательное решение. Подобное усилие воли всегда неприятный факт, связанный с осознанием собственного одиночества. Единственной целью его желания, которое он с облегчением и осуществил тотчас же, была авторучка, предложенная им для подписания договора. Протягивая ее мне, он случайно рукавом пиджака задел папку с договором, которая, толкнув, уронила на стол фотографию

в изящной рамке на подставке. Ставя свою закорючку, я заметил, как он бережно поднял упавшую фотографию. Поймав мой взгляд, он протянул ее мне.

От моего нового партнера пахло ароматом, сотканным из нот бергамота и грейпфрута — запах попутного ветра, который вдруг поднимается в минуты отчаяния. Запах моей удачи. Заклинание, снимающее с души то, что давно томило и мучило. После того, как я несколько раз испытал на себе действие этого заклинания, я уже научился ожидать его результатов. В таких случаях можно предвидеть развитие событий, даже если поступки окружающих остаются столь же произвольными, как и прежде.

Я взял фотографию в руки. Обычная старая черно-белая фотография — застекленное окошко в прошлое. На плоскости без горизонта стоят двое. За их спинами, словно масштабная линейка на снимке криминалиста, торчит вкопанный в землю «пенал» от градовского «карандаша». Можно только догадываться о наличии периметра из колючей проволоки. Самодельные разгрузочные жилеты одеты на голое тело, ниже — бесформенные шаровары КЗС. У каждого на левой груди болтается приколотый булавкой к жилету перевязочный пакет, на бритых головах — самодельные кепки, вырезанные из панам, на ногах — кроссовки. У одного в устало опущенных руках — ПКМ, заправленная лента перекинута через плечо. Пустой конец ленты почти касается земли. У другого — руки плетью повисли на СВДешке, закинутой, словно коромысло, на голые плечи. Обычный сюжет на тему: «двое справа — это мы». Но память не снимает кино, она делает кадры. Крайним справа, с пулеметом, был Пуля!

Мы сидим в уютной кабинке «Ирландского двора». Дым его сигары, которую он жует как беломорину, создает особую атмосферу. Много дыма — много дружбы. Постоянные клиенты безупречных заведений имеют право на любые причуды. В ароматном табачном облаке его слабости расцветают, словно цветы на хорошо взрыхленной клумбе.

— Very Special, — он разворачивает бутылку этикеткой ко мне.

Мир коньяка наполняется условностями, но алхимические формулы английских аббревиатур на этикетке бутылки быстро теряют для меня всякий смысл. Коньяк не водка — его много не выпьешь. Видимо, не зря Минздрав предупреждает: хорошего — понемножку.

Я не спешу с расспросами, боясь оттолкнуть человека, привыкшего держать круговую оборону. Жизнь научила нас обоим крайне сдержанно относиться к людям, которые вдруг начинают пылать к тебе симпатиями. С последней их встречи прошло почти двадцать лет. О чем говорить?

— Как у него сейчас дела? — спрашивает он, не забывая налить новую порцию коньяка в мой пузатый sniffтер.

Я вспоминаю, как жил все эти годы. Судьба за это время не одарила меня ничем, кроме этого благоприятного случая. Упертым помогают обстоятельства. Они возникают, кажется, случайно, но на самом деле их рождает фактор необходимости — страх плюс оживания и минус мечты идиота. Трудные ситуации проверяют нас на прочность, они показывают, на что мы способны на самом деле. Пока жизнь продолжается, всегда есть шанс отыгаться.

Рассказываю ему, как познакомился с Гришей — братом Болта, про Душу, про Пулю, — про всех, с кем меня познакомил Прицел.

— А про Сенжарай он тебе ничего не говорил? — откровенно перебивает он меня.

— Пуля рассказывал что-то, — ляпнул я, допивая очередную ударную дозу коньяка.

— И что же он тебе рассказал? — его лицо отражало состояние

души, вызванное настоящим страданием.

Что может сделать одно слово? Замкнуть психологическую цепь, разрушить уверенность в себе. Поразительно, какой огромный урожай новых истин можно собрать посредством одной фразы.

Параметры вооружения определяются просто — прицельная дальность, скорострельность, емкость магазина, вес оружия, личные навыки обращения с ним, общая физическая подготовка. Все это усложняет выбор, но увеличивает число личных привязанностей. Именно персональные предпочтения определяют вероятное поведение бойца в обнимку с любимой игрушкой. Вот почему так важно позволять пацанам возиться с оружием в свое удовольствие.

Парадокс, но отсутствие уставных ограничений на ношение оружия вынуждало относиться к солдату как к личности. Концепция формирования характера привязанности командира к бойцу заставляла отвечать за свои приказы — страх потери лучшего бойца не оставлял офицера даже на плацу. Считалось, что неприспособленных лучше выявлять сразу, чем тащить их с собой, чтобы потом, под огнем, вытаскивать на себе с поля боя. Система естественного отбора — игра с жесткими правилами.

Перед каждым бригадным рейдом роты строились на плацу. Их повзводно осматривали выбритые и отглаженные штабисты со следами хронического похмелья на бледных лицах. Кто-то безразлично брал то, что попадало под руку в оружейной палатке, а кто-то — то, что доставалось.

— На, бери, трубадур**, — Пуля брезгливо сунул в руки Паши гранатомет.

— Это что? — Штабной капитан с лицом санитара сумасшедшего дома ехидно тыкал пальцем в трубу РПГ.

— Это гранатомет, — с достоинством ответил Паша, уже научившийся решать, а не создавать проблемы.

Люди вообще отличаются друг от друга отношением к себе и к действительности. Многие страдают, но ничего не делают, чтобы изменить собственную жизнь. Опыт прошлых неудач давит на них так сильно, что даже самые мелкие неприятности воспринимаются ими как трагедии.

За всю службу в армии Паша-Телеграмма вообще ничего тяжелее косяка в своих руках не держал. Присущая Паше способность к психологическому заражению окружающих своими проблемами стала главным его защитным механизмом. Как легко, оказывается, чувствовать себя идиотом — достаточно было поступать в согласии с собственными инстинктами и не подставляться. Если что-то раздражало — смотреть на это, как на задачу, которую тебе надо решить, а не как на личное оскорбление. Всегда можно было успеть составить свой план, пока не прилетело в «башню», — считал Паша.

Его повседневная солдатская жизнь после перевода из штаба в боевую роту наполнилась множеством условностей, законов, правил — писаных и неписаных. Большинство из них он старался соблюдать, особенно те, что были собраны в боевом уставе и в уголовном кодексе. Но еще существовали отношения вне устава — нормы поведения, которые соблюдались просто потому, что «так было надо». Прежде всего, «было надо» знать свои возможности — они здесь значили куда больше, чем звания в штабе.

— В случае огневого контакта с противником, направление твоей атаки? — не отставал штабник от своего бывшего подчиненного.

— Танкоопасное направление, — устало отвечал Паша, успевший уже «прожевать» все эти приколы.

Прослужив полтора года в штабе, он лучше других знал, что пла-

нирование операции и без этих построений было упрощено уже настолько, что никакого предварительного изучения карт и приказов почти не требовалось. Хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах. Поэтому жизненное кредо многих русских людей на войне — главное вязаться в драку, а там война план покажет. Все ухищрения по имитации процесса планирования объяснялись естественным желанием штаба как можно быстрее доставить бойцов в гущу сражения.

Это случилось на третий день бригадного рейда, в четвертую пятницу апреля, на сто двенадцатый день восемьдесят третьего года — в день рождения Владимира Ильича Ленина.

Батальон долго выходил из зеленки на намеченный рубеж — клеверное поле на окраине кишлака Сенжарай. Было тепло. Устало расположившись вдоль дувала, на границе виноградника, рота приводила себя в порядок. Кто-то перезаряжал оружие, приводил в порядок разболтавшиеся рюкзаки, а кто-то откровенно отдыхал. Солнце грело, уже не по-весеннему припекая. Батальон занимал позиции на блоках вокруг кишлака, дымными росчерками ракетниц отмечая движение выходящих из зеленки групп. За сорок минут наблюдения за кишлаком ничего подозрительного замечено не было — ни единого выстрела, ни единой души, ни намека на движение. Между ротой и кишлаком лежал зеленый ковер клеверного поля. На противоположном краю поля вдоль большого дувала протекал большой арык. Вдоль арыка, за дувалом, росли высокие деревья. За их кронами скрывались плоские крыши домов. Темные пятна еще не успевшей высохнуть глины в местах заделанных старых проломов никого не насторожили. Не потому, что опасность всегда пряталась где-то рядом, а просто потому, что никто не обращал на нее внимания. Подсознательное доверие обстоятельствам было связано с тем, что клеверное поле больше напоминало ухоженный футбольный газон, чем поле боя.

Доверие — прогнозирование ожидаемых событий. Насколько

прицельный огонь из пышных крон высоких деревьев. Их пули обслуживали всех, кто залег на поле, по полной программе. Стандартная «газонокосилка» на трагически распахнутой местности.

Командиры, как правило, крайне неразборчивы при выборе бойцов. Когда приходит пора паковать РД и отправляться на задание, отцы-командиры просто хватают первых шестерых ребят из списка физически крепких, и ставят их в первую группу. Пуля был в первой группе и шел первым. Они шлялись по зеленке уже вторые сутки, то отрываясь, то возвращаясь к броне. Все свое они несли на себе. В эту проческу Пуля ушел прямо из ночной засады. Всю ночь они проторчали на выносном посту, в русле реки. Как только они окопались в сухом русле, снизу, сквозь песок стала поступать вода. Насыщенный влагой песок поглощал температуру тела быстрее воздуха. Ночь была холодной, одежда — мокрой. Мокрый песок при плюсе пятнадцати оказался смертельнее сухой погоды при минус десяти. Озноб, одеревеневшие мышцы, боль в конечностях, нечеткая речь, замедленный пульс, неясное мышление и потеря координации — загнуться от гипотермии на границе Регистана оказалось вполне реально. Под утро, когда Луна уже ушла, но темнота еще не отступила, на них напоролась духовская разведка.

Люди плохо приспособлены к выживанию в темноте — а это значит, что без ночных операций на войне не обойтись. Особенно, когда подразделения противника, увязнув в навязываемых перестрелках, остаются ночевать в зеленке. Это сегодня, все, кто не умер на той, первой своей войне, обожают сражаться в условиях, которые позволяют вызвать максимальный хаос в лагере противника. Ночные бои идеальны для этого. А пока в кино красивый и легкий в эксплуатации прибор ночного видения помогает главному герою крушить ряды врагов, вспышка выстрела и звук его распространения остаются единственными ориентирами в реальном ночном бою.

Это знают все. Поэтому ожидание нападения и вылилось в короткую ночную стычку. Они прозевали друг друга. Духи почти обошли их. Это «почти» и подставило мусульманские спины под православные стволы. Свист сигналок. Взрывы гранат. Не спать, не спать — косить, косить, косить! Полотно предрассветных сумерек с пулеметным треском рвется на лоскуты разбегающихся теней. Взрывы сорванных отступающими духами растяжек похожи на хлопки в ладоши — строгая няня-ночь быстро наводит порядок. В пылу этого грохочущего фейерверка не сразу замечают тяжелораненого. Осколками ручной гранаты парню вспоролло бок.

Легкие ранения — это легкие ранения. Тяжелораненые выбывают из подразделения — это закон. Их немедленная эвакуация грозит порой срывом всей операции. Это не всегда возможно сделать оперативно, поэтому в рейде почти любое серьезное попадание смертельно, а легкие ранения — мучительны. Парня эвакуировали только утром, дотавив его на себе в лагерь, где ночевал всем табором батальон. Пуля рассчитывал остаться на броне, но ротный решил иначе. Оставив двоих молодых с раненым дожидаться вертушки, он отправил Пулю назад, дав ему в поддержку Крана — дембеля, которого за рулем БТР сменил молодой водила.

Нового ротного, пришедшего на место старого, погибшего под Калатом, в роте не любили. Выслушав нотации командира, Пуля вернулся в группу грязный, злой и усталый. Как был, в бронике (на котором пролежал всю ночь в луже), с НСПУ через плечо, лифчике с магазинами, набитом боекомплексом РД, он, не отдохнув, переперся на проческу.

Проческа началась нормально, к полудню вышли к кишлаку. Солнце ласково грело озябшее за ночь худое тело. Пуля успел под-

сушить носки, ботинки. Броник, который почти обсох, покрылся рыжими разводами. Пока ждали растянувшийся батальон, Пуля успел даже уснуть.

Дойдя до арыка, остановились. Стоя в полный рост перед дувалом и шурясь на солнышко, они решали: как можно чище пересечь эту широкую канаву с мутной водой? Через секунду они уже совершенно не понимали, что происходит — им стреляли точно в голову и неизвестно откуда. В столкновениях на открытой местности все происходит молниеносно, не остается времени даже на простой прыжок в сторону.

Когда первыми залпами парней буквально сдуло с бруствера арыка, Пуля стоял на корточках, зачерпывая каской теплую воду. Он так и не проснулся до конца — тащился на автопилоте. Оглянувшись на крики, он увидел через плечо, как пуля навyleт пробила Зулпукару шею. Как сложился, словно перочинный ножик, Ахмет. Как мгновенно грохнулся на землю Рахим со своим РПК, успев дать одну единственную длинную очередь по кронам деревьев, — в его грудь кто-то опытной рукой вколотил пару «гвоздей», один за другим.

Рахим, вытянув вперед правую руку, завалился набок и, широко открывая окровавленный рот, задышал часто-часто. Его легкие всасывали воздух через пробитую грудь. Воздушный пузырь, образовавшийся под грудной клеткой, раздуваясь, крушил печень, сердце. С каждым вздохом собственное дыхание убивало его медленно, но верно.

Снайпер бескомпромиссен. Для него — все гибнут по собственной глупости и неподготовленности. Психологи утверждают, что наиболее живучим свойственны десять черт: упрямство, желание выжить, чувство юмора, оптимизм, стойкость, гибкость, сострадание, вспыльчивость, самоуглубленность, способность выносить непривычные ощущения. С подготовкой у пащанов было все нормально. Их упрямство и желание выжить граничили с чувствами юмора и сострадания стреляющих по ним снайперов — одним было не до смеха, другим — не до сочувствия. Смерть мгновенно наполняла сердца и тех и других черной холодной пустотой. Каждый получал свое — согласно сделанному однажды выбору.

Пуля продолжал сидеть на корточках, держа в руках наполненную водой каску, когда из-за дувала, через арык полетели гранаты. Прячась от разлетающихся осколков, он плюхнулся пузом в теплую глиняную жижу. Лежа в похужей на дерьмо грязи, Пуля пытался отделить прошедшую ночь от сегодняшнего дня, но не мог. Та же жижа, те же разрывы гранат, все перемешалось в его голове. Оказалось, что не обязательно что-то помнить, чтобы выжить в одиночку. Если все остальные мертвы, можно забыть все. Забыть, кто ты есть — дембель, ветеран или просто «парагваец», который

если не сдохнет, тоже станет когда-то дембелем. Чем яснее он это понимал, тем сильнее начинал чувствовать, что, вероятнее всего, уже никогда не сможет этого сделать. В тот миг прошлое не имело значения.

Мощная волна грязевого потока подняла и потащила его тело — духи пустили в арык воду. Расстегнувшаяся распашонка бронежилета предательски тащила на дно. Лифчик тоже расстегнулся. Оглянувшись, Пуля увидел, что арык, огибая поле, ныряет под дувал. Судорожно пытаюсь освободиться от броника, он нырнул под воду. Снятый через голову бронежилет, уплыл вместе с НСПУ. Успев зацепить лифчик и автомат, он выполз из воды и тут же попал под пули снайперов. Перекатившись через край арыка, пополз вдоль него — это было единственное укрытие.

Снайпер попал Крану в грудь. Удар был такой силы, что отбросил его от арыка. Теряя последние силы, он упал на спину. Душа ползла вдоль арыка, прячась от пуль. Он первый нашел Крана. Перевязывая раненого, Душа перевернул его на живот. В это время из-за дувала полетели гранаты. Одна из гранат перелетела через арык и скатилась к ним. Душа пытался дотянуться до нее, но не смог — не успел. Граната взорвалась, разворотив лежащему без сознания Крану правую часть головы и правое предплечье. Душе, тянувшейся к гранате, порвало осколками правое плечо. Он очнулся, лежа «ногами к взрыву». Его мозги окончательностряслись — лысая голова навсегда превратилась в погремушку.

Есть люди, которые учатся чрезвычайно быстро. Они способны делать грандиозные выводы из вроде бы обыденных и незаметных вещей. Это связано с их восприимчивостью, с их умением и интуицией. Кому не хочется быть истребителем — составлять свои планы во время боя и менять их на лету? У Души, как у настоящего индейца, всегда была позиция, на которую он мог отступить.

Стреляя длинными очередями по деревьям, Душа заскользил по траве. Отталкиваясь каблукми ботинок, он словно плыл на спине. Это был его самый рекордный заплыв. Назад, через все поле. В это время напротив умирающего Крана в арыке лежал Пуля.

Пуля ползла вдоль арыка, собирая оружие убитых, пока не нашел Крана. Тело перегородило ему дорогу. Он с сожалением смотрел на труп. Переползти через него значило открыться и получить свою порцию свинца. Отдохнув, размеренно, как толстая гусеница, он стал переползать и вдруг остановился — Кран был жив! Он перевернул его на спину. Пули щелкали по краю арыка, но это уже не относилось к трудностям жизни. Пуля тащил Крана за собой волоком, сколько мог. Когда Кран умер, Пуля взвалил его на себя и продолжал ползти. Смерть не умаляет человека — мертвое тело весит тяжелее живого. Преодолев половину дистанции, Пуля столкнулся с Пашей.

Паша что-то тараторил, ползая на карачках. Гранатомет болтался на его шее, словно огромная подзорная труба. Измазанный в грязи, с маской безумного страха на лице, Паша был похож на животное — свинью. А он и был свиньей — снайпера не убивали его, они гоняли его по кругу на виду всего батальона! Нашелся ли в тот миг на свете хотя бы еще один человек, который был готов пасть так низко, убегая от собственного страха?

— Так что тебе рассказал Пуля про Крана? — вопрос был задан скорее зрителем, чем участником той трагедии.

— Рассказал, как тащил Крана по полю, — я не обязан был говорить правду.

— Не ври, он рассказал, как я вытапывал тропинку, нарезая круги по тому полю?

У Паши непроизвольно задергалась нижняя губа и правая щека — конечное звено сложного, болезненного, психологически мотиви-

Есть люди, которые учатся чрезвычайно быстро. Они способны делать грандиозные выводы из вроде бы обыденных и незаметных вещей. Это связано с их восприимчивостью, с их умением и интуицией.

совпадают прогнозы, настолько и доверяют. Убеждения оказывают огромное влияние на поведение, поэтому обстоятельства не вызвали недоверия. Ожидание расслабило и притупило чувство опасности. Даже если бы они знали, что эти сорок минут станут для многих из них последними — что смогли бы они изменить, пащаны, безмятежно шагнувшие под пули? Инстинкт самосохранения — это не убогий фрагмент логики, это всего лишь система адекватных рефлексов.

Наконец-то поступила команда. Разбившись на группы по пять-восемь человек, они выдвинулись в направлении кишлака. В первой группе были только дембеля и ветераны. Когда эта группа обладателей реальных льгот на бакшиш одним броском пересекла клеверное поле и достигла арыка, остальные были только на середине этой дистанции.

Лучший способ победить противника — утопить его в море огня, обрушив на него всю свою огневую мощь за минимальный период времени. А это не так-то просто сделать, если между группами несколько сотен метров. После того, как первыми прицельными залпами была сожжена в упор первая группа и рассеяны по полю остальные, за дело принялись снайпера-«кукушки» — они вели

рованного напряжения. Стараясь успокоиться, он на мгновение закрыл глаза руками. Пряча лицо в ладонях, он продолжал говорить.

— За месяц до Сенжарая мы выловили пять духов в засаде и вели их, чтобы передать ХАДовцам. Шли к бронегруппе, которая двигалась по сухому руслу навстречу нам. Мы оказались между руслом и зеленкой — в районе кишлака Мула Дост. В этот момент духи по нам и саданули из зеленки. Это было похоже на сильный ливень, только капли были свинцовые, и летели они параллельно земле. Все попадали в сухой арык, маленький такой — как дождевая канава. Мы перед этим с Дымом еще пыхнули на марше. Дым — это прапор морпех, я его научил курить дрянь, а он меня всяким примочкам военным. Я был его тенью, не думая ни об опасности, ни о том, что станет со мной. Просто верил каждому его слову. Мы с ним столько дряни выкурили, у другого мозга уже давно высохли бы.

Значит, лежим мы с Дымом под пулями, пленные рядом лежат. Смотрю, у меня над головой сидит один наш пленный дух и молится — ищет благословения Аллаха. Ну все, думаю, сейчас как чавкнет его арбуз, и все мозги на моем лице окажутся. Все так четко представил — сам знаешь, как по обдолбке можно нарисовать. Даже отодвигаться стал, Дыма толкаю, мол, подвинься, а он говорит — не бойсь, этому ничего не будет, он сейчас в тени Бога. Я тогда его не понял, думал, гонит прапор. А оказалось серьезно — ни одна пуля этого духа тогда не задела. Мы головы не могли поднять, а ему хоть бы что. Дым потом подорвался на противопехотке, а я вот на клеверное поле попал.

Нас потом, под Сенжараем, как сынков расстреляли. Я таскал с собой РПГ, так, по приколу, ну и приколся. На поле тогда, под пулями снайперов, заклинило просто — думаю, где же эта тень божья-то? Только сел молиться, рядом в землю ширк — одна, вторая. Я подвинулся в сторону, думаю где-то рядом эта самая тень, а рядом опять — ширк, ширк. И только потом заметил, что по кругу ползаю — гоняли они меня, как свинью. Ничего не помню — только землю и траву, что мелькала перед глазами. Боялся голову поднять — все ждал, когда мне в башку прилетит. Не знаю, что нашло — вдруг веру потерял. Был просто не в состоянии сойти с этой тропы животного страха перед смертью. Стал просто тряпичной куклой и буквально трясся от страха, как будто бы только что узнал о том, что умру.

Начал все с нуля, когда выполз с того поля. Все хотел забыть — не было той войны для меня. Все думаю, где был бы я, если бы повел себя иначе? Где сейчас был бы Пуля, если бы не прикрывал тогда Краном? Он здесь, с нами, а мозги его там — ему уже не выбраться из-под Крана. Он — тень Крана на этой земле или след Гунна? Я — тень того снайпера, что меня не убил на том поле, или след Дыма?

Да, посчастливилось не умереть. От горя, от страха меня порой охватывает такая дрожь. Смотрю на ту фотографию, где Дым с Пулей стоят — ничего не помню. Дыма теперь нет, а я — есть. Разве можно еще раз пережить такое? Дочери его сейчас уже двадцать три. Я нашел ее и оплатил ей учебу. Она, а не я — след Дыма. Видел ее в приемной? Не хочу двигаться по жизни как чья-то тень, не оставляя следов. Где Гунн? Где Болт? Где Дым? Где Кран? Думаешь, мне легко помнить, что я жив потому, что когда-то уже умер от страха? Унизившись, стал мудрее. Выжив, помню все, но поле под Сенжараем не помню, хоть убей! С годами память начинает напоминать кладбище.

Глаза его слезились, а губы тряслись. Я молча слушал его. Вертя в руках пустой бокал, вспоминал свою встречу с Пулей.

Мы сидели с Прицелом у Пули на кухне, когда, рассказывая

нам про Сенжарай, хозяин вдруг грохнулся на пол. Ползая между наших ног, взрослый мужик рассказывал, показывая нам, как он полз по полю, как Кран умер на его руках, как Паша возник на его пути.

— Вдруг смотрю — Паша на карачках чешет. Шустро так, как дети, когда ходить не могут. Ползет, весь в грязи, причитает. Я его пропустил — «помеха справа».

— Ползу дальше. Кран уже умер — сразу потяжелел, к земле меня прижимает, словно от пуль прячет. Вдруг опять Паша, уже «помеха слева» — а он не пропускает. Прошелестел мимо, как трассер.

— Знаешь, в Пашу палили со всех стволов! Им не по приколу его гонять было — они в него просто попасть не могли!

— Мы все выползли потому, что они в него все палили! Он за всех нас там отдувался.

Как правило, самые глубокие мысли и чувства доходят до нас не прямо, и не в абстрактной форме, а в сложных, запутанных сочетаниях совершенно конкретных ассоциаций, между собой неразрывных.

Любой, кому пришлось неподвижно пролежать в арыке под кинжальным огнем минуты две, которого пытались добывать гранатами, кому пришлось ползти по залитому водой клеверному полю четыреста метров, вернуться, чтобы вытащить еще живых, знает — тем, кто не оглядывается назад, не заглянуть вперед.

Воспоминания — след событий. Воспоминания всегда фрагментарны и неполно характеризуют события, их оставившие. Поэтому, реальность прошлого — это реальность совокупности таких следов. Для большинства людей следы — главный способ отслеживать реальность. Противопоставляя разные следы, мы больше узнаем о прошлом. Прошлое — след будущего, его тень. Тень у будущего может быть длинной, как полнометражный, многосерийный фильм о событиях, ведущих от причины к следствию. У каждого есть собственная тень будущего: у одних это светлое пятно веры, у других — темное пятно прошлого. Многие живут в этой тени.

— Что после сегодняшнего для нас с тобой будет по-настоящему важно завтра? — Паша внимательно следил за моими руками.

— После сегодняшнего мы оба уже точно будем знать, чего хотим, и какие следы прошлого нам нужно оставить в будущем, — я поставил бокал на стол.

Паша налил. Мы молча выпили. Настоящее оседало в наших душах вместе с ощущением бессмысленности и беспощадности прошлого. Чистая совесть делает людей веселыми и довольными, после коньяка мы чувствовали себя ничуть не хуже. Его запах стойко держался в наших пустых бокалах. <ИВ>

Примечания:

*Kinderwhore — «девочка-шлюха»

**Трубадур — от слов «дурь», «дуть», «труба» — забитая замазкой пыльной конопил папироса.

Александр
ГЕРГЕЛЬ

http://artofwar.ru/g/gergelx_a_n/

Сержант
Участковал:
Афганистан

Антанас
ЛИЗАУСКАС

Рядовой
Участковал:
Афганистан

ПРОЩАЙ, БАХАРАК!

Авиабилет на Москву удалось взять только на 21-е мая, поэтому три дня мы проторчали в Ташкенте. На второй день улетели на Дне-пропетровск Коля с Володькой, и мы с Серегой остались вдвоем. После двух лет в Афгане домой хотелось страшно, и вынужденная поддержка очень тяготила и мучила нас. Мои дальние родственники, жившие в Ташкенте и приютившие нас на эти несколько дней, сделали все, чтобы нам было хорошо, создав условия, о которых мы забыли за время армейской службы. Да и весна в Ташкенте — время прекрасное и казалась нам, жителям средней полосы России, чудесным летом. И все же мы рвались домой.

Наконец, на восьмой день пути из Афгана, я позвонил в дверь родного дома. А вот Сереге, чтобы добраться до его Твери, предстояло дожидаться следующего дня. Естественно, мы решили пьянствовать всю ночь до утра.

Время было к полуночи, но вся родня была в сборе, стол накрыт, нас ждали.

Дверь открылась, я шагнул через порог, снял фуражку и с силой швырнул ее о стену так, что отлетел козырек и вывалился стальной обруч, державший тулью. Я сорвал бы и растоптал и китель, но Серега остановил.

Я был дома...

Прощай армия! Прощай навсегда, Афган. Я хочу забыть тебя, проклятая Бадахшанская провинция. Прощай, Бахарак! Поганая дыра с невыносимо жарким летом и холоднющей высокогорной зимой. Я ненавижу вас и постараюсь забыть. Я сыт вами по горло, и, слава богу, больше никогда в жизни не увижу вас. Мне повезло, мне удалось вырваться живым, вы отпустили меня и теперь нас ничто не связывает, можно вас забыть.

Так думал я тогда, и не угадал.

Оказалось, что еще придется вспоминать...

Были расспросы друзей, показ фотографий, воспоминания. Были рассказы о горах, обстрелах батальона, ночных выходах, перестрелках с духами.

Через пару месяцев стали возвращаться из армии друзья — рядовые, которым замена приходит только в августе. Некоторые были проездом через Москву. Они звонили с вокзала или из аэропорта и я, бросив все дела, мчался их встречать, тащил к себе домой. Мы садились за стол, пили и вспоминали Бахарак. Благодарили бога за то, что мы живы, что мы встретились дома, в Союзе, и клялись, что в нашей жизни больше не будет Афгана.

Потом еще полгода приходили письма от друзей младшего призыва. Я узнавал о делах в роте, в батальоне, и в каждом письме был Бахарак. Не хотел он оставить меня в покое, да и я не мог оставить

его. Осенью поехали по домам и эти ребята, и опять пошли у меня рывки на вокзал, застолясь с воспоминаниями.

Но вот и эта нить оборвалась, больше ничем Бахарак меня не держал.

Правда, оставались еще сны. В них я снова лез на горы, стрелял, ныкался за камни от духовских пуль, молился на гаубичников, чтобы положили снаряды правильно. Не то чтобы каждую ночь, но первые месяцы очень часто я видел во снах Бахарак. Я не хотел помнить его, но не отпускал он меня.

С армейскими друзьями мы обменялись парой-тройкой писем, кто-то заезжал в гости, но через два года все постепенно закончилось. Нам почему-то стало неуютно вместе.

Менялась страна. Перестройка, «сухой» закон, гласность. Афганская война была окончена, войска, наконец, вывели, нам бы радоваться... Но было грустно. Война была проиграна, а значит, все, что мы пережили, было напрасным. Мы стали как бы стесняться друг друга, будто нас застукали за каким-то гнусеньким дельцем, и теперь мы при встречах прячем глаза.

Шли годы, я вписывался в нормальную гражданскую жизнь, отделившись от дурацких армейских словечек и привычек. Через несколько лет, когда картинки поблекли, и прошла горечь, я с удивлением заметил, что наплывающие порой воспоминания не огорчают меня, а наоборот — дают радость, подернутую легкой дымкой грусти. Бахаракская долина не казалась теперь таким уж мерзким местом, и я стал с удовольствием припоминать подробности, которые еще возможно было вытащить из памяти.

Как-то раз, открыв пакет с армейскими фотографиями, я обнаружил среди них свернутый вчетверо лист писчей бумаги и тут же вспомнил, что сразу после возвращения домой, пока свежи были в

голове подробности, я набросал на листке карту-схему бахаракской долины с указанием известных мне высот окружающих вершин, на которые доводилось подниматься. Были на ней и реки, стекающие в долине, дороги с мостами и кишлаки. Названия кишлаков звучали так, как мы воспринимали их на слух. Словом, изображено было все то, что я слышал, видел и сумел представить на местности, ведь за полтора года службы карту видеть не доводилось, офицеры не считали нужным делиться с солдатами такой информацией.

Я сидел на полу и рассматривал эту наивную схему. Лет пятнадцать прошло, но одного взгляда было достаточно, чтобы названия повыскакивали из дальних закоулков памяти, где они пылились в ожидании своего часа. В тот вечер я долго курил на кухне, разложив на столе перед собой «карту». Бахарак снова набросил на меня свою сеть.

В долине, окруженной высоченными горами, сливаются три горные речки: Кокча, Зардев и Вардудж. На широченных горных террасах раскинулись утопающие в садах кишлаки. «Бахарак» в переводе и означает что-то вроде «Прекрасный сад». Вокруг кишлаков теснятся кривые ячейки нарезанных полей. Вся долина пронизана арыками, отведенными от рек выше по течению. Воды много — чистая, прозрачная, только что с ледников — она стремится по арыкам с огромной скоростью, спешит снова слиться с родными реками, которые бойко скачут по валунам, пенятся на частых перекатах, берега — в зарослях вишни. Весной, когда зацветают в садах черешни, яблони, абрикосы, персики и гранаты, долина покрывается цветными облаками, постепенно меняющими оттенок с темно-фиолетового на бледно-розовый, потом на белый.

На одной из террас над Зардевом стоит Бахаракская крепость, место дислокации Первого батальона 860-го отдельного мотострелкового полка.

Сам полк, единственный на всю Бадахшанскую провинцию, стоит рядом с главным городом, Файзабадом, километрах в сорока от Бахарака. Полк — центр цивилизации, там есть магазин, библиотека, клуб, банно-прачечный комбинат. Туда приходят колонны, привозят жратву, боеприпасы и топливо. А также ловко спрятанные в тайниках грузовиков бутылки русской водки. В полку каждый день крутят кино, а иногда приезжают артисты из Союза. В полку всегда вдоволь хлеба, а на складах можно легко раздобыть тушенку. В полку есть госпиталь, а в нем медсестры. В столовой, в библиотеке, в магазине тоже работают женщины. Офицеры и солдаты видят их каждый день, поэтому не останавливаются, округлив глаза и отвесив челюсть, когда русская девчонка в юбке и блузке проходит мимо них. Словом, в полку, как в Греции, есть все.

В Бахаракском гарнизоне не было ничего... Или почти ничего. Две мотострелковые роты да минометная батарея, несколько гаубиц и

пара установок «Град». Ни женщин, ни магазина, ни концертов. Продуктов всегда было в обрез, а хлеб едва успевали выпекать к очередной кормежке, чтобы хватило хоть по кусочку, зато всегда с запасом хватало боеприпасов. По вечерам запускали дизель-генератор и смотрели телевизор с парой программ. Иногда киномеханик привозил из полка фильм, который крутили неделю.

Крепость была небольшой, метров семьдесят на семьдесят, да внешний периметр, еще метров по тридцать с каждой стороны. Жилые помещения взводов первой и второй роты располагались в крепостных стенах, сложенных из необожженных глиняных кирпичей. Маленькие, низко сидящие окошки, затянутые полиэтиленовой пленкой, выходили на галерею, опоясывавшую внутренний периметр. Крышу галереи подпирали деревянные столбы, отполированные временем до идеальной гладкости. Крепость выглядела очень древней. Наверное, она помнила вторжение англичан в девятнадцатом веке, хотя англичане, скорее всего, сюда, в Бадахшан, не забирались. Кто построил ее, для чего? Я почти ничего не знал о стране, куда занесла меня армейская судьба на пару с собственным везеньем. Но, кто бы ни были эти древние строители, дело свое они знали. Убого, конечно, выглядела крепость — три стены с внутренними помещениями, четвертая стена — просто кладка метровой толщины и метра четыре высотой, да посредине несколько прилепленных друг к другу хибарок. Все крыши плоские, из веток, брошенных по бревнам и засыпанных сверху землей, которая за многие годы спрессовалась в монолит. Удивительно ловко все задумано и исполнено! Экономно. Срубленные деревья использовались полностью, до последней веточки. Толстый слой глины защищал зимой от холода, летом от жары. Даже галерея, навес вдоль стен, была со смыслом — служила тентом от палящего летнего солнца. Так что в помещениях жара не ощущалась, скорее наоборот. Интересно все же, где они брали столько глины? Это ведь нужно было все окрестные поля счистить до каменного основания.

С южной стороны крепости, за низенькой внешней стенкой было вертолетное поле, каменистая более-менее ровная площадка. Здесь садились вертушки, привозившие в батальон все необходимое, ведь наземного сообщения с внешним миром батальон не имел. Сорок километров, отделявшие его от полка, были абсолютно непроходимы. Нет, дорога-то была. Не бог весть какая, грунтовая, она бежала от бахаракского моста в сторону города Файзабада сначала через поля, неподалеку от подножья черных изрезанных гор. Километров через восемь дорога ныряла в ущелье, из которого выходила уже у самого города. Вот эти-то километры ущелья и были непроходимыми, душманы перекрыли их наглухо. Каждое лето полк пытался пробить дорогу, провести колонну, чтобы доставить в батальон новую технику,

боеприпасы и продовольствие. Навстречу колонне батальон высылал свою бронегруппу, все бээмпэшки, еще способные двигаться. Но попытки были тщетными. Батальонная колонна застревала в ущелье. Не пройдя и десяти километров, она вязла в стычках возле природо-рожных кишлаков. Полковая, теряя технику на подрывах и засадах, тоже останавливалась, не пройдя и половины пути.

Хотя все необходимое батальону доставлялось вертолетами, что было очень дорого, ненадежно и неудобно, речи о том, чтобы снять «точку» не было. Слишком стратегически важной была Бахаракская долина. В ней сходились четыре ущелья, одно из которых, по Кокче, выводило к Джарму и шло дальше в сторону Пакистана. Ущелье на Файзабад, вниз по Кокче, было единственной дорогой с северо-востока в центральные районы Афганистана. Контролировать дороги в долине и мосты через реки и было основной задачей батальона.

Пары Ми-8 прилетали на площадку каждый день, если только позволяла погода, доставляли боеприпасы, горючку, продукты.

Осенью 83-го с очередной партией специалистов из учебок, наводчиков-операторов и водителей БМП, прибыл в Бахарак и я. Был самый конец октября, но даже в этой высокогорной долине было еще по-летнему тепло, по крайней мере, днем. Почти месяц, до того как по-настоящему захолодало и выпал первый снег, можно было наслаждаться ласковым солнышком, цветущими розовыми кустами и зеленой травой. Утром, сразу после подъема, молодые солдаты под командованием сержантов выходили на уборку территории. Участок нашей роты был за воротами основной стены, по левую руку от аллеи, ведущей к внешнему дувалу крепости. Этот кусочек земли между стеной и внешней полуторамеровой оградой был отведен под парк, там мы убирали опавшие за ночь листья. Он чем-то напоминал осенний московский скверик где-нибудь в районе Новокузнецкой. Высокие деревья давали хорошую тень, тропинки обсажены кустами роз. Только вот деревья были совсем не московскими. В самом центре парка росло огромное абрикосовое дерево, на внешнем углу — старая, причудливо изогнутая шелковица в два обхвата толщиной. Остальные породы тоже местные — акации, пирамидальные тополя, платаны. Были, правда, и яблони, знакомые и родные. Вдоль всех дорожек, не только за стеной, но и внутри основного периметра крепости, были проложены узкие арыки, в которых бежали маленькие ручейки.

За четыре года, проведенных в Афганистане, гарнизон батальона успел здорово обустроиться. Во всех спальнях помещений взводов, в кубриках потолки обшили досками, чтобы не сыпалась земля с крыши, сложили из кирпичей печи, сколотили табуретки и тумбочки. Стены везде были побелены, возле канцелярий рот — специальные стенды для приказов, информации и прочего, как принято в любой ВЧ в Союзе. По границе нашего парка-сквера, вдоль аллеи, ведущей к воротам, стояли небольшие бетонные кубы с наклонными верхними гранями и вмурованными в них табличками с именами ребят,

погибших в Бахарак за эти годы. Это называлось Аллеей Славы, и подразделения, выходившие из крепости на развод, шли эти тридцать метров строевым шагом. За дувалом, через дорогу, был плац, который иногда использовался как футбольное поле, а рядом начали оборудовать спортгородок. Под южной стеной расположился парк боевой техники со складом ГСМ и аккумуляторной, где подзаряжали старые, постоянно умирающие аккумуляторы наших БМПешек.

Но и на мои годы осталось много работы. Мы достраивали дувал внешнего периметра, складывали из камней небольшие башенки, вышки для часовых, достраивали баню (каждое подразделение имело собственную баню), оборудовали ленинскую комнату, такую же, как в Союзе: с плакатами, уставами и телевизором. Командиры проявляли чудеса изобретательности, придумывая разные штучки и элементы комфорта. Делали они это по двум причинам: создать удобства и занять солдат. По весне, когда стало тепло, появились перед нашими ротными помещениями грибок для дневального, шестигранная беседка-курилка, накрытая парашютным шелком, низкие скамейки для «качания пресса», стойка с умывальниками из гаубичных гильз. Даже газон выложили у арыка, текущего вдоль стен кубриков. Для него мы срезали дернину на обочине дороги за территорией батальона и выкладывали ей ленту метров тридцать длиной и пару метров шириной.

Правда, все эти труды и старания происходили в свободное от войны время. Высокогорная зима холодна, долины и горы засыпаны снегом, поэтому боевые действия сворачиваются до минимума. Во всяком случае, так было в зиму 83-84-го года. Да и не берут новичков на войну, так что мне и моим товарищам не довелось принимать уча-

Километров через восемь дорога ныряла в ущелье, из которого выходила уже у самого города. Вот эти-то километры ущелья и были непроходимыми, душманы перекрыли их наглухо

ствия в редких зимних боевых операциях. Но с приходом весны все изменилось, начались выходы на реализацию разведанных и в засады, выезды БМПешек на блокировку. Мы привыкли лазить по горам, нагруженные боекомплект и оружием. В конце мая в полку началась «большая война», собирались шмонать большую долину за горным массивом, и нашу роту бросили на усиление. После месяца командировки мы вернулись в крепость, как в родной дом. Правда, отдохнуть, как дома, нам не пришлось, до самой зимы боевые выходы шли практически через день. Мы быстро учились воевать, становились настоящими солдатами, а не военными строителями. Но и в это горячее время наши командиры не забывали о благоустройстве территории и находили нам работу.

Наступила зима, наш призыв постригся наголо на стодневку. После новогодних праздников нас начало подташнивать от Бахарака. В ту зиму боевые выходы были частыми, но и эти развлечения нас уже не радовали. Опротивело буквально все: готовка экзотических блюд — пловов, пельменей, пирожков и кровяной колбасы, осточертел телевизор и кинопередвижка, больше не радовали тайные пьянки по случаю подхода бражки и почти открытое курение чарса-гашиша, тошнило от ежедневных стихов «Дембель стал на день короче...» Весной мы стали уже по-настоящему «доходить». Единственным приятным времяпровождением были косяки на закате. С двумя друзьями, набив карманы сухофруктами с хоззаводского склада, мы выходили в машинный парк, залезали в кабину 131-го, поставленного на колоды, обкуривались и начинали крутить руль и рычаг, глядя на ка-

тящееся к западу солнце. Мы ехали на дембель, на северо-запад, домой, в Союз, прочь из Афганистана!

Мы устали от армейской жизни, от войны, от Бахарака. И еще, нам стало страшно, очень захотелось вернуться домой живым и, по возможности, здоровым. Мы стали люто ненавидеть Афганистан, Бадахшанскую провинцию, уезд Бахарак, Крепость — Пункт Постоянной Дислокации 1-го батальона 860-го Отдельного Мотострелкового Полка.

И... Есть место чуду на земле! Мы вернулись домой. Мы выбрались с войны и хотели забыть все, с ней связанное, в том числе и нашу Бахаракскую крепость, в которой провели кто полтора, а кто и полных два года.

После обнаружения карты Бахаракской долины я стал все чаще обращаться мыслями к тем дням. В моих воспоминаниях акценты сместились, видно, возраст такой подошел, и те полтора года стали представляться мне ценным, полным событий и жизни временем, когда я был совсем молодым, здоровым и полным сил, ходил по лезвию и бегал по горам Гиндукуша. Очень захотелось разыскать старых армейских друзей, растерянных на просторах развалившегося Союза. А еще, захотелось узнать, чем же все закончилось в Бахараке, когда мы ушли оттуда, что стало с нашей крепостью. Я не верил, что духи смогли выбить оттуда наш гарнизон, но все же было очень интересно, что происходило с батальоном в оставшиеся до вывода войск четыре

нашими однополчанами. Только вот бахаракцев не было среди моих новых знакомых. Прошло несколько месяцев, прежде чем нашелся человек, знавший последнюю информацию о нашем пребывании в крепости. Этот парень из Прибалтики, Антанас, был одним из последних бойцов, покинувших Бахаракскую крепость, когда полк готовился к выходу из Афганистана.

Для начала он переслал фотографию, найденную в недрах Интернета. Мне хватило доли секунды, чтобы узнать на ней Бахаракскую крепость. Я разглядывал ее часами. Разве можно было ожидать, что доведется еще раз взглянуть на крепость с борта вертушки, заходящей на посадку? И, тем не менее, вот она перед моими глазами — отличная цветная фотография! До того живая, что я, казалось, даже чувствовал запах нагретой пыли, поднятой только что приземлившимся МИ-8. Я доставал коллег на работе и родных дома, рассказывая им о крепости до мельчайших подробностей и тыча пальцами в компьютерный экран. Никто не разделял моего ликования. Да оно и понятно, что им этот Бахарак. О нем стоило говорить только с теми, кто оставил там кусочек своего сердца, кто провел в нем два года, полных жизни, ...и смерти.

Мы стали общаться с Антанасом, пытались отыскать общих знакомых, но бесполезно — слишком большая разница в годах службы, я уволился за год до его прихода. Но дело не в знакомых, главное, мы служили в одной крепости, смотрели каждый день на одни и те же горы, поднимались на них одними тропами. Я задавал вопросы, он немногословно отвечал, иногда давал ссылки на сайты, где кто-то обсуждал события, происходившие в тех краях до меня, при мне, после меня.

«... наш замполит незадолго до вывода базарил, — читал я его письмо, — что у духов какой-то иностранный оператор снял фильм о том, как русские уничтожают мирные кишлаки. Предполагалась и вторая серия под названием «Гибель русского батальона». По данным разведки выбрана для этого наша крепость, по ней будет выпущено 200 реактивных снарядов. Но мы не стали ждать второй серии. А стали мы каждую ночь обстреливать ближайшие горы, долбали из «Града», из гаубиц и минометов, из всего, что может стрелять, короче. По ночам всегда, да и днем иногда... Так и не дали им сосредоточиться и выйти на исходные для обстрела...»

На одном из сайтов было написано, что после того, как в крепости обосновались духи, наша авиация нанесла бомбовой удар и просто стерла ее с лица земли. Вот так все просто — стерла, и нет больше ее, и никогда уже не будет, останется она только на нескольких снимках, да в нашей памяти. Я спросил Антона, и он рассказал о том, как получилось, что крепость заняли духи.

Было это за несколько месяцев до вывода войск.

«Из твоей, Первой, роты я только Рубиса-литовца знал. А сам я был во взводе связи сначала, а потом во Второй роте. Как раз перед моим переводом Файзабадская разведрота в горах перестрелялась со Второй ротой, много трупов было, один парень, Галинаускас Кестас из разведки, мой зема был.

Вообще, в голове замыкает, не очень и помню все, но вот последнюю ночь в Бахараке память сохранила. Короче, духи решили живыми нас не выпустить, на крепость накидать реактивных снарядов. А мы уже к выводу готовились, расстреливали боекомплекты. Ночами обстреливали все ближние горы, а днем ходили по горам, из автоматов палили. У моего АКС 74У ствол аж посинел от постоянного перегрева.

Так, может, месяц тянулось. Потом каждую ночь стали приходить вертушки, а мы на их пути в кишлаков на засадах сидели. Вертушки тащили афганцам муку, рис из полковых складов и вывозили примерно по тридцать бойцов. Не знаю, сколько это тянулось...

Как-то ночью пошел я на пост Второй роты, тот, что у туалета. Стою всю ночь, смотрю, как вертушки летают. Никто меня не смеяет. Светло уже стало, утро совсем. Гляжу, афганские генералы с нашими командирами ходить начали. Наши показывают во все стороны, руками машут, будто крепость обнять хотят, что-то рассказывают. Хозяйство, значит, передают. А афганцы радуются, кивают, глядят по сторонам, как хозяева. Как же, столько добра им на халяву достается, вот они напродают всего!

Но пацаны наши не теряются. Гляжу, возле гаубичной позиции костер кто-то зажег. Пригляделся, бл..., хэбэшку новую жгут. Ну, я спустился с вышки, вытащил из костра пачку, что еще не взялась, свою рваную снял, новую взял, подшил воротничок не спеша, да и пошел с поста.

Иду по крепости, еее... что творится. Бойцы снаряды от «Града» в туалет запихивают, прямо в очки, чтоб никто теперь ни тем, ни другим пользоваться не мог. Другие завели ЗИЛ-131, спортивный городок разносят. Какие-то ребята Аллею Славы кувалдами разбивают. Крошка бетонная летит, они отплевываются, сопли вперемешку с пылью по рокам размазывают. А рожи злые — не подходят!

Пошел я в кубрик нашей роты. А там наших всего человек десять осталось, наверно, да и во всем батальоне не больше тридцати было, не считая тех, что с Сарипульского моста еще не прибыли.

После бессонной ночи очень спать хотелось. Я пошел в ленинскую комнату, лег и уснул. Сколько проспал, не знаю, но разбудил меня разговор. Вижу, в дверях фигуры в форме военной, не пойму против света, наши или афганцы. Потом слышу голос по-русски говорит, а другой с акцентом отвечает. Офицеры, наш и афганец, стоят и смотрят в комнату, а меня вроде и нет здесь. Слышу, наш объясняет, это — ленинская комната была, а это — солдат затраханный спит.

Б...! Постой-ка, с..., всю ночь на посту, да недельку без передышки, будешь затраханный! Ладно, думаю, у вас своя свадьба, а солдату жарать нужно. Пошел к нашим, в кубрик взвода, а там ребята костер прямо на полу разложили, на нем здоровенный казан риса с мясом. Пока пообедали, потолок кубрика загорелся. Мы тушить не стали, хотя командир и приказывал затушить, орал, трибуналом пугал.

А по крепости уже сарбосы афганские мотаются, во все закоулки заглядывают, смотрят, что уже можно спереть. На нас смотрят злобно и оценивающе, видать, и нас духам загнали бы с удовольствием.

Я побрел в машинный парк. Тут тоже веселье идет, кто что может, то и гадит. А че, чморям этим все оставлять что ли? Молдаван, водитель 122-ой бэмпешки, топором гидравлику машины рубит, ребята клин-затворы с пушек снимают, аппаратуру всякую по рюкзакам распахивают. Смотреть тошно на все это. Бросаем все, б..., драпаем! Глянул я в десантное отделение, а там все вверх дном — цинки с патронами, ящики от гранат раскуроченные валяются. Смотрю, в одном несколько эфок, Ф-1, осталось. Поднял одну, смотрю на нее, зеленую, а внутри головы все кипит уже. Гады, думаю, гады и гады. Мы ж тут службу тащили, отсюда в горы на боевые отправлялись, на постах стояли за вашу революцию, даже собак с голодухи ели. А теперь вы нас, как собак тех, сожрете! А вот хрен! Обмотал скобу гранаты шнурком, закинул в эжектор машины. Подарок вам, защитники революции!

Приехали бойцы с Сарипульского моста, с точки, что возле кишлака Ардар. Мы издали их заметили, пыль столбом стояла, только не поняли, почему такая белая. Когда они приблизились, можно было различить, что в кузове ЗИЛа, идущего за бэмпешкой, два бойца размахивают какими-то тряпками и пускают белую пыль. Оказалось, что они рассыпают муку по дороге. Вся дорога до батальона была белая, как снегом присыпанная.

У них тоже баракла с собой — полон грузовик, даже матрасы при-

хватили. Матрасы мы затащили в столовую, сложили. Остальные вещи просто разбросали по двору. Вроде бы все, больше сделать уже ничего нельзя было. Разбились мы на группы, на каждого бойца по три мешка с хламом, плюс оружие, едва от земли оторваться можем.

Летят вертушки, заходят на посадку. Пора. Бежим к полю, если это можно бегом назвать с такими мешками. На ходу еще умудряемся пускать сигнальные ракеты в окна столовой, в кубрики. Салют, comrades! В столовой огненные шары мечутся, от стенок отскакивают, матрасы везде загораются. Сарбосы летают среди огней и дыма, тушат, а мы бегом на вертушки. Забросали мы в салон все наше барахло, залетаю на борт среди последних. Все! Тут прапор мне орет, где, б..., аккумуляторы? Забыл? Бегом за ними! Я через дверь выскочил, обежал вертушку, через задние створки влез обратно и спрятался за грудой хлама.

А духи уже с гор начали спускаться, дождались, с.... Стрельба пошла. Летчики из кабины только покивали нам головами, мол, порядок, взлетаем. Винты ревут, разбегаемся, вижу край площадки. Перетруженная восьмерка еле поднимается в воздух...

Мы шли на Файзабад.

Вот такими были мои последние ночь и день в Бахараке...

Через неделю по полку разошлась информация, что крепость сдана духам. Часть бойцов народной армии просто перешла на сторону мятежников. Крепость досталась душманам вместе со всем вооружением, оставленным нами дружественной армии ДРА.

Я много раз перечитывал это письмо Антона, и каждый раз перед глазами у меня плыла брошенная крепость, убегающие на летное поле бойцы, взлетающие вертушки. А потом я видел Бахарак и крепость, как бы из иллюминатора вертушки, такими, какими они запомнились мне двадцать с лишним лет назад — дувалы, сады, изгиб реки, подошва горы, серая кладка крепостной стены. А потом вертушка, сделав нескольких кругов, набирает высоту, выравнивается, и за стеклом остаются только вершины гор, небо и яркое солнце.

(Историческая справка)

По приказу Командующего Краснознаменным Среднеазиатским Военным Округом с 23 декабря 1979 года по 03 января 1980 года 860 ОМСП в полном составе (кроме танкового батальона) совершил своим ходом 1000-километровый марш по маршруту: г. Ош — г. Хорог — пос. Ишкишим. Марш проходил по высокогорным дорогам и перевалам, высотой до 4 000 м. 28 декабря передовые подразделения полка, постоянно преодолевая сопротивление противника, вошли в г. Файзабад, административный центр Бадахшанской провинции, ДРА.

В июле 1988 года в соответствии с графиком вывода Советских войск 860 ОМСП покинул территорию ДРА. <ИВ>

Николай СТАРОДУМОВ

http://artofwar.ru/s/starodumov_n_a/

ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ ВОЙНЫ

(Хроника вывода советских войск из Афганистана
на Кушкинском направлении зимой 1989 года)

Это не художественное произведение. Это просто изложение фактов, почерпнутых из различных источников: политических донесений, свидетельств участников, личных впечатлений автора. Документальное изложение лишь кое-где перемежается с субъективными замечаниями. Чтобы не вносить излишней путаницы, будем оперировать терминологией той поры: законная, народная власть и противостоящие ей душманы, моджахеды.

26.01.89. Кандагар

Было еще темно, когда произошло событие, повергшее в шок осаждающих город и аэропорт моджахедов. В 6.10 утра над взлетно-посадочной полосой аэродрома появились три военно-транспортных самолета. И пока ничего не понимавшие в происходящем мятежники разбирались, что же происходит, крылатые машины с зажженными фарами одна за другой опустились на «бетонку».

Этому событию предшествовала долгая история. Дело в том, что когда советские войска покинули «южную столицу» Афганистана (как нередко называют Кандагар), душманы предприняли несколько попыток захватить город. Сил у обороняющихся подразделений афганской армии и сил безопасности на тот момент хватало, а вот с боеприпасами дело обстояло сложнее. Советское командование решило помочь людям, с которыми вместе мы воевали девять лет и которых теперь оставляли, по сути, на закление. Варианты доставки боеприпасов в Кандагар прорабатывались различные. Одно время склонялись к мысли о необходимости отправки автомобильной колонны. Но в конце концов приняли решение об организации «воздушного моста», по которому и перебросить в Кандагар необходимое военное имущество. Возглавляли операцию подполковники Николай Мауренко и Александр Чесаков, капитан Владимир Воронин. В группу входили также политработники Сергей Громов, Сергей Шебеко, Виктор Дыба.

Самолеты еще не остановились, а из них уже начали выпрыгивать воины-разведчики. Они быстро занимали заранее намеченные позиции, изготавливались к отражению нападения. А в том, что попытки сорвать перевозки будут, никто не сомневался.

Беспрецедентная операция по переброске в осажденный город боеприпасов началась. Оправившиеся от неожиданности, моджахеды и в самом деле неоднократно пытались разрушить «воздушный мост». Только в первый день операции по аэродрому было выпущено 47 ракет класса «земля-земля». Однако потерь среди личного состава и повреждений техники не было. Пока.

26.01.89. Шинданд

«Непримиримые» начали массированное минирование местности. Обстановка вокруг готовящихся к выводу войск становится все более напряженной.

21.01.89. Кандагар

Обстрелы аэропорта продолжались. Только в первую половину дня здесь взорвалось около 20 душманских ракет. Получил повреждение афганский самолет.

В течение всего дня шла разгрузка самолетов. Привезенное военное имущество тут же передавалось афганской стороне.

К вечеру несколько моджахедов сумели подобраться к аэродрому и обстреляли его из гранатометов. Теперь получил повреждение и советский самолет. Это был так называемый «скальпель» — самолет для оказания экстренной медицинской помощи. Впоследствии его отремонтировать так и не удалось, и машину пришлось уничтожить.

В результате совместных действий советских и афганских воинов диверсантов удалось уничтожить.

21.01.89. Шинданд

Майор Владимир Кржешьян буквально за несколько дней до этого вернулся в Афганистан из Армении, куда летал в отпуск по семейным обстоятельствам. Во время Спитакского землетрясения пострадали его близкие, и Владимира Сергеевича отпускали домой.

В этот день майор Кржешьян спешил на одну из сторожевых застав, чтобы проверить готовность ее к передаче афганской стороне. БМП, в которой он ехал, налетела на фугас. Так, меньше чем за месяц до окончания вывода войск, майор Кржешьян погиб. Вместе с ним пострадали сержант Чичелюк, младший сержант А. Аристанов, ефрейтор Богущкий, рядовой Бабенко.

22.01.89. Н.н. Аграскан

Инженерно-саперный батальон, которым командовал подполковник Андрей Рожко, получил задачу ежедневно проверять дорогу, чтобы исключить вероятность подрыва техники. Кроме того, воины

И все же колебался Василий недолго. В самом деле, как можно оставить в беде людей, с которыми провоевали бок о бок девять лет?.. Прапорщик сел к пулемету. Стрелок он был, в общем-то, не слишком опытный — все же должность не самая боевая. Тем не менее, он сумел уничтожить шестерых душманов и еще двоим огнем отрезал путь к отступлению.

Так советский прапорщик спас жизнь афганскому генералу. (Интересно, где он сейчас, тот генерал?)

26.01.89. Кандагар

За ночь сюда прибыло 14 транспортных самолетов. Общий вес перебросенных по «воздушному мосту» грузов достиг 1 000 тонн...

27.01.89. перевал Рабатли-Мурза

Сторожевая застава, расположенная на перевале, постоянно подвергалась обстрелам. Во время одного из них, не справившись с управлением на покрытой мокрым снегом «бетонке», начал скользить к пропасти автомобиль «Урал», за рулем которого находился сержант Сыроб Атекан. Это увидел водитель БТР рядовой Зайнутдин-оглы. Он попытался остановить падение автомобиля корпусом своего бронетранспортера. Однако было уже поздно. От удара страшной силы Зайнутдин-оглы получил тяжелейшую травму: у него не выдержал позвоночник. А «Урал» сорвался-таки в пропасть...

В течение всего дня шла разгрузка самолетов. Привезенное военное имущество тут же передавалось афганской стороне. К вечеру несколько моджахедов сумели подобраться к аэродрому и обстреляли его из гранатометов.

27.01.89. Н.н. Аграскан

Дважды был обстрелян пункт постоянной дислокации расположенного здесь отдельного инженерно-саперного батальона 5-й гвардейской мотострелковой дивизии. Под огнем мятежников рядовые Р. Прусак, В. Тырак и А. Бойков обнаружили три мины и фугас, управляемый по проводам. Младший сержант С. Ольшанский нашел две мины и фугас. Такие «сюрпризы» полагается уничтожать на месте, так как они могут быть снабжены элементами неизвлекаемости. Однако в случае взрыва было бы значительно повреждено дорожное полотно. Поэтому младший сержант С. Ольшанский обезвредил их, несмотря на опасность.

28.01.89. Шинданд

Политработники подполковники Олег Кривопалов и Валерий Кудрявцев провели джиргу (встреча, совещание, обсуждение насущных вопросов) со старейшинами уезда Шинданд. Всего собралось 31 человек из кишлаков Чахар-Бурдалак, Дихалибек, Старый Шинданд. Встреча прошла в общем-то мирно, собравшиеся внимательно выслушали советских офицеров. Речь шла о том, чтобы старейшины довели до мирных жителей и по возможности до руководителей отрядов вооруженной оппозиции, что советские войска уходят и чтобы мятежники не провоцировали боестолкновения. На джирге также выступили первый секретарь провинциального комитета НДПА Мухаммад, начальник штаба авиационного гарнизона Ширахмат.

В заключение взял слово мулла Акбар.

— Русские оставляют нам жилые городки, материальные ценности, — сказал он, в частности. — За это мы им благодарны. Поэтому мы передадим в горы, чтобы в этот период против русских не воевали. Более того, мы сделаем все, чтобы в будущем у наших соплеменников

батальона занимались подготовкой трассы к движению на север, в сторону Кушки.

В результате было обнаружено и обезврежено 58 мин и 9 фугасов, проверено 126 виадуков и мостов, захвачено в плен 2 мятежника, в качестве трофеев взято 2 автомата китайского производства, добыто и очищено 117 кубометров воды, протралено 500 км дорог, восстановлено для движения 2 моста. При выполнении задач отличились офицеры Е. Свиловский, П. Куликов, М. Шилов, Н. Стамбаев, Ю. Семенов, А. Арсенович, а также младший сержант С. Кузьмин и рядовой Ю. Деркач.

23.01.89. Кандагар

Очередной самолет с боеприпасами заходил на посадку, когда мятежники открыли по нему плотный огонь. Пытаясь увести машину от пунктов трассирующих пуль, пилот жестче, чем допускается, посадил самолет. В результате «борт» получил повреждения. Экипаж и груз не пострадали.

Крылатая машина долго ремонтировалась и в конце концов полочки удалось устранить. Самолет позднее благополучно улетел.

24.01.89. Кандагар

Ночные перевозки в этот день мятежникам удалось-таки сорвать. По двум нашим заходящим на посадку самолетам они открыли настолько плотный огонь, что пилотам не оставалось ничего иного, как развернуть машины и увести их обратно в Шинданд. Становилось все очевиднее, что поддерживать «воздушный мост» будет очень нелегко.

В 12 часов над аэродромом прогремел взрыв огромной силы. Это в результате диверсии взорвались 300 тонн боеприпасов, завезенных по «воздушному мосту» и переданных частям афганской армии. Так, стараниями мятежников и халатностью (пособничеством?) охраны был уничтожен труд разведчиков и авиаторов, затраченный на протяжении предыдущих четырех суток. Одновременно на аэродром обрушился ракетно-артиллерийский удар. Четыре ракеты упало на взлетно-посадочную полосу. Так что разведчикам, помимо охраны и обороны базы, пришлось также засыпать воронки, ремонтировать ВПП.

От афганцев стало известно, что мятежники подтянули к аэродрому дополнительную партию ракет, в том числе и зенитный комплекс «Стингер».

25.01.89. Южнее перевала Рабатли-Мурза

Техник роты прапорщик Василий Васютинский возвращался с объезда сторожевых застав. Бронетранспортер, на котором он ехал, обогнал юркий «уазик».

— Это ж надо, без «брони!» — удивился пулеметчик, увидевший, что в машине сидят люди в афганской военной форме.

Солдат был бы удивлен еще больше, если б знал, что в машине ехал новый командующий царандоя (одна из служб безопасности) провинции Герат.

Однако душманы об этом знали, автомобиль ждала засада.

Когда советский БТР выехал из-за поворота, бой еще продолжался. Тем не менее, участь генерала и сопровождавших его офицеров была бы предreshена...

Когда бронетранспортер остановился, к нему подбежал афганский солдат-водитель.

— Шурави, помоги! — кричал он.

Васютинский секунду колебался. Ведь был приказ в бой с душманами по возможности не вступать. Надо сказать, что и ряд отрядов вооруженной оппозиции, видя, что советские войска и в самом деле собираются покидать территорию страны, соблюдали это перемирие.

не было вражды и они сели за стол переговоров. — Правда, концовка речи муллы была несколько неожиданной: — Девять лет они нам вредили. Но на последнем этапе мы сделаем все по-хорошему, трогать их не будем и поручаем их аллаху.

(Невозможно удержаться от нескольких реплик. Когда советские войска уходили, они с рук на руки передавали местным властям полностью оборудованные и укомплектованные всем необходимым военные городки. Едва приняв их, афганцы тут же начинали растаскивать все подряд: телевизоры, кондиционеры, даже окна и двери. В стране повсюду тотчас началась «охота на ведьм»: жестокому преследованию подверглись все сторонники народной власти. О власти талибов вообще говорить не приходится — вспомним хотя бы лютую казнь президента страны Наджибуллы. И еще: а что афганцы думают о периоде советского присутствия сегодня, после того, как на них начали сыпаться американские бомбы?..)

28.01.89. Шинданд

Во время очередного обстрела городка взрывной волной был сброшен с брони бронетранспортера капитан Андрей Шишкин. В Афганистане он был второй раз. От полученных ушибов Андрей скончался.

30.01.89. Кандагар

Во время обстрела ракетами авиабазы получил ранение младший сержант Халмурат Саидмуратов. Ранее он был награжден медалью «За отвагу». Как и большинство воинов-разведчиков, находившихся в Кандагаре, Халмурат уже отслужил установленный срок, однако был направлен для выполнения боевого задания, как один из наиболее опытных солдат.

1.02.89. Кандагар

Обстановка в районе аэродрома обострилась до крайности. Из радиоперехватов стало известно, что руководители отрядов оппозиции просят срочно прислать им минометы и боеприпасы. Было решено нанести несколько бомбо-штурмовых ударов по скоплениям мятежников. После этого обстрелы базы прекратились. Радиостанция мятежников в эфир больше не выходила.

Ночью на северной окраине аэродрома произошло два подрыва. Это подорвались на минном поле двое диверсантов, пытавшихся пробраться к самолетам.

Чтобы повысить безопасность посадки самолетов, на точки дальнего и ближнего приводов направлены группы разведчиков.

Резко испортилась погода. Дождь, низкая облачность, потом разразилась пыльная буря. Полеты пришлось временно прекратить.

2.02.89. Кушка

Первая колонна в количестве 214 человек пересекла Государственную границу СССР через КПП «Кушка». Возле пограничного шлагбаума колонну встречали представители штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Леонтий Робул и политработник Александр Шиллов.

Командиром колонны был подполковник А. Мишин, его заместителем по политической части майор С. Башкиров.

3.02.89. Кандагар

Неожиданно для афганцев (имелись все основания полагать, что среди них имеются осведомители отрядов оппозиции) разведчики шестью Ан-12 улетели в Шинданд. Предосторожности оказались не напрасными: последний самолет заканчивал погрузку, когда начался сильнейший обстрел аэродрома.

Таким образом, операция «Воздушный мост» была успешно завершена. Кандагарский гарнизон афганской армии получил от нас все необходимое, чтобы дать достойный отпор отрядам вооруженной оппозиции. В том, что последние на какое-то время отказались от планов захвата города, большая заслуга советских авиаторов и разведчиков, всех, кто организовал обеспечение правительственных войск необходимым военным имуществом.

Воины-разведчики подразделения, которым командовали офицеры Н. Мауренко и В. Воронин, стали последними советскими воинами, покинувшими юг Афганистана.

4.02.89. Амхабад

Состоялось совещание у начальника политотдела спецчастей Амхабадского гарнизона подполковника Владимира Наталича. Здесь обсуждался вопрос готовности столицы Туркмении к тому, что часть военнослужащих, вышедших из Афганистана, будет добираться домой именно через этот город. В работе совещания принимали участие: комендант железнодорожного участка подполковник Виталий Жохов, представитель службы ВОСО на воздушных трассах Туркменского управления Гражданской авиации майор Александр Нестеркин, комендант гарнизона полковник Геннадий Пятин, начальник Военторга подполковник Анатолий Сидоренко.

6.02.89. Кушка

При досмотре колонны, которая готовилась к пересечению границы, ефрейтор Сергей Камагин в автомобиле «Урал» обнаружил тайник с опиумом-сырцом; в закладке было 980 граммов, что по оценке кушкинской таможни на «черном рынке» стоило до 80 тыс. тогдашних полновесных рублей. Воин-пограничник представлен к медали «За боевые заслуги».

8.02.89. Кушка

С очередной колонной границу пересекла группа журналистов американской телекомпании «Эн-би-си». Во время досмотра у одного из них, оператора Энтони Купера, обнаружена и изъята крупная сумма советских незадекларированных денег.

8.02.89. Севернее Герата

Кто бывал в Герате, хорошо знает это место. Дорога, ведущая из города на север, выписывает большую дугу и втягивается в горы. Здесь же от нее отходит «бетонка», которая ведет на запад, к иранской границе. Над этой развилкой высоко на склоне горы стояла сторожевая застава, усиленная артиллерией. В период вывода наших войск ею командовал капитан А. Листовский.

Эта «точка» была известна тем, что чаще всех в округе подвергалась обстрелам. Занимая господствующую высоту, эти несколько орудий были душманам как кость в горле. Был случай, когда именно по ней иностранные военные специалисты осуществляли показательные стрельбы, обучая моджахедов. После этого иностранные голоса громко растребули по всему свету, что на заставе погибло 6 советских воинов. Узнав об этом, офицер Листовский был взбешен — в его подразделении вообще не было никаких потерь, даже раненых.

В это утро на дороге, прямо под расположенной высоко на горе «точкой», остановилась колонна. Так было принято: перед началом сложного горного участка трассы подразделения собирались вместе, в последний раз проверяли машины.

Вели колонну офицеры А. Сафронов и В. Велейщиков. Уже начали поступать доклады о готовности подразделений к дальнейшему маршруту, когда вокруг начали рваться снаряды и мины. По существующим правилам, в подобном случае необходимо срочно увести

колонну из-под обстрела. Так поступили и теперь. Но тут выяснилось, что оказался отцепленным один из прицепов. К машине бросились офицеры А. Турлаков и С. Горощенко. Под их руководством солдаты набросили «галстук» прицепа на фаркоп тягача. Колонна ушла без потерь.

Душманы перенесли огонь на батарею, которая в это время уже изготавилась к стрельбе по «непримиримым». Первым же разрывом был ранен капитан А. Листовский. Санинструктор наскоро перевязал ему обе ноги и руку, и офицер продолжил руководить огнем батареи. В результате были уничтожены две пусковые ракетные установки в районе кишлака Сайном.

11.01.89. Кушка

Утром у пограничного столба встретились и крепко обнялись два генерала. Так случилось, что 9 с небольшим лет назад они прощались у этого же столба. Оба стояли тут со своими дивизиями в готовности вести подчиненных на юг, в Афганистан. Однако приказ на выдвижение получила только одна, 5-я гвардейская. Вторая, 58-я мотострелковая, вернулась в пункт постоянной дислокации, в город Кизыл-Арват. И вот два бывших комдива встретились вновь, на том же месте. Один из них, генерал-полковник Юрий Шаталин, был в ту пору начальником Внутренних войск СССР, второй, генерал-майор Леонтий Робул, являлся начальником оперативной группы, обеспечивавшим вывод войск на западном направлении, заместителем Командующего округом по Гражданской обороне.

(«Сфотографируй нас, корреспондент!» — попросил генерал Шаталин. А у меня к этому времени уже закончилась пленка... Какой исторический кадр не состоялся!)

11.01.89. Кушка

Колонна, которую привели подполковник А. Сафронов и политработник В. Велейщиков, входила в город. И вдруг могучий рев двигателей пронзил женский крик:

— Сережа!

Механик-водитель боевой машины рядовой Сергей Захаров увидел свою мать, которая счастливо, сквозь слезы, улыбаясь, стояла на обочине. Машина чуть вильнула...

— Что случилось? — кто-то хлопнул солдата по плечу.

— Мама...

— Вылезай!

Прямо на ходу за рычаги управления сел другой воин. А Сергей Захаров пробежал по броне и спрыгнул на землю. Через мгновение мать и сын уже стояли обнявшись.

Без сомнения, в другое время за подобные художества солдатам выдали бы, как говорится, на орехи. Однако тут командиры сделали вид, что ничего не заметили.

Мать!

14.02.89. Кушка

Для освещения заключительного этапа вывода войск сюда прибыла группа журналистов.

15.02.89. Кушка

В этот день в Кушке вдруг пошел сильный снег. Тяжелые крупные хлопья при резком пронизывающем ветре заметно ослабили торжественность встречи. По той же причине практически никогда не показывают документальные кадры с западного направления вывода войск из Афганистана — снег попросту залепил объективы кинокамер.

Ровно в 10 часов на мосту через речку Кушка появилась первая бое-

вая машина. Украшенные флагами и транспарантами, с грамотами афганского правительства на лобовых стеклах, БМП и автомобили, БТР и другая техника сигналами клаксонов приветствовали четыре огромные буквы на склоне горы — «СССР». Это шли подразделения разведчиков. Те самые, которые совсем недавно последними покинули Кандагар. Возглавляли колонну офицеры Н. Мауренко и С. Шебеко.

В 10.20 (8.20 по московскому времени) прозвучал доклад генерал-майору Леонтию Робулу:

— Советские войска с западной части территории Республики Афганистан выведены полностью. Первый заместитель командующего армией генерал-майор Пищев.

Журналисты окружили вышедших с последней машиной наблюдателей ООН майора Дугласа из Канады и полковника Туатоко с Фиджи. Центральным стал вопрос корреспондента «Туркменской искры» Валерия Гордеева:

— Майор подтверждает, что последний советский солдат покинул территорию Афганистана?

— В западной части Афганистана не осталось советских солдат, — ответил Дуглас.

15.02.89. Севернее Кушки

Здесь состоялся митинг, посвященный окончанию вывода войск из Афганистана. На митинге выступили: второй секретарь ЦК КПТ С. Нестеренко, генерал-майор Г. Кочкин, ветеран войны и труда Н. Корнеев, первый секретарь Тахта-Базарского райкома комсомола Ч. Кулиев, мать солдата И. Хеб, сержант Н. Щербаков, полковник В. Андреев. Всех военнослужащих накормили вкусным обедом, после чего подразделения отправили к местам расформирования.

И в это время прекратился снег. Как будто его специально кто-то включил на период церемонии вывода войск.

16.02.89. Севернее Кушки

С боевого вертолета снимают закопченный цилиндр кассеты неуправляемых ракет. Увидевший это подполковник медицинской службы Г. Могильницкий сказал товарищам:

— Смотрите, снимают боевое вооружение... Кончилась война!

Все мы тогда думали, что война и в самом деле кончилась. Кто же мог предположить, что впереди нас еще ждут Карабах, Абхазия, Приднестровье, Косово, Таджикистан, Дагестан и самая большая наша точка, Чечня. И практически всюду сойдутся лицом к лицу люди, которые «за речкой» сражались вместе, помогая друг другу, рискуя друг ради друга жизнью... Парадоксы истории! <#>

Валерий
ШАЛАГИН

http://artofwar.ru/s/shalagiin_w/

МЫ УХОДИМ С ВОСТОКА

«Прощайте горы, вам видней,
кем были мы в стране далекой!»

Слова этой песни тогда еще не были нами полностью осознаны и поняты, автор слов не думал о том, что это было первое предательство армии нашим правительством. Нам, воспитанным на лучших примерах Гражданской и Великой Отечественной войн, было невдомек, что будет после нашего ухода с народом, который поверил нам, и со страной, в горах которой мы положили столько наших лучших парней... Поверьте мне на слово, но это одно из правил любой войны — забирать самых сильных, красивых и талантливых мужиков.

Разговоры разговорами, но лед тронулся: советская военная машина медленно, но уверенно поползла из Афгана. Первыми ласточками были наши братья — вертолетчики из Газни и Джелалабада, которые перед 15 мая приземлились в наш теплый и солнечный Кундуз, чтобы ровно в полночь пересечь нашу и афганскую границу. Гостей сразу же развели по модулям, растащили по баням и знакомым, все вертолетчики практически друг друга знают — вертолетных училищ-то всего три: Сызранское, Саратовское и Харьковское. Сказать, что у улетающих ребят была поросычья радость по поводу возвращения на Родину, я не могу, это будет неправдой, скорее всего было состояние радости и грусти. Многие ведь не первый раз ездили за речку и знали, что таких отношений, как здесь, не будет больше никогда! В мирной жизни мы становимся совершенно другими: более сволочными и сытыми. Здесь мы были готовы пожертвовать ради друга всем, даже жизнью, а там другая жизнь, другие проблемы.

Встреча и проводы ребят из соседнего полка и эскадрильи были недолгими, хотя это внесло определенное разнообразие в нашу жизнь, и вот вертушки одна за другой пошли на Россию, пошли пустые, без боекомплекта, даже у пилотов забрали все лишние припасы в пистолетах, автоматах и пулеметах, оставив только штатный БК на сдачу, мы потом еще двое суток выгребали со стоянки боезапасы, что оставили нам гости.

В августе подошел черед и нашего 181 отбвп (отдельный транспортно-боевой вертолетный полк — прим. ред.): после вывода наших частей из Файзабада прикрывать и сопровождать нам стало некого, тут и приказ на вывод.

Подполковник Трофимов, заместитель командира полка по ИАС (инженерно-авиационная служба — прим. ред.) поставил инженерам задачу на перебазирование полка, мне выпало счастье угодить в передовую команду!

Второго августа ближе к двенадцати часам ночи мы вылетели на вертолете Ми-6 в сторону нашей границы, на аэродром Какайты. На удивление (а потом я вообще после этого перестал удивляться), на Родине нас никто не ждал! Экипаж нас высадил и сразу же ушел обратно на Кундуз, в дальнем углу аэродрома светился какой-то свет, и мы побрели на него...

Идти пешком пришлось километра два, у фонаря домик, а в нем мордатые узбекские таможенники с радостью взялись шмонать сумки, на дворе, тем временем, начало светать. А после теплой встречи с таможей выяснилось, что жить будем в палатках, установленных рядом с газотбойниками самолетов МиГ-21, каждое утро слушая реактивный рев турбин самолетов прямо под ухом в течение месяца — другого места для нас тыловые уроды не нашли на

всем огромном летном поле! В нашей палатке оказалось по колено пыли, но ее уже никто не видел, рухнули спать на железные сетки кроватей без матрасов, как убитые. Спасибо, Родина, встретила!

Спали мы так, что не слышали, как газовали самолеты прямо в пятнадцать метрах от нас, проспали мы и то, как «мигари» под утро ушли на удар за речку и даже то, как они вернулись. В то утро разбудил нас начбой местного батальона и сказал, что нам необходимо сдать оружие, в палатку ведь заходи с любой стороны, все углы открыты и возможно хищение оружия! Когда он сказал, что его можно бросить в кузов его грузовика, нас это задело до глубины души и я сказал ему: «Привези ящики из под «нурсов» (неуправляемый ракетный снаряд — прим. ред.), и мы туда уложим наше оружие».

Капитан привез ящики, и мы сдали свое проверенное войной оружие, а он на клочке туалетной бумаги записал: 13 пистолетов и автоматов — все, от оружия мы свободны, ужасно хотелось пить и что-нибудь съесть.

Поехали на местный рынок, поймав какую-то попутку. Там просто изобилие, особенно арбузов. Тетка весом сто пятьдесят кг сразу понимает, что пришли солидные покупатели, и с криком: «Мой брат пришел!!!» — начинает торговаться, как за собственную честь.

Скупив полрынка, возвращаемся в свои пыльные палатки, и, разложив шашлыки, арбузы, зелень и водку, начинаем неторопливый ужин. Все, понемногу начинает доходить, что мы свое отвоевали и больше в Афган дороги нет! Пьем совсем понемногу: во-первых, жарко, под 50 градусов, а во-вторых, ночью прилетят Ми-6 на разгрузку, а это тонн тридцать разного груза — ну и кто его будет трелевать?

Ночью наши Ми-6 делают по два вылета, и мы работаем как на фабрике Саввы Морозова: ночью выгружаем вертолеты, а днем складировать имущество для отправки по железной дороге. Спать практически не приходится — нас-то всего человек десять, такая нагрузка, что иногда спим прямо на рулежной дорожке, на бетоне, забыв про всякую тварь, летающую и ползающую, а также про ВВ — военных водителей, для которых переехать человека на полосе — раз плюнуть.

Вскоре прилетает подкрепление, и начинают приходить первые вертолеты, в основном Ми-6, которые свою задачу выполнили, а мы ждем свои «горбатые». Когда же, наконец, прилетит полк, и мы отдохнем от сумасшедшей трелевки грузов? Да и скотские условия уже достали порядком, в Кундузе было в пять раз комфортнее.

И вот, в одну из августовских ночей начинают приходить наши боевые — винтокрылы. Радости моей группы не описать, все отменилось, каждую машину приходится вести за ПВД, стоит такая пыль, что не видно в двух шагах, но в течение часа мы разруливаем свои вертолеты и встречаем своих боевых друзей.

Сутки шло братание, потом поступила задача: перелет на Чирчик, там дополучить еще двадцать двадцатьчетверок, и перелет на

Тайболу, что на Кольском полуострове. Улететь в тот день не удалось, произошло два события: в моей группе у прапорщика Качина из оружейной комнаты «ушел» пистолет ПМ, а в палатке напротив нашелся автомат АКСУ-74, как потом выяснилось, Павлика Ростовцева, бортового техника Ми-24.

За оружие в армии, помимо каждого, отвечают командир и начальник штаба, Миша Захарчук, но зачем подставлять свою заднюю полусферу, Миша прыг в вертолет и в Чирчик, а ты парься с военной прокуратурой и рассказывай сказки, куда делся сданный на хранение пистолет. Сколько было потрачено нервов, известно одному богу, и когда уже умерла последняя надежда, а прошло пятнадцать дней издевательских допросов, и нам внесли в вину то, что пистолет утерян в Афгане, а здесь мы просто подставили командование авиаполка, плюс море других вариантов, вплоть до того, что будет сформирована отдельная бригада лесозаготовителей в Сибири, а я буду ее бригадиром. Все же пистолет нашелся.

Утащил пистолет дежурный по роте — мальчик, старший сержант — Гиви «Сквернашвили». На Кавказе любят оружие! Когда сдавали автоматы ребята с Ми-6, юный джигит приоткрыл ящик, в котором лежало оружие моей группы, и, увидев, что на него никто не смотрит, сунул пушку себе за пазуху и был таков.

Я примерно догадывался, что хлопнушку взял либо Гиви, либо второй дежурный по роте, и просил об одном: подбросьте ее в оружейку, благо, дверь была из прутьев — но на мои слова он не отреагировал.

Нашел пистолет совершенно случайно у офицерского общежития офицер стройбата, который, увидев из земли кончик наволочки от подушки, дернул за нее, а там пистолет, который ночью закопал джигит Гиви, в разобранном состоянии, потому что не смог его собрать после личной разборки — тоже, Левша нашелся!

**Поверьте мне на слово, но это одно из правил
любой войны — забирать самых сильных,
красивых и талантливых мужиков.**

В тот же вечер нас отпустили, сняв все обвинения, забыв извиниться. Военные прокуроры Гиви, наверное, посадили, а может быть его откупили богатые грузинские парни. А мы в полночь грузились в Ил-76, летящий в Пружаны!!! Полк-то, оказывается, подвернули на Беларусь, но мы об этом еще не знали. Не знали и то, что едва не погибнем на взлете: самолет был настолько перегружен, что едва взлетел с последней плиты, и если бы сеть АТУ (аварийная тормозная установка — прим. ред.) была не опущена, нам конец. А садиться будем на аэродроме Пружаны с горящей красной лампочкой аварийного остатка топлива и шасси, выпущенными с шестой попытки в аварийном режиме.

Не знали мы и того, что вновь обгоним свой полк и вновь станем передовой командой, и опять нам предстоит столько труда на стоянках, заваленных лесом. И когда прилетят ребята, мы, как всегда, успеем все подготовить для их встречи.

Приземлились в Пружанах в начале шестого, у командира карабля спина мокрая от пота, две аварийных ситуации за полет, да и двести с лишним человек на борту! А возле борта с цветами нас встречали замечательные женщины, которых в такую рань поднял комиссар полка Су-25 «грачей». Встреча была замечательная: утро, пенье соловьев, смех женщин, запах их духов и запах полесского леса... А жизнь-то хороша, ребята!!! <ИВ>

Игорь
ГОРБАЧЕВСКИЙ

http://artofwar.ru/a/astapow_i/

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ СНЫ: ВОЙНА

15 февраля 1989 года.
Раздается звонок телефона.
Я поднимаю трубку.
— Игорюха!!! Война — кончилась!!!
Звонок.
— Ты смотришь телевизор?
Война!!! Кончилась!!!
И я непослушными пальцами набираю номер:
— Димка!!! Война!!! Кончилась!!!
И мы набираем номера, бессвязно крича слова, смеясь, не осознавая, что наш смех переходит в рыдания.

Война — кончилась!
Наконец-то она — кончилась!!!
Война...
Мы еще не знаем, что она — она для нас не кончилась, она свернулась внутри нас, вцепилась в нас своими свинцовыми когтями и живет, живет, живет, ожидая своего часа, чтобы вцепиться в нас.

Война.
Это когда ты, убитый насмерть, с диагнозом «смертельные осколочные ранения», неизвестно зачем цепляешься за жизнь.

Война.
Это когда ты карабкаешься к свету, слепой, глухой, немой и никому не нужный — зачем?!

Война.
Это когда ты, выползший, на 9 мая надеваешь награды — глаза деда-ветерана, горящие ненавистью, его дрожащая рука, тянущаяся к твоей груди — сорвать твои награды: «Люди за них кровь проливали!»

Война.
Это когда родной тебе человек, знающий, что ты потерял слух вследствие тяжелой контузии, — кричит: «Пень глухой! Надоело повторять тебе по два раза!!!» — и в любимых глазах раздражение, смешанное с усталостью и безнадешностью.

И каждое ее слово рвет твою душу безжалостным, тупым, зазубренным кинжалом...

Война.
Это когда просыпаешься ты от удушья, ибо нет воздуха в твоих легких, а только СТРАХ. И опять убивают тебя, и убиваешь ты...

Война.
Это когда хочется биться головой в истерику, но ты, вцепившись зубами в собственное самообладание, скрежеща и отслаивая эмаль — улыбаешься, улыбаешься, улыбаешься...

Война.
Это когда просыпаешься, прижимая к груди мокрые скомканные простыни, потому что твои друзья опять падают, падают под чужими очередями — и ты бессилен спасти их!

Война.
Это когда мелкой дрожью дрожит правое веко — и ты прижимаешь его пальцами в тщетной надежде прекратить эту пытку, а в ушах твоих цикадистый стрекот давно отстрелянных очередей и крики давно умерших людей.

И ты висишь над пропастью безумия, уцепившись за край остатками разума.

И улыбаешься, улыбаешься, улыбаешься...

Война.
Это когда твои сыновья не знают твоего прошлого.

Война.
Это когда ты всегда выдержан и — улыбаешься, улыбаешься, улыбаешься...

Война.
Это — седина и морщины твоей матери.

Война...
Это когда есть ты, и есть — они.
Мы еще не знаем, что война никогда не закончится.

Она, конечно, умрет.

Она умрет вместе с нами...

Война. <ИВ>

Евгений
РАЧЕНКОВ

http://artofwar.ru/r/rachenkow_e_a/

ВЫВОД ВОЙСК И НАШЕГО БАТАЛЬОНА

*«...Нам не хватало воздуха на горных перевалах.
Мечтали о воде мы в пустыне Регистан.
Кричали мы от боли на койках медсанбатов.
И все-таки по-доброму мы помним наш Афган...»*

**Голубые Береты. «Пароль Афган».
Восемнадцатой годовщине вывода войск
из Афганистана посвящено.**

Осень 1988 года. Вот он, долгожданный приказ об увольнении в запас ДМБ-88. Напечатан в газете и торжественно зачитан. Дембеля в нетерпении — скорее бы домой! Но здесь их ждал большой облом. Наступил 1989 год, выпал снег. Раньше зим таких, говорят, давно не было. Дембелей сняли с нарядов, ждут. Но домой так и не отправляют, они уже не знают, что и думать.

— Когда дембель? Дембель давай! — Нервно ходит по модулю и кричит мл. с-т Саня Кацубенко.

Дембель с-т Галецкий вздыхает, печально поправляя висющую на вешалке, под марлей, дембельскую, отглаженную, начесанную шинель. Дембеля в ожидании чуда. Вот уже Рождество — тишина. Дембель в опасности.

— Так с нами будете выводиться, до Союза, а там в Термезе на поезд, и домой, — шутят сержанты.

— Ну, вот и началась дембельская отправка. Всем дембелям готовиться. Завтра в 8.00 построение на плацу, — сообщил ст. прапорщик Федчук.

Дембеля радостно засобирались. Мы готовились в наряд. За подготовкой прошло время.

— Всего хорошего, дембеля, счастливо, доехать домой вам быстрее! — прощаюсь заранее, завтра в это время буду на посту. — Не смогу вас проводить, — говорю я им.

— Служи, Жека, как дед служил. В Союзе тебе еще год служить, — таким было напутствие мл. сержанта Кацубенко Александра.

— Буду служить, Родину защищать, оэртэбэ не опозорю, гуляй, спи спокойно на дембеле. Твоя замена на страже, ты под надежной защитой!!! — улыбаясь, ответил я.

11.01.1989 года был уволен в запас призыв «осень» ДМБ-88.

Наша рота стояла в карауле. Готовились его сдавать, когда получили радостную новость: завтра ВЫВОД!

Большая часть нашего батальона выводилась по воздуху на Ил-76, военная техника своим ходом. Долго готовились: ремонтировали БТРы, грузовой транспорт, совершали километровые марши. Козлов С. с моего второго взвода постоянно готовил свой «Урал», также делали и все водили нашей роты. Некоторые машины не выдерживали, ломались. Ремонтировали, искали детали. В общем, подготовка полным ходом. Сегодня нам объявили, что завтра ВЫВОД нашего 1996-го орб (отд. радиотехнический батальон — прим. ред.) из Кабула. Вечером никто не спал. Всю ночь не могли уснуть, праздновали. Все готовились к выводу. Королев Эдик готовил свои сапоги. Начищал, поправлял шнурки на десантных сапогах. А мы с Дарочкиным Андреем в каптерке наглаживали свои бушлаты и хэ-бэшки и мечтали. Андрей мечтал, что, наконец-то, сможет увидеть свою жену, своего ребенка, он родился летом 1988 г. Он еще не знал, что в Ашхабаде получит отпуск, придет домой и загуляет почти на месяц. Потом отмажется коньяком и медицинской справкой. Писал мне Казак Леонид.

13.01.89 года — ВЫВОД. Утром сборы, суeta в модуле. После завтрака мы построились на плацу, те, кто не выводил технику. Там торжественно был спущен красный флаг СССР, 1996-й орб прекратил свое существование на афганской земле.

Прошли через КПП. На улице рядом с КП стояли и курили аскеры дружественной армии. Среди них были наши знакомые Джали и Даруб. Печально они провожали взглядом строй советских воинов. Они должны были дембельнуться, отслужили четыре года. Вместо этого их задержали до неизвестных времен. Уходили шурави, а вместе с нами спокойная жизнь афганского народа, военных и гражданских. Теперь «зеленым» самим придется защищать молодую республику и себя. Сколько им придется перенести всего позднее! Но мы этого еще тогда не знали. Думали, что все кончается...

Проходим в строю мимо них. Даруб смотрит, встречаемся взглядом, он узнал нас. Я махнул ему рукой, привлек внимание.

— Салам, Даруб! Не поминай лихом! — крикнул я.

— Салам, бачи! — крикнул он нам.

— Все, уходим! — крикнул Сергей Гуцал.

— Вот так выводят наш батальон! — сказал Осадчий Владимир.

Ведь мы служили бок о бок столько времени!

Джали повернулся уходить.

— Джали, вешайся! — гоготнул довольно Ждан.

Строй весело заржал.

— Джали, вешайся! — подхватили все.

— Вешайся, Джали! — кричала вся рота. Проходя, все смеялись и смеялись на него.

— Калабаху бакшиш хочешь — подходи к Ждану, — подзадорил я строй.

— Иди сюда. Шас отвешу на прощанье, — звал Ждан. И махал своей огромной калабаходарящей рукой.

Джали, опозоренный, мерзкий, г...нистый аскер, пулей залетел на КП. На всю жизнь запомнит он вывод войск.

Проследовали с пересылки через КПП на гражданский кабульский аэродром. Дежурный по КПП поднял шлагбаум, провожая нас взглядом. Ему еще месяц оставаться здесь. Перед посадкой было время. Ждали, когда дадут посадку «Боингу-707». Сбежали на пересылку, отоварили оставшиеся чеки, там еще работал магазин. А, как известно, в Союзе чеки не нужны.

Вот он, наш Ил-76. Посадка. Отрываемся от бетонки. Взлетаем, все смотрим в иллюминатор на отстреливаемые ракеты, на горы, на Кабул. В душе тревога. Вдруг какой-нибудь душара на прощанье выстрелит «Стингером»? Не хотелось бы остаться здесь навсегда. Но все обошлось, благополучно, летим.

Совершили посадку в Термезе. Открывается люк, сходим по трапу самолета на советскую землю. Смотрим, а нас встречает духовой оркестр! Игрет музыка! Нам вручили подарки, пластинки — песни Афгана, альбом назывался «Время vybrало нас», «Стихи и песни об Афгане».

Таможенники произвели досмотр:

— Оружие, наркотики есть?

— Нет, — ответили мы.

— Ну, тогда все свободны, — сказал таможенник.

А кое у кого в карманах кое-что осталось.

Расположились в палаточном лагере, где пробыли несколько дней. Начали продавать афганско-китайские вещи. Кстати, в Афганистане я узнал, какое качество у маде ин чина!!! Помню, купили в Термезе большой арбуз за три рубля и несколько бутылок самогона на всю толпу нашего призыва, водки не было, действовал сухой закон. Отметили вывод. Ждали технику, свои колонны, которым идти из Кабула до Термеза, если все нормально, где-то четыре дня. А было почти нормально: были обстреляны колонны, но не прицельно. Одна машина загорелась, другая сломалась. Пришлось их сбросить в пропасть. Серега Козлов немного оборел, но ничего, зато жив остался. Служил с нами в Чимкенте. В палатках время шло медленно, отдыхали, ждали, слонялись, ничего не делая, целыми днями.

Вот все-таки дали команду прибыть на ж/д вокзал для дальнейшего

следования. Еще ждали, когда нам вышлет командование денежный перевод. Получили союзные деньги — семь рублей, маловато после 21 чека. Тут же на почте Термеза первым делом — телеграмма домой: «Вышел в Союз. Все в порядке!» У Королева Эдика были родственники в Термезе, до поезда было часов пять. Его с Дарочкиным Андреем отпустили на пару часов. Там они смогли позвонить, пообщаться со своими родными, потом вернулись к нам. А дальше поезд Термез-Ташкент.

В Ташкенте сфотографировались на память. Фотограф клялся, что вышлет фото домой. С большим недоверием согласились. Но он свое слово сдержал. Обрадовались родители, получая наши фотки.

— Давайте выпьем пива, — предложил Королев Эдик.

Стали искать пивную, кое-как нашли, далековато, правда, от ж/д вокзала.

Это пиво обладало нашим, Союзным вкусом! Светлое, прозрачное, разбавленное водой по самое не могу. Это вам не баночное чешское пиво!

Попили пивка! Чуть не опоздали на поезд. Бегом на вокзал, смотрим — наша рота стоит, нас ждет.

— Вы где были? — спросил старший прапорщик Федчук. — Я думал, что вас повязал патруль. — Ташкентский военный патруль был очень строгий.

— Где вы пиво нашли? — в поезде все завистливо спрашивали.

Вот так благополучно добрались до Чимкента. Батальон должен сосредоточиться в пригороде Чимкента, в Самсоновке. В этом городе готовили ПВО специально для Афгана, многие солдаты и офицеры были из Чимкента. В частности, старший лейтенант Лембас Сергей, рядовой Гуцал Сергей, родом из Молдавии, Балдин Владимир, Петров К. и многие другие.

Далее батальон должен был следовать в Ашхабад, но частично сформировались в Чимкенте. Мне предложили остаться в Чимкенте, что я и сделал. Все-таки, рядом с домом в Казахстане. Друг друга не забыли, долго переписывались с друзьями в Ашхабаде.

Так началась моя «союзная» служба. Служили с друзьями из Кабула. Я служил в бригаде ПВО, 1-й батальон, 1-я рота, командир отделения планшетистов. Служил вместе с Козловым С., Николаенко Н. — мы из Кабула. Дубина (Дубинка) Валерий, Бабин Василий, Кобзев Игорь — из баграмской радиолокационной роты, Сударьков Виталий, Куршев Александр — из Кандагарской роты, а также Шиндантаевской, Джелалабадской радиолокационных рот. Это мой призыв, кого помню. Здесь я познакомился с новыми друзьями, в том числе и с Германом Игорем. Поддерживаю связь с ним и по сей день.

Потом приезжали родители, была командировка в мой родной город за призывниками, присвоение звания сержант, долгожданный дембель и еще много всего. Но это уже другая история.

Согласно приказу N341 МО СССР Язова Д. Т. уволен в запас 22.11.1989 года — ДМБ 89. <ИВ>

Виталий
НОСКОВ

http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/

МЫ ВАС БУДЕМ СМЕТАТЬ ОГНЕМ

Часть I

С полковником Кукариным Евгением Викторовичем судьба свела меня весной 1999 года под Кизляром. В ту пору он, офицер Главкомата Внутренних войск МВД России, был командирован в Дагестан, где по всей линии административной границы с Чечней нарастало напряжение: боевые столкновения следовали одно за другим. Я, обозреватель газеты «Щит и меч», освещающий эти события, бывал на заставах и в подразделениях, отбивавших дерзкие вылазки боевиков.

Особенно часто чеченцы устраивали провокации на окраине Кизляра, в районе Копайского гидроузла. За сутки до того, как я появился на заставе, прикрывавшей гидроузел, она была подвергнута массированному минометному удару. Ответ был адекватным. По чеченцам, помимо артиллерии, отработала российская вертушка. И выпускники диверсионных школ Хаттаба, сдававшие экзамены на границе Чечни и Дагестана, откатились в глубь своей территории зализывать раны.

На заставе, где держали оборону офицеры и бойцы Внутренних войск, не было паники. Отразившая нападение военная молодежь была полна спокойствия и достоинства, которые появляются в человеке, добывшем победу в бою.

На заставе «Копайский гидроузел» я сразу обратил внимание на полковника с дерзкой смешинкой в умных голубых глазах, легкого в движениях, плечистого, среднего роста. Он неторопливо, по-командирски дотошно беседовал с офицерами, солдатами, ничего не записывая, все запоминая. Говорил просто, вопросы задавал со знанием дела. Вел себя доступно, как старший товарищ, командир-батька, к которому всегда можно обратиться за советом, помощью и получить ее без задержки и нареканий.

Тогда я еще не знал, что там, где появлялся этот старший офицер-москвич, всегда разворачивались серьезные боевые действия.

Вот так, далеко от Москвы, на заставе, понесшей потери ранеными, я познакомился с человеком, который во второй чеченской кампании будет штурмовать Грозный, командуя группировкой «Восток», и поднимет российский флаг над многострадальной площадью Минутка. За умелое, высокопрофессиональное руководство подразделениями и проявленное при этом мужество и героизм полковник Кукарин Евгений Викторович будет удостоен звания Героя Российской Федерации. Звезду Героя ему вручит в Кремле Верховный Главнокомандующий, Президент Российской Федерации Путин Владимир Владимирович.

В другой раз мы встретились, когда полковник Кукарин Е. В. уже был на должности заместителя командира отряда милиции специального назначения «Рысь» ГУБОП СКМ МВД РФ. Его наработанный в годы армейской службы и во Внутренних войсках опыт понадобился на новом направлении — в точечных ударах по орга-

низованной преступности и терроризму.

Этот старший офицер умеет хранить государственные тайны. Только через семь лет после нашей первой встречи на окраине Кизляра я узнал, что появление Евгения Кукарина на заставе у Копайского гидроузла было подготовкой к операции, которая нанесла чеченским боевикам серьезный урон.

Это Евгений Викторович спланировал операцию по уничтожению чеченского таможенного поста в районе дагестанского села Первомайское. Пост этот был логовом террористов, совершавших диверсионные выходы в сопредельный Дагестан.

Полковник Кукарин Е. В. начал воевать в 1999 году на севере Дагестана, участвовал в отражении отрядов Басаева в Рахате, Ансалте и Ботлихе. Вершиной его командирского успеха был победный штурм Грозного.

Когда по центральному телевидению я увидел, как этот плотный, суворовского духа и роста полковник поднимает российский флаг над освобожденным Грозным, я разволновался, гордый за этого человека, любящего жизнь, победителя врагов Отечества, а по чувству юмора — Василия Теркина.

При нашей крайней встрече мне показалось, что звезда Героя России сделала Кукарина еще проще, доступнее, расковала его, как личность, обострив впечатления от войны и жизни.

В праздничные дни, когда Россия веселится, отдыхает, силовые структуры страны находятся на усилении, особенно спецподразделения ФСБ, МВД и армии.

В один из таких дней, после утреннего развода, мы с полковником Кукариным Евгением Викторовичем встретились в его рабочем помещении заместителя командира ОМСН «Рысь». На стенах висели фотографии, в неполной мере отражавшие боевой путь хозяина кабинета. Вот фото двух российских танков, подбитых на горной чеченской дороге. Собровцы Норильска — сурового вида офицеры в спецнаряжении, с автоматами и снайперскими винтовками были сфотографированы на фоне развалин Грозного, а по низу фотографии легко читалось их уважительное обращение к командиру группировки «Восток».

На письменном столе полковника милицейского спецподразделения стояла модель танка Т-80 — воспоминание о том, что выпускник Благовещенского высшего командного танкового училища Кукарин долгие годы жизни отдал бронетанковому войскам. Все, что было в военной жизни полковника Кукарина Е. В., когда он стал заместителем командира ОМСН «Рысь», теперь принадлежало не только ему, но и новому в его биографии боевому подразделению, с которым Евгений Викторович сроднился заслуженно быстро. История — дело тонкое, великодержавное. Детали истории быстро утрачиваются, растворяются в повседневности. Чтобы сохранить эти подробности в памяти, людям надо почаще встречаться, раз за разом вспоминать пройденное на дорогах войны.

Время, выбранное нами, располагало к разговору в подробностях. Дежурные отделения ОМСН отдыхали, а мы с полковником Кукариным говорили о его участии в штурме Грозного...

Сначала подразделения под командой полковника Кукарина шли через Старую Сунжу, потом их перебросили на восточное направление, перенацелив кукаринскую группировку в направлении площади Минутка.

Магическое, кровавое слово Минутка... Что такое Минутка, хорошо знают, воевавшие в Чечне. Так до первой войны называлось кафе на площади, трагически известной по количеству потерь в живой силе, которые понесли здесь российские войска. Площадь Минутка — народное название, рожденное обстоятельствами войны. В конце марта 1996 года я вылетел из Грозного в центр «черным тюльпаном», сопровождая двух убитых собровцев — земляков. Печальный груз 200 я привез в 124-ю лабораторию, где меня встретил полковник медицинской службы, командированный в Ростов-на-Дону из Военно-Медицинской Академии г. Санкт-Петербурга. Приняв от меня документы, он, сверхутомленный, спросил, где люди погибли? Я ответил: «На Минутке». И полковник с невыносимой болью сказал: «Ну, сколько вы будете с этой Минутки убитых возить?!»

Минутка всегда была важна в стратегическом смысле. Поэтому в первую и во вторую войну за нее сражались с особым ожесточением.

В первую чеченскую кампанию СОБР ГУОП участвовал в штурме Грозного. Начальник СОБРа Крестьянинов Андрей Владимирович, в ту пору командир отделения, в январе 1995 года вместе с офицерами 45-го полка ВДВ, спецназа ГРУ и собровцами сводного отряда отбивал у врага «Кукурузу» — злосчастный семнадцатитажный дом, нависавший над рекой Сунжа, дворцом Дадаева, Совмином, Нефтяным институтом. С «Кукурузы» просматривался весь проспект Ленина, ведущий к Минутке.

Во вторую войну с востока на Грозный наступал Кукарин Е. В., фронтовой опыт которого теперь был составной частью боевого опыта ОМСН «Рысь». В нашем неторопливом разговоре я сразу обратил внимание, что он редко говорит «я», больше «мы», имея в виду

своих боевых друзей, с которыми освобождал город. Он был честен в перечне проблем, отдавал должное не только мужеству своих солдат, но и реально оценивал силу противника. Его обыкновенно фонтанирующее чувство юмора и самоирония затихали при воспоминаниях о сложностях боевых будней. В рассказах о погибших преобладала скрытая горечь. Сидевший передо мной боевой офицер в своей любви к артиллерии, минометам, в искусстве их применения, в суворовском уважении к российскому солдату был для меня легендарным капитаном Тушиным из романа «Война и мир» — только уже полковником, с академическим образованием, познавшим чудовищную криминально-террористическую войну.

Кукарин Евгений Викторович курил сигарету за сигаретой, и я его глазами видел Грозный, профессионально подготовленный чеченцем Масхадовым к обороне.

Во время нашего разговора в расположении отряда милиции специального назначения телефон в рабочем кабинете Евгения Викторовича на мою удачу молчал.

Диктофон позволил сохранить подлинность интонации Кукарина. В своем рассказе о штурме Грозного он был по-солдатски шед в подробностях. На такое способны только бывалые люди, которые даже не догадываются что их участие в войне, то есть в защите жизни, останется в истории.

Седьмого ноября 2006 года полковник Кукарин Евгений Викторович рассказал:

— В Чечню я, тогда начальник оперативного отдела штаба Группировки Внутренних войск, и со мной десять офицеров прибыли в декабре 1999 года. Дорога на войну была короткой: от Моздока до Терского хребта, где, помимо нас, разворачивался армейский командный пункт. Грозный визуально не наблюдался. Погода была паршивая: то туман, то низкие облака. Да он нам зримо, как на картине, и не нужен был. Мы были операторами командного пункта ВВ, и в нашу задачу не входил самостоятельный поиск огневых точек противника. Нормальный оператор, он, когда читает сводку, смотрит на карту, слушает, что ему докладывают по телефону, обязан зримо представлять перед собой всю обстановку, анализировать, выдавать свои предложения — куда перебросить войска, какое направление усилить, где обойти противника. Операторы — это мозг командного пункта, который собирает информацию, обобщает, докладывает, вырабатывает предложения для принятия решения начальника штаба. Потом тот докладывает эти предложения командующему. Операторы ведут обстановку, постоянно осуществляя сбор информации. Я был начальником оперативного отдела: помимо сбора, анализа, подготовки предложений, мы постоянно оформляли карты для доклада начальника штаба командующему.

Стандартные доклады утром, в обед и вечером при осложнении обстановки отменялись. Доклад немедленно: просто стучишься, за-

ходишь. Карты велись круглосуточно: где войска, их положение, кто куда вышел, кто с кем взаимодействует. В этом кропотливом отслеживании была главная сложность нашей работы. Сложность была и в том, что офицеры в оперативный отдел были назначены с разных округов, и по уровню своего образования на первом этапе их вживания в дело не могли работать в полную силу. Порой у человека отсутствовала необходимая система знаний. Были такие ребята, с которыми мы в оперативном отделе проводили занятия. Оставались после дежурств, собирались возле карты, учили их, как правильно доложить информацию, чтобы не распыляться. Учили избегать лишнего. Командующему не надо рассказывать, что водовозка проехала десять километров, доехала до куста, из-за которого вышли боевики. Мы должны докладывать — почему это произошло на этой дороге, когда случилось. В своих докладах мы обязаны были давать выжимки.

Когда мы приступили к работе на хребте, чеченская группировка, еще целехонькая, обладала большими силами и средствами. Мы ее просто обжимали. Наши войска по хребтам двигались к Грозному. Шло планомерное отрезание города от предгорий. Главной задачей было окружить его, прекратить подпитку людьми, продуктами, боеприпасами. Разведчики оценивали количество защищающих Грозный боевиков цифрой свыше пяти тысяч подготовленных, умеющих воевать людей. Арабы и другие наемники держались отдаленно. Даже чеченцам они особо не доверяли. Но в каждом чеченском отряде были эмиссары Хаттаба или группы арабов, выполнявшие контрольные функции. Через них поступали денежные средства. Арабы в чеченских отрядах работали, как идеологи. Внедряли идеологию по созданию всемирного исламского халифата, где предполагалось только две нации: мусульмане и их рабы.

Арабы-эмиссары контролировали своевременность докладов руководству чеченской группировки.

Существовала и система управления: повоевали, вывели боевиков, свежих ввели. Состояние подразделений внимательно отслеживалось

Российские войска обжимали чеченскую группировку, стратегическое положение и состояние духа которой, естественно, менялось в худшую сторону. Чеченцам тяжело было видеть себя окруженными, пусть даже и в городе, когда ты не можешь осуществить маневр силами, осуществить их переброску.

Неделю мы готовили командный пункт. Я уже доложил, что он готов к приему оперативного состава, к работе, как мне поступила команда спуститься «с бугра», найти группировку «Восток», что стояла под Сунжей и возглавить ее. Сказали: «Прибыть, возглавить, организовать»... Ответ один: «Есть».

Шел процесс славивания подразделений. В группировке «Восток» помимо Внутренних войск была большая группа ОМОН, СОБР. Предстояло действовать совместно. На первом этапе, когда входили в пригород Сунжа, предвиделось, что будет какое-то сопротивление, и в то время стояла задача: зачистить территорию без напрасных жертв с обеих сторон. В каждой наступающей группе планировались проводники, представители чеченской администрации для разъяснения местным жителям происходящего.

Зачистка, идем по улице. С нами представитель — чеченец. Он обращается к жителям:

— Предъявите дом к осмотру.

На первом этапе боевых действий в Грозном так и было.

Начальную часть Старой Сунжи, пригорода Грозного, мы практически прошли без выстрелов, пока не подошли к третьему и четвертому микрорайонам. Как только мы вышли на улицу Лермонтова, и до высотных домов осталось метров четыреста, тут

во второй половине дня все и началось...

В составе группировки «Восток» была 33-я бригада ВВ Паши Тишкова, 101-я бригада ВВ Евгения Зубарева — тогда они были полковники — сейчас генералы. Много было подразделений милиции, порядка 800 человек. Передо мной стояла задача: стыковать штурмовые группы Внутренних войск со штурмгруппами органов внутренних дел: собровцами, омонцами, чтобы все работало слаженно. Сложности были разного порядка, в том числе психологического. Люди не знали друг друга, а идут на такую задачу — штурм Грозного. Надо было пройти определенные стадии взаимодействия, тренировок, чтобы лучше узнать друг друга. Таким образом, повышался уровень доверия. СОБР и ОМОН видят, с кем имеют дело, мы, Внутренние войска, тоже понимаем, с кем имеем дело. Определились, какой настрой у личного состава. А настрой на штурм у народа был серьезный. Мы выложили макет населенного пункта, подготовили карты, организовали взаимодействие, отработали сигналы: как, в каких случаях действовать, как поступать при осложнении обстановки, были назначены старшие штурмовых групп от милиции, Внутренних войск, их заместители. Все мы отработали на макете. Выезжали на рекогносцировку поближе к Сунже: кто, как пойдет, где разместить для огневой поддержки минометные батареи. В это время Грозный был уже заблокирован, по узлам обороны противника велся обстрел, подавлялись выявленные огневые точки.

Макет, сослуживший нам великую службу, готовили командиры бригад, офицеры управления, начальники штабов. Как готовился макет населенного пункта, назначенного для штурма? Распилили на чурочки березку. Вот это домик, это улочка... Вся география Ста-

Операторы — это мозг командного пункта, который собирает информацию, обобщает, докладывает, вырабатывает предложения для принятия решения начальника штаба. Потом тот докладывает эти предложения командующему.

рой Сунжи была выложена из подручных средств. Постарались солдаты. Это была наша обычная жизнь. Мы все привели к нормальному бою. Мы пошли в атаку не на «ура». Дескать, шапками закидаем. Были проведены занятия. ОМОН из Питера провел учебные стрельбы из подствольных гранатометов.

Если говорить о возможности командному составу отдохнуть, то я исходил из понятия: не имеющий времени на сон командир — это ЧП.

Во время боя он может рухнуть без сил в любой момент. А к войне надо относиться философски. Конечно, мы спали мало, но... спали. В период подготовки к штурму людям давали отдохнуть, даже бани организовывали. Во всех бригадах создали запасы нательного белья. Во время интенсивного огневого воздействия перед Новым 2000 годом тоже организовали баню, все в группировке вымылись. Война войной, но солдат и офицер должны иметь человеческий облик.

Мы находились не на Великой Отечественной войне, где требовали: «Ни шагу назад!» Никто нам на этот раз не говорил: «Взять Грозный к такому-то числу!» Но давление сверху чувствовалось. Рекомендовали поспешать. Да и понятно почему... Штурм Грозного был единым замыслом войны. Мы, участники его реализации, не могли действовать каждый со своей колокольни, и кто-то на севере, а на востоке оценивать все происходящее самостоятельно. Во-первых, информация доводилась до меня только в части, меня касаю-

шейся. Общий замысел всей операции нам не раскрывался.

...Как только мы вышли на улицу Лермонтова, резко возросло сопротивление боевиков: пошел обстрел минометами, заработали чеченские снайперы, гранатометчики, пулеметчики. Наше положение осложняло то, что в этом микрорайоне улицы были непараллельны. По параллельным улицам возможно скрытное продвижение. Эти улицы в пригороде Грозного мы прошли нормально. Когда вышли на продольные, то сразу понесли потери. Ранило исполняющего обязанности командира 33-й бригады полковника Никольского. Его эвакуировали.

Пришлось занять этот рубеж, рассредоточиться, закрыть всю линию с поля от парников. Стали готовить огневые точки, оседлав все ключевые, выгодные угловые дома. Мы рассредоточились от реки Сунжи до парников. Получилась дуга.

Сто первую бригаду по ровному полю не стали пускать. Она зарылась в землю. В радиоэфире чечены вели себя, как обычно. Прослушивали нас, но это был не 1995 год. В эту кампанию ничего секретного им не обломалось. Какие-то обычные разговоры без кодировки, без скрытого управления они могли послушать, и все. Кодировочку мы меняли периодически.

Против нас стоял какой-то Джамат, 2-й Ингушский полк, группа «Кандагар», подразделения арабов. Сolidные силы.

Чеченцы грамотно выстроили оборону. Создали единые системы траншей. Перекопали улицы на ключевых, просматриваемых точках: площадях, площадках. Все было под перекрестным огнем.

Были сведения, что боевики хотят вырваться из города через Сунжу. Вариант для отхода в горы обычный: и ближе, и местность позволяет — далее на Аргун, Джалку, Гудермес, а потом раствориться в лесах. Данные об отходе поступали серьезные. Несколько попыток прорыва через Сунжу чеченцы сделали. Зондировали, как мы себя чувствуем. Конечно, не было у меня никаких беспилотных самолетов. Разведанные по нашему направлению мы получали от генерал-лейтенанта Булгакова, командующего Особой группировкой района Грозный. Он от министерства обороны непосредственно руководил всеми, кто штурмовал Грозный. За solidное, узнаваемое по радиостанции рычание Булгакова в офицерской среде уважительно называли Ширханом. Голос у него специфический, с замечательной командирской интонацией. Заслушаешься.

Булгакову надо отдать должное. У него огромный опыт. Прошел Афганистан, первую чеченскую войну. Он реально представлял, с чем нам придется столкнуться. Это очень подготовленный командир. С ним приятно было общаться. Он все понимал. Мы приезжали к нему на Ханкалу, говорили:

— Товарищ генерал, у меня вот так обстановка складывается...

— Все, давай, наращивай, — говорил в ответ, — продавливай.

Не было такого: «Штыки примкнуть, и в психическую атаку!» Старался помогать всем, что у него из средств и сил было.

Нам принесли данные, что за третьим, четвертым микрорайонами парковая зона и в ней скопление арабов, которые разбили там свой лагерь. Я доложил генералу, что у меня нет адекватных средств воздействия — не достают до арабов минометным огнем. Через десять-пятнадцать минут пошло воздействие на противника. Булгаков нанес удар «Градами». У него были тяжелые батареи «Мста», реактивные дивизионы. Его реакция на нашу просьбу была мгновенной. На севере Груднов столкнулся с трудностями и по-

просил поддержку. Булгаков помог. Не было такого, как в первую чеченскую войну: дескать, вы с одного ведомства, мы с другого, станьте в очередь, ковыряйтесь сами. Министерство обороны и МВД в 1999–2000 гг. работали вместе, выполняя одну задачу. В этом и есть новая главная особенность второй кампании. Не было разногласий между офицерами армии, МВД и Внутренних войск. Трудились на один результат, от которого зависело выполнение задачи. Кому-то тяжелее приходилось, другим чуть легче. В общем, кому как на роду написано. В Бога я не верю, а крестик ношу. Верно, есть что-то. Как оно называется — не знаю. Но над каждым человеком это неизвестное, властное, судьбоносное есть. И ведет человека по жизни. Руководит твоими действиями.

Когда мы непосредственно встали на Лермонтова, этой огненной улице, первое время спать пришлось по часу-два в сутки, потому что ночные вылазки боевиков стали постоянными. Это были их проверки, как мы себя чувствуем, как закрепились. Их попытки проскочить, просочиться ночью лишили нас, командиров, сна.

Надо отдать должное службе тыла: мы не испытывали недостатка в боеприпасах, специальных средствах. А по боеприпасам к минометам у нас был большой расход. У меня было две батареи 120-мм минометов и одна 82-мм. Они день и ночь работали по выявленным и разведанным целям, по данным, которые давали перебежчики. Сдавшиеся в плен боевики говорили: «Здесь и там они сидят». Мы засекали, наносили на карты и старательно отрабатывали по целям. Так работали минометчики 101-й и 33-й бригад ВВ. Некоторые из них должны были уволиться в запас непосредственно перед штурмом Грозного. Жизнь не остановишь. Но надо отдать должное офицерам, которые провели с пацанами работу, и больше других командиру дивизиона, который потом погиб в селе Комсомольское. Дембеля остались не только на начало штурма. Они воевали до последнего дня, пока мы не вышли из взятого города. Я бывал на батареях. Как не побывать у бойцов тем, кто войной руководит. Геройские ребята: замызганные, грязные — одни зубы белые, но минометы чистые. Позиции подготовленные. Что еще надо?

Двадцати-двадцатилетние мальчишки, а работали очень хорошо. Я не помню ни одного накрытия, удара по своим. Чтобы они стреляли, как попало, лишь бы выстрелить. Все, как в копейку. Просишь минометчиков: «Вот сюда надо», — и настолько четкое попадание. Конечно, это заслуга офицеров. Ведь стреляет офицер, а не миномет.

У чеченцев тоже работали минометы, осколки 82-мм мин падали рядом с нами. Боевики вели обстрелы наших позиций. В первый день штурма нас накрыли с 82-х миллиметровых. Видимо, эти места были пристреляны заранее, просто ждали, когда мы выйдем на рубежи. Мы понимали, что столкнемся с боевиками лоб в лоб. Если в начале Старой Сунжи люди находились в домах, то по мере приближения к городской черте, к первым высоткам, жителей в домах практически не было. Это был первый знак, что здесь что-то произойдет, надо ждать. И когда мы продвинулись в глубину, приблизились к боевикам непосредственно, они получили возможность применить минометы. Своих чеченцев в частном секторе они теперь зацепить не могли. А по нам с полным удовольствием могли отработать.

Чеченские снайперы вели огонь постоянно. Это были снайперы без всякой натяжки. Стреляли очень неплохо. Был случай, когда мы попытались вытащить нашего снайпера, убитого на нейтралке. Боевая машина пехоты вышла из частного сектора, где-то за двести метров до высоток, буквально через пять минут у БМП-2 ни одного целого прибора не осталось: ни одной фары, ни одного подфарника. Даже башню заклинили — пуля попала под погон. Настолько бое-

вики плотный, точный огонь вели, что эта БМП просто пришла в негодность. В тот раз тело своего снайпера мы не забрали. Потом мы все равно его вытащили, парня с 33-й бригады Внутренних войск. Его смерть была разгильдяйством... Два контрактника решили проверить в деле снайперскую винтовку. Поскольку в частном секторе сильно не развернешься, они вдвоем, наивно посчитав, что война как бы спокойная, решили выдвинуться на окраину микрорайона, чтобы пострелять по высоткам. В результате, как только контрактники вышли на ровное место, классически прошло первое поражение — по ногам. Один начинает кричать, второй стал метаться. Он не имел разгрузки, поэтому набил патроны в карманы хэбэ. Ему тоже стреляли в ноги, но попали в карман, где лежали патроны. Пуля срикошетила — это и спасло парня. Слабость экипировки сберегла ему жизнь. И с криком: «Надо друга вытаскивать!» — он вернулся в расположение. Вытащить штатного снайпера не получилось. Огонь был настолько плотный. А лежал он очень близко к противнику.

Мы с улицы Лермонтова так дальше и не продвинулись. Если бы мы разбились на штурмовые группы и пошли продольными улицами в направлении высоток, то стали бы лакомым куском для боевиков. Наши группы по пятнадцать-двадцать человек просто уничтожались бы. Исходя из обстановки, при поступлении данных о планируемом прорыве чеченцев, мы были вынуждены закреститься, создать жесткий рубеж обороны, который потом по приказу генерала Булгакова передали армейцам, обладающим большими силами и средствами. Нас, группировку МВД, отвели на день отдыха.

Нас отвели, и тут произошли трагические события в городе Аргун. Шла передислокация армейцев и подразделений Внутренних войск. Нарастивалась группировка: подтягивались силы из Гудермеса. На Аргун шла колонна. Перевозились тылы. Из засады напали боевики. Под огонь попал «Урал» 33-й бригады ВВ. В эфире была запрошена помощь. Мы сразу выделили туда усиленный взвод: три БМП, пятнадцать человек десанта. На каждую БМП посадили по офицеру. Мы точно не знали, где «Урал», но нам сказали, что он обстрелян и его с людьми надо вытаскивать. Я туда отправил людей. На броне пошел заместитель командира батальона Никита Геннадьевич Кульков. Он получил Героя России посмертно.

Я ему категорически запретил входить в город! Ну на трех БМП — куда? По данным разведки в Аргуне в этот момент находилось 200–300 чеченских боевиков. Ведя атаку, они сковали действия местной чеченской милиции, заблокировали пункты дислокации приданных сил. Хозяинничали в городе, к вокзалу пошли. Когда наши парни из 33-й бригады подошли к мосту на въезде в Аргун, к ним навстречу выехал военный комендант, сказал: «Ребята, надо помогать! Там наши гибнут!» И Кульков принял решение: «Вперед!» Но как он принимал решение? Ему военный комендант, старший по званию и должности, приказал своей властью: «Вперед!» И кто на этих трех БМП вошли в город, практически погибли все. Из пятнадцати военнослужащих вышло только двое. Выскочили на одной БМП. Пришла машина. Пустой конвейер. Пустые пулеметные коробки. Расстреляли все. Механик-водитель рассказал: «Все погибли на въезде из Аргуна. Это в сторону Гудермеса, возле крайних пятиэтажек и элеватора».

ЧАСТЬ II

Через два дня мы получили задачу от Ханкалы: действовать в сторону Минутки. Сначала моя группировка прошла Ханкалу, потом мы ушли в сторону — в район дачи Доки Завгаева. Там занимал оборону штурмовой отряд 504-го армейского полка. Мы выдвинулись к ним, а потом вместе, двумя отрядами пошли в сторону площади Минутка. Чуть попозже армейцев тоже передали мне.

Первое время нашей задачей было, продвигаясь за боевыми порядками армейцев, осваивать и зачищать тыл, чтобы боевики не занимали эту территорию вновь. В принципе, главной нашей задачей было выставлять блокпосты, нарезанные на карте. Потом в связи с изменением обстановки и потерями в армейском штурмовом отряде эта задача изменилась. Мы получили приказ действовать в Грозном, как штурмовой отряд, и пошли планомерно, квартал за кварталом, потихонечку, без лишнего фанатизма вгрызаясь в чеченскую оборону.

Против нас по разведанным оказались те же силы, с кем мы бились на Старой Сунже. Чеченцы активно маневрировали по городу. Где их начинали прижимать, туда они перебрасывали лучших.

Чеченцы грамотно выстроили оборону. Создали единые системы траншей. Перекопали улицы на ключевых, просматриваемых точках: площадях, площадках. Все было под перекрестным огнем. Фундаменты домов с проломанными бойницами стали дотами. Боевики могли перемещаться скрытно. Внешне их не было видно. Малыми силами чеченцы были способны удерживать большие «ключи». В капитальных многоэтажных домах они проломали межкомнатные стены — для активного перемещения. В отдельных квартирах даже потолки пробили, чтобы на веревке покинуть опасное место. Инструкторы у противника были в этом плане грамотные. Иногда спрашивают: «А что тактически нового придумали чеченские боевики при защите своего города, какую новую изюминку?» «А ничего, — отвечаю, — мы им изюминку сделали». Боевики ожидали, что мы, как в 1994–1995 гг. введем технику на улицы Грозного. Под прикрытием личного состава, как написано в учебниках, пойдём стройными рядами. Построим елочкой огонь: правая колонна по левой стороне смотрит, левая по правой, а чеченцы нас будут планомерно расстреливать. Этого не произошло. Мы не стали использовать старую тактику. Мы выбрали другую. Впереди шел личный состав. Артиллерийские наводчики и авианаводчики действовали непосредственно в боевых порядках. Как только откуда-то начиналось сопротивление, группировка немедленно останавливалась, сообщала свое местоположение и противнику наносилось огневое поражение. После подавления сопротивления огнем, мы начинали продвигаться дальше. В этом и состояла планомерность нашего движения.

Когда к нам на переговоры приходил «товарищ» с той стороны: дескать, давайте обсудим то да се, боеприпасы не продадите ли, я отвечал: «Ты видишь, мы в эту войну даже погоны не снимаем. Видишь, у меня звездочки, знаки различия налицо. Видишь? Мы не прячемся от вас». Я ему говорил: «Дорогой, эта война немножко

другая. То, что вы рассчитывали увидеть, вы не увидите. Мы вас будем сметать огнем, а потом потихонечку занимать ваши рубежи». Вот так мы и действовали в направлении Минутки — планомерно и каждый день. Сопротивление было постоянное.

Минутку оборонял Басаев. У него была артиллерия: минометы, в том числе самодельные зенитные орудия. Когда заходила на обработку наша авиация, по самолетам в открытую вели огонь басаевские ДШК. Для городских условий подразделения Басаева были довольно хорошо вооружены: гранатометы, огнеметы, снайперское оружие. К обороне Грозного чеченские боевики подготовились очень хорошо. Но они думали, что тактика второго штурма будет аналогична тактике первого, 1995 года, штурма. Рассчитывали на косность мышления, армейское дуболомство. Ура! Ура! Лишь бы доложить к празднику, к юбилею, выборам, как это было раньше, а мы шапкозакладательский вариант исключили. Основой тактики по освобождению Грозного стало надежно давить огневые точки противника артиллерией, минометами, авиацией, а потом уже идти и штурмовать людей.

Мы действовали планомерно, не ставя себе никаких сверхзадач: «Взять Минутку к 1-му января». Мы шли, как шлось.

Надо отдать должное армейским начальникам, с которыми мы, Внутренние войска, работали... Генералу Булгакову, Казанцеву — это мудрые, вдумчивые люди. Булгаков, волчара военный, вот такой: «Я сказал. Сделай!» «Товарищ генерал, может вот так лучше будет?» — скажу. Задумается: «Да, ты думаешь, так лучше будет?» «Да». «Ну, давай». Зубр. За штурм Грозного отвечал Булгаков. А объединенной группировкой командовал генерал Казанцев.

Стратегически все решал Булгаков. Постановка задач от него была ежедневно. Он постоянно объезжал всех. Сядет в какой-нибудь уазик и мотанет, куда нужно. Раз его чуть БМП не раздавила, он даже травму серьезную получил. Булгаков плотного телосложения, голосина — труба. Как рявкнет, пчелы мед роняют. Как начнет рычать: «Дети мои, вперед!»

На своем направлении мы более удачно использовали имеющиеся силы и средства. И, наверное, имели наибольший успех из всех подразделений, охватывающих Грозный. Чем важна Минутка? При ее взятии, она сразу отрезает северную, восточную часть города — режет их, рассекает, и деваться боевикам некуда. Но большая часть боевиков все-таки отошла из города на другом направлении. Чеченцы обстановкой владели, внимательно слушали эфир, анализировали. У боевиков традиционно были серьезные средства связи, в том числе и со сканерами. Сканер ловит волну, на которой работает противник, потом включаешься и слушаешь.

Мы тоже хорошо знали противника, который, порой, откровенно саморазоблачался. У меня сохранился радиоперехват:

— Если русская «броня» подойдет к дому, вызывай артогонь, не дожидайся связи.

— Там гражданские.

— Все жертвы во имя Джихада. В раю разберемся.

— Русские начинают проческу и могут найти наших раненых.

— Закладка в доме есть? (имеется в виду фугас)

— Да.

— Тогда действуй при обнаружении. (Отдан приказ на уничтожение дома вместе с ранеными боевиками)

Когда мы шли к Минутке, то всегда вверх, на крыши домов поднимали батареи СПГ-9. У нас они, как рапиры, как снайперские винтовки стреляли. За нашими артиллеристами чеченские снайперы особенно охотились. Многие из артиллеристов получили ранения. Расчеты СПГ-9 огонь вели, конечно, губительный. На прямой наводке, исключительно точный.

— Видишь? — говорю командиру расчета. — Надо попасть в балконное окно.

— Не вопрос, — отвечает.

Нижегородский армейский 245-й полк шел с нами на Минутку. Тоже настолько подготовленные ребята! Когда они на Минутке прорвались к высоткам, боевики начали сразу сдаваться.

Наши парни, 674-й полк ВВ, смотрят на армейцев, говорят:

— Красавчики! На едином порыве ворвались. Молодцы!

В эту войну все воевали локоть к локтю. Если что-то у армейцев не получалось — мы помогали, если у нас не шло — армейцы спешили на помощь. Из 504-го полка, приданного нам в боях на Сунже, начальник штаба их батальона прибыл к нам, измученный насмерть чеченским огнем воздействием, постоянной бессонницей. Я ему говорю:

— Садись, рассказывай. В чем дело? Какая обстановка?

— Мы идем вдоль железной дороги, — говорит, — боевики по какому-то продольным канавам ночью подбираются и постоянно обстреливают. Житья не дают. Простреливают все во фланг.

Мы ему дали свою кодировку карты, радиостанцию, накормили его, сказали:

— Езжай в батальон, сегодня ты будешь спать спокойно.

И по его заявкам с наших минометов все огневое воздействие боевиков исключили полностью. И это несмотря на то, что он был в другом штурмовом отряде, у него был свой командир полка, свои артиллерийские и минометные батареи. Но он обратился к нам, потому что знал, как мы результативно работали на Старой Сунже.

Мы ему сказали:

— Езжай с миром. Будет тебе спокойствие.

Выполнили свое слово, но прощались так:

— Скажи своим начальникам, пусть нам подарят машину мин.

К тому времени они были в большом дефиците. Так мы, Внутренние войска и армия, взаимодействовали при штурме Грозного.

Чеченцы под таким мощным огнем напором стали проявлять некую парламентскую активность.

Сначала к нам приехал представитель ФСБ и сказал, что к нам со стороны боевиков выйдет некий субъект, дал приметы. И тот действительно вышел, при нем радиостанция, нож и все. Представился Зелимханом, что он начальник службы безопасности Абдул-Малика.

— Я, — говорит, — прибыл к вам для переговоров.

Его притащили ко мне на командный пункт с завязанными глазами. Развязали ему глаза и начали вести беседу — чего он хочет? Был поставлен вопрос об обмене плененных, но на моем направлении с нашей стороны пленных не было. У нас в тылу был развернут госпиталь Красного Креста. Зелимхан попросил разрешения на вынос своих раненых в этот госпиталь. У них, у боевиков, дескать, заканчиваются медицинские средства. Я ответил:

— Не вопрос. Выносите. Один ваш раненый на носилках, а четверо наших пленных его несут. Вашим раненым окажут медицинскую помощь, а наши парни, плененные вами, останутся у нас. Зелимхан ответил:

— Я подумаю. Передам информацию на решение Абдул-Малика.

Мы тогда жестко закрыли Сунжу. Исключили проход в этот район всех. Им, боевикам, не нравилось, что все так жестко закрыто. Если в начале боевых действий на улице Лермонтова было еще какое-то движение людей, то мы это прекратили. Потому что это же утечка информации, вынос врагу каких-то сведений. Мы не раз вылавливали и сдавали нашим органам чеченских разведчиков. Однажды поймали ветерана первой чеченской войны. Он имел удостоверение о льготах. Документы были зашиты в подкладку. Один

из лучших чеченских разведчиков... Мы держали под контролем эфир. Боевики проговорились: «Дед пойдет утром»... Мы тоже в тетрадочку записываем: «Дед пойдет утром». Понятно, дедушку надо встречать. Вычислили деда. Привели ко мне старого, злобного волка. Глаза от ненависти к нам были у него где-то в районе затылка. Налитый злобой хищник. Может, были у него агентурные способности, но их ему не удалось проявить. Если бы у нас не было информации, что пойдет дед, хромой, с палкой, он, матерый враг, может и прошел бы. Но у 20-го отряда был сканер и мы организовали пост прослушки.

Когда официальная часть переговоров с Зелимханом закончилась, я ему говорю:

— Зелимхан, ты что, не понимаешь, что война переходит в другое русло. Заканчивайте сопротивление. Людей, атакующих толпами, как это было в первую войну, вы больше не увидите. Бронетехнику не увидите. Мы просто будем уничтожать вас артиллерийским, минометным огнем и авиацией. Больше вам людей никто не подставит, чтобы вы настрелялись в свое удовольствие. Война перешла в другое качество. Каков смысл вашего сопротивления? Мы вас просто перемелем. Давай вести другой разговор.

Наш разговор потом шел о том, что боевики будут сдаваться: выходить по одному, с дистанции 50 метров складывать оружие перед постом и проходить в накопитель...

Вопрос о сдаче стоял, но что-то не получилось. Абдул-Малик, полковой командир, был идейным арабом. Поэтому чеченские боевики, не решившись на сдачу, жестоко пострадали, понесли невосполнимые потери.

В завершении разговора Зелимхан попросил продать боеприпасы. От такой наглости я поперхнулся.

— Э, нет, дорогой, — сказал я. — Ты что, не видишь, здесь все люди нормальные. Мы тебе даже использованную укупорку не подарим, чтобы вы в нее по-большому не сходили.

Зелимхан ушел от нас в горе.

Как-то иностранных корреспондентов на моем направлении выявили. Мы их, как положено, обласкали. Аккредитация у них была по Москве, а журналисты оказались в городской черте Грозного. На их лицах было неподдельное удивление — за что задержаны? Но когда я попросил российскую аккредитацию, разрешающую находиться в зоне боевых действий, тут они успокоились. Я их спросил:

— Где вы должны работать?

И сам же с улыбкой за них ответил:

— Город Москва. А вы где находитесь? Вас же здесь нет... Вы тут можете потеряться. Здесь такие места. Да мы вам жизнь спасаем, задерживая.

Мы доложили наверх. Говорят:

— Ждите. Пришлем за журналистами вертолет.

Их человек пять-шесть было. Все мужского пола. Американец, англичанин, испанцы, чех, поляк. Они на «Волгах» довольно нагло въехали в район, подконтрольный нам. В сопровождении чеченцев передвигались. А у меня бойцы-то Внутренних войск, обучены особой бдительности, докладывают:

— Товарищ полковник, по деревне шарятся непонятные люди с видеокамерами. Вроде как не по-русски говорят.

Я приказываю:

— Всех собрать, и ко мне на беседу.

— Есть.

Приводят. Спрашиваю:

— Кто такие?

— Да мы журналисты.

— Я вижу. Дальше что?

— Нам разрешили. Мы в командировке. Все снимаем.

— А кто разрешил?

— Да мы тут везде проехали, нам слова никто не сказал. Мы все сняли.

— На моем направлении другие порядки, — говорю. А у меня соборы в подчинении. Командую:

— Видеоаппаратуру сдать на проверку. Ребята, проверьте. Есть специалисты?

— Есть, — отвечают соборовцы.

— Фотоаппараты сдать.

И тут началось. Они мне:

— Может, вам шампанского? Хотите? Скоро Новый год.

— Спасибо, не употребляю.

— Может, есть желание домой позвонить? (журналисты имели в виду свою космическую связь)

— Жена на работе, сын на службе. Звонить некому.

Я потом говорю:

— А вот бойцы-то, наверное, позвонят. А ну-ка, боец, иди сюда.

Мама где у тебя?

— В Сибири,

— Маме хочешь позвонить?

— Ну, что? — обращаюсь к журналистам, — пусть мальчик позвонит.

Поставили телефон. И мальчики по одному как пошли из окопов звонить. Но журналисты это почему-то не снимали.

— Вы, наверное, голодные? — спрашиваю корреспондентов.

— Да так, — не знают, что отвечать.

— Сейчас накормим, — а у нас самих есть толком нечего было.

— Обед пока не готов, — говорю. — А русскую экзотическую кашу будем есть?

К обороне Грозного чеченские боевики подготовились очень хорошо. Но они думали, что тактика второго штурма будет аналогична тактике первого, 1995 года, штурма. Рассчитывали на косность мышления, армейское дуболомство.

— Какую кашу?

— Ну, елки зеленые! Сколько лет в России работаете и не знаете.

Ну-ка, откройте им несколько банок солдатской каши с тушенкой, — командую.

Открыли им, разогрели.

— А ложки, боец? — спрашиваю. Отвечает:

— Ложек нет.

— Сухари есть? — интересуюсь.

— Есть.

— Неси.

Спрашиваю иностранцев:

— Все умеют применять сухарь вместо ложки? Вот так, смотрите... Делай, как я, — пришлось научить этой премудрости журналистов.

— Ты что, мало зарабатываешь? — говорю корреспонденту. — Коллеги, снимите его за чашкой солдатской каши. И главный редактор за этот подвиг ему зарплату в два раза увеличит — по прибытии.

Американец-журналист, слушая все это, катался от смеха. Потом Коля Зайцев принес им чая в термосе.

— Чай будете?

— Будем.

Достали наш чайник закопченный, кружки грязные. Боец такой счастливый — домой маме позвонил — тоже закопченный, одни зубы блестят, колдует возле плиты: чай в кружках подал, несет, палец в кипятком обмакивает, улыбается:

— У меня еще лимончик есть, — докладывает. В одной руке лимон, в другой ножичек. Порезал лимон грязными руками, подал.

Говорю:

— Сахара нет, но у нас есть новогодние подарки. Конфеты господам.

Карамельки какие-то принесли. Журналисты окончательно поняли, куда попали. Называется — передний край. Я потом говорю англичанину:

— В Москву вернешься, позвони моей жене, — даю телефон, — скажи, за Моздок на прогулке встретил вашего мужа. Он в штабе работает. С Новым годом семью поздравляет. Понял?

— Понял.

И, молодец такой, позвонил. С войны приезжаю, жена говорит: — Звонил очень вежливый парень, говорит с акцентом, поздравил с Новым годом. Порядочный такой.

Я говорю:

— Он же джентльмен. Англичанин. Как он не выполнит, если слово дал.

Его звонок был как раз перед Новым Годом.

Испанцу-журналисту говорю:

— Ты-то сюда зачем приехал? У вас в Испании своих проблем предостаточно.

К американцу обращаюсь:

— Он, наверное, думает, сейчас какой-то Хулио идет по белоснежному пляжу с белоснежкой, а потом на яхте в том же составе читает его материал о Чечне. А оно ему это надо там, в Испании? Или ты им стрессовыми ситуациями пищеварение улучшаешь?

— А можно, мы снимем, как ваши солдаты стреляют? — просят меня журналисты.

— Да зачем вам эти игрушки?

Пацаны говорят:

— Товарищ полковник, а что? Можно поработать.

Танк вылетает. Журналисты к нему вплотную. Танк как шарашнул. Все корреспонденты на задницу упали.

— Сняли, — говорю. — Достаточно.

Нормально, в общем, людей приняли. И отправили их в тыл для их же блага. По документам, они все в Москве были прописаны. Как они к нам попали?

Они уехали очень довольные. Но на прощание опять пожаловались, что зарплата за эту командировку на войну у них будет маленькая — ничего не удалось снять. Прилетел вертолет и увез корреспондентов от греха подальше.

Однажды была чеченская попытка количеством человек в двадцать подсесть к нам ближе для последующего прорыва в ночное время. Все они скрытно сосредоточились в доме метрах в 200-300 от нашей передовой. Разведчики засекли их, дали возможность сосредоточиться. Потом с двух направлений всю эту группу в доме уничтожили огнеметами «Шмель», чем показали боевикам, что глаза у нас есть, уши тоже на месте. После этого новые попытки прорыва через Сунжу были исключены. Потому нас перебросили. Поступили твердые данные, что боевики через Сунжу не пойдут. Это была основная причина нашего отвода.

Ночами мы жестко гоняли чеченцев. Некоторые военные обозре-

ватели, знающие бой со стороны, пишут в своих обзорах: «Российские штурмовые группы грешили однообразием мышления». Не знаю. Мы размышляли творчески. Позывные у нас, конечно, были от-кутор: Плэйбой, НикитА, в 33-й бригаде Прицел. Чечены переговаривались в эфире: «Что за отморозки против нас, урки что ли?»

Я с минометчиками посидел, подумал:

— Давайте разнообразим огонь. Я вам скажу: «Трубы врозь». Значит, каждый миномет стреляет в свою зону.

Мы взяли часть штурмуемой нами территории и поделили олимпийскими кольцами радиусов поражений отдельно падающих мин. Получалась довольно солидная площадь. Залп, и каждый миномет бьет в свою точку. Команда идет открытым текстом. Ее можно и пропустить. Какие-то «трубы врозь», а потом залп. И все у боевиков накрывалось. Они тоже нас внимательно слушали. Когда ночью говоришь: «Свет!», миномет стреляет, вешает «люстру». Потом команда: «Залп!» Идет накрытие. Если люстру увидел — чеченцы смекали — надо уходить в укрытие. Мы эти команды чередовали: «Свет! Залп!» Потом немножко покурим: «Залп! Свет!» А что нам оставалось? И это не только наши идеи. Наверное, кто-то невидимый под-сказывал...

Однажды ночью они нас жестко атаковали. Обстрел начался серьезный. Мы даже понесли потери. Разведку накрыло прямо в здании — через крышу — они отдыхали там. Прилетела мина, потом гранатомет по разведчикам отработал. Пришлось разозлиться. И полночи мы чеченцам давали шороху: «Залп! Свет! Трубы врозь! Свет! Залп!» А у них праздник был, когда они могут принимать пищу только до подъема солнца. Понятно, что на огневых позициях боевиков находятся дежурные силы. Остальные как бы на отдыхе — в подвалах. Мы продумываем: во сколько встает солнце? Во столько-то. Хорошо. Во сколько боевикам нужно встать, чтобы успеть покушать и выдвинуться на позиции? Рассчитываем период и накрываем всю площадь беспорядочным минометным огнем. Вот так мы включались в их рабочий день. Мы делали все, чтобы максимально поразить врага, а не так, как по старинке: «По рубежам! Огонь!» Всю эту тупость мы оставили в прошлом. Чеченские потери мы оценивали так: выходили беженцы, мы им задавали вопросы:

— Как обстановка там?

Они говорили:

— После новогодней ночи в этом доме весь подвал забит ранеными.

Через некоторое время другие выходят. Спрашиваем:

— Как там наши друзья себя чувствуют?

— Очень много раненых. Кричат!

У боевиков уже кончались обезболивающие. Конечно, они несли потери. И мы этому старательно способствовали.

Кладбище там было. Боевики по ночам пытались хоронить своих. Разведка докладывает: «На кладбище шевеление».

— Что за шевеление?

— Очевидно, готовятся. Будут зарывать погибших.

Мы накрывали этот квадрат минометной батареей. А что было делать? Война. Цель сосредоточенная. Простые люди на кладбище по ночам не ходят.

Мы не давали чеченским боевикам покоя ни днем, ни ночью. Поэтому на нашем направлении где-то после Нового года их сопротивление ослабло.

Девочки-снайперы нам, конечно, обещали в эфире:

— Мы вам, мальчики, все яйца поотстреливаем.

И до последнего дня, пока мы оттуда не ушли, снайперский огонь со стороны чеченцев был изумительно точный.

Нас пришла менять армейская мотострелковая рота. Мои сидят в дотах, подготовленных гнездах, налицо снайперские, пулеметные позиции — есть, где скрытно перемещаться. А вновь прибывшие мотострелки встали в полный рост:

— Да что вы, пацаны, здесь все ништяк. Что вы прячетесь?

Когда за полчаса у них срубили трех-четыре бойцов, смотрим — мотострелки уже пригнулись, на наши позиции уже стали обращать внимание. Мы им снова говорим:

— Ребята, здесь другой вариант не проходит. Выщелкают всех.

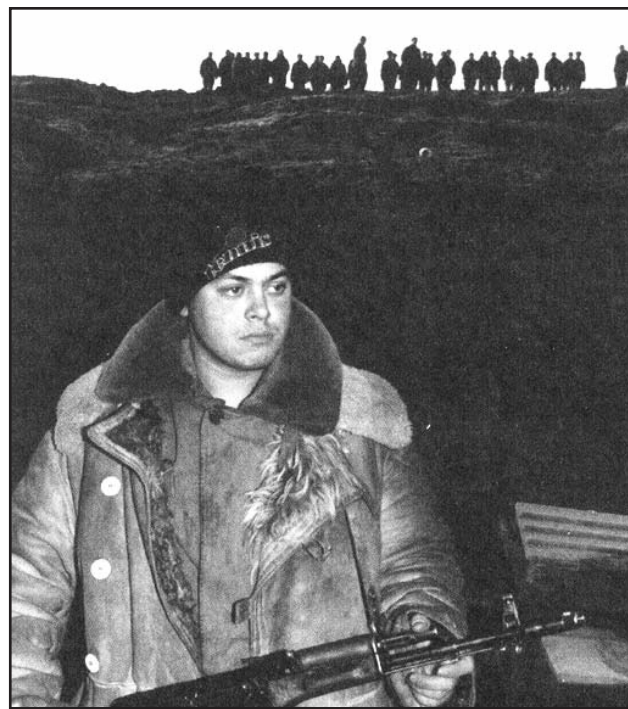
Что касается так называемой психологической войны в эфире, ну настолько ичкерийская гавкотня надоела. Он мог сидеть не перед нами, а где-нибудь в Ведено и таять на всю Чечню. Что нам обращать на него внимание?

Иногда мы отвечали в эфире:

— Уважаемый, выходи бороться! Мы тебя, брат, сейчас приголубим. Хватит впустую вякать.

На угрозы мы никакого внимания не обращали. В дискуссии, рядовую ругань не втягивались. Старались дисциплинированно себя вести.

Продвигаясь к площади Минутка, мы применяли тактику, опробованную на Старой Сунже. Наши основные силы были: штурмовой отряд 504-го армейского полка, отряд 245-го армейского полка, отряд 674-го Моздокского полка ВВ и 33-я Питерская бригада ВВ.

СОБРы, питерский ОМОН были со мной до последней секунды. Зайцев Николай Андреевич был моим замом по милиции. Теперь он тотальный пенсионер. Хороший мужчина.

Мы зашли на Минутку крыльями. Первый полк был у нас в оперативном подчинении. Он на левом фланге отрезал противника от крестообразной больницы — это наше левое крыло. Силами 33-й бригады, 674-м, 504-м и 245-м полками мы взяли Минутку как бы в подкову. Вошли, охватили с флангов и замкнули свои крылья на Минутке. Жестко встали, заняли оборону. Особенностью наших действий было: начинали огневой бой утром, заканчивали в обед.

Каждая группировка — с севера, с запада — в свое определенное время начинала давить. Чтобы боевики не могли понять, где главное направление удара. Булгаков, например, говорил мне:

— В семь часов ты вперед.

Я отвечаю:

— Товарищ генерал, в семь часов я ничего не вижу. Во-первых, у нас плановый утренний огневой налет по всем точкам, — а сколько ни попросишь, Булгаков давал огня. — Пока оседает среди домов кирпичная пыль, сойдет туман. Давайте, — говорю командующему, — будем начинать, когда развиднеется. Я вижу, кто по мне стреляет — я его даю. А в тумане носом к носу столкнулся... Хлоп. Хлоп. Все. Опять разбежались. Никто никого не видел.

Поэтому у нас, как у немцев было. Утренний кофе! Немцы, кстати, в тактическом смысле были очень молодцы.

Утренний чай. Смотрим... Туман сел, пыль осела. Мы даем команду:

— Вперед!

Мы видим свои подразделения. Я с ними все время находился, в зоне прямой видимости. Главное, когда солдат знает, что ты, командир, идешь непосредственно за ним. Он спокоен, когда командный пункт, а это несколько офицеров, которые тащат все на себе, идет за наступающими бойцами. Солдаты всегда знали, что мы рядом. Мы их не бросали. Воевали не так, как написано в уставе: «НП — километр от переднего края, КМП — 2-3 километра». Мы были с солдатами. В условиях города это надежнее, никто тогда не отрежет командный пункт, где только офицеры с картами и связисты. Так мы двигались на Минутку.

Утром наносился удар всей группировкой по выявленным целям. Это был сигнал к началу действия. Но мы, как правило, не начинали, пока результаты артиллерийского удара не создадут нам условия для дальнейшего продвижения. Как только все оседало, появлялась видимость, мы начинали идти. Где встречали сопротивление, то сразу давили его минометами, артиллерией, бомбежами — авиацией, Булгаков не скупился на боевые средства. Была создана группа офицеров по применению артиллерии, которая работала изумительно. К артиллеристам мы испытывали максимальное уважение. Только благодаря им у нас были минимальные потери и максимальное продвижение.

Настолько точно вели огонь! И никто не гавкался: «Ты что? А ты что?!» Меня удивляло, насколько слаженно работали! Артиллерийскими наводчиками были офицеры от старшего лейтенанта до старших офицеров — командиров батарей. Офицеры — умницы были!

Если мы заходили в какой-то многоэтажный дом, я выделял себе комнату для командного пункта. Лежала моя единая карта, рядом командиры полков, у всех листочки с кодами. Мы даже улицы на нашем направлении переименовали, чем ввели в большое заблуждение боевиков. Мы все разговаривали на одном языке — в едином реальном масштабе времени. Обстановка собиралась сюда же: вся и немедленно. В соседней комнате работала группа артиллеристов — вот они рядом. Происходило буквально следующее:

— Леша, срочно — цель!

— Вопросов нет: сюда, так, сюда. Удар!

Единственное, чем был недоволен генерал Булгаков... Говорил мне:

— Так. Я свой командный пункт к тебе подтягиваю. — Отвечаю:

— Я тогда в соседний дом перейду. — Он:

— Ты что, со мной работать не хочешь?

— Нет, мне просто неудобно будет вам мешать.

Командный пункт генерала Булгакова тоже все время перемещался. Мы у него очень много почерпнули. Огромного опыта человека.

Самое первое достоинство в нем — целесообразное принятие решений. Булгаков никогда не махал шашкой. Он выслушивал всех и принималось наиболее целесообразное решение, при воплощении которого он применял все силы и средства. Не метался: «Ах, я шас сюда! Ах, шас я туда! А вот туда нет». Булгаков действовал продуманно, планоно, жестко. Требовал тоже жестко. Мог и нехорошее слово сказать, но если видел результат, то прощал. Во-вторых, всегда реагировал на неоправданные потери, на невыполнение какой-либо задачи: «В чем причина?! Докладывайте!» Он не выносил обмана — это когда некоторые командиры в угоду обстоятельства начинали выдавать желаемое за действительность. Или, наоборот, никаких мер не принимали, чтобы задачу выполнить, какой-то бред несли в эфире, типа: «Перегруппировываюсь, накапливаюсь». А Булгаков: «Ты мне уже двое суток перегруппируешься и накапливаешься».

О СОБРах в ходе штурма у меня остались самые лучшие впечатления: никаких вопросов к ним, никаких тренировок. Командиры были хорошие. ОМОНЫ проявили себя с самой лучшей стороны, крас-

интересные...

Когда на Минутку шли, заняли мы школьный комплекс. Разместили на крыше батарею. Как обычно, стреляем. Офицеры работают. Мебель какую-то нашли, чтобы карту в моей комнате разложить. Стульчики поставили, дверь сняли — вот и стол появился. Создали минимальные удобства для работы. Начали, шлепаем. Заходит паренек — офицер, капитан — и, особо не оглядевшись, говорит:

— Так. Ну-ка, закончили тут все на хрен. Я тут со своей разведротой, блин, порядок наведу. Кто будет дергаться, всех к ногтю...

— Ты кто, дорогой? — спрашиваю.

— Я командир разведроты.

— Очень приятно. Ты что так себя ведешь?

А капитан этот в дымину пьяненький.

Я опять:

— Ну, ты будь поскромней. Ты, извини, мы уж тут начали без тебя.

А в 674-м полку был командир роты с погонялом «Кирпич». Я ему говорю:

— Кирпич, ну-ка, поговори с джентльменом из разведки.

Сергея этого разведчика отвел в сторону, прояснил ему ситуацию. Надо сказать, парень сразу въехал, принес свои извинения и больше мы его не видели.

Но вот почему-то остался в памяти этот пьяный парень: «Ну, так, закончили. Я тут сам войнушку организую». В общем, мы на командном пункте попали под раздачу: войска идут, а нам нужно сворачиваться.

Еще один раз сидим. Все нормально, стреляем, войска идут. Настроение бодрое. Вдруг стрельба бешеная в тылу — что такое? Стая боевиков, что ли, прорвалась? Или вылезли из колодца? Притаскивают экипаж БМП. Контрактники. Снова не наши и в хлам пьяные. Я дал команду их разоружить. А те у меня на командном пункте стали права качать: «Ну что, с кем тут разобраться?»

Я говорю:

— О, ребята. Ну-ка, разведчики, объясните им ситуацию — куда они попали и каковы здесь правила хорошего тона.

Разведчики физическое воздействие к ним не применили, а уложили их на пол, руки за спину. Я вышел по рации на командира этих контрактников, говорю:

— Тут БМП твоя заблудилась.

Этот экипаж спьяну стрелял по домам — куда попало. Может, куры какие по дворам ходили. В общем, устроили войну. Так обычно бывает с теми, кто стоит в тылу. У них, как правило, боевые действия возникают спонтанно, корототечно и ведутся с высокой плотностью огня.

Приехали офицеры, забрали своих контрактников. Ну, может, за счет и этого тоже с армейскими офицерами нормальные отношения выстраивались. Ведь не было никаких докладов наверх: «Говарещ генерал, пьяный экипаж номер такой-то, контрактники Вася, Петя...» — и дальше по существу вопроса.

Нашу тамошнюю жизнь, если воспринимать без юмора, умрешь от заворота мозгов. На третью-вторую неделю скончаешься.

К жизни надо относиться философически. Когда меня спрашивают, давно ли я вывел такую формулу личной жизни, я переспрашиваю:

— Выгляжу нормально?

— Нормально, — отвечают.

— Значит, давно.

Война — это война. А жизнь — это жизнь. На чеченской войне я злой бывал. Даже очень. На бестолковость. На отношение к

людям, как к мясу. Конечно, в начале второй кампании случались попытки командовать: «Вперед, и все!» Бывало, давили на меня: «Вперед, туда, выполнить задачу!» Вопросов нет. Выполним. И задавал мучительные кое для кого вопросы: «А кто меня поддерживает? Кто прикрывает? Кто у меня сосед справа, кто слева? При следующем развороте событий, куда я должен отходить? И самое последнее говоришь: «Я вас попрошу: дайте мне, пожалуйста, достоверные сведения о противнике». Молчание... Сведений никаких нет.

— Давай, дуй! Наступай на север, — говорят мне, — у тебя все нормально будет. Надо переправиться.

Ну, переправлюсь. А дальше что? Кто меня там ждет? Сведений никаких нет. Что там будет? Как оно повернется?

А это все исполнять солдатику. Живому человеку. Солдатик пошел... Хорошо, если в таком бою вместе с солдатом погибнешь, а если нет? Как дальше жить, если знать, что кто-то погиб по твоей вине? Тяжелая ноша. Командирская. Ответственность офицера в мою молодость воспитывала сама система его подготовки. Начиная с училища, она была глубокой, продуманной. Во-первых, воспитывали чувство ответственности за свои деяния. Во-вторых, мы учились побеждать врага.

Солдат хорош, когда обучен. А СОБРы, ОМОНЫ, с которыми мы шли на Минутку, прошли первый штурм Грозного и теперь участвовали во втором. С биографией офицеры! Проверяли меня, спрашивали перед штурмом:

— А если вот так будет?

— Будет вот так.

— А если такой разворот событий?

— Будет вот так.

Когда шли на Минутку, на пути встретился какой-то хитрый школьный комплекс. омоны решили залезть на него. И попали... Я минометчикам отдал приказ: «Прикройте!» Те отработали по боевикам окончательно. Мы никогда не бросали своих. До сих пор дружим. Перезваниваемся.

СОБРы, ОМОНЫ пришли на войну без бронетехники. И мы находили выходы. Грызли и грызли чеченскую оборону. И ничего. Дошли. Как говорят французы: «Каждый должен внести свой лепет в общее дело». Ну, мы внесли.

По ходатайству генерала Булгакова я был представлен к званию Героя России. Вручали в Кремле. Когда вручали, подошел ко мне однокурсник моего сына по Рязанскому училищу ВДВ — тоже Героя получал. Подходит:

— Дядя Женя, здравствуйте!

А я им не раз в училище сумки продуктовые таскал — надо было подкармливать подрастающую российскую десантуру.

— Как служится? — спрашиваю.

— Нормально.

— Возмужал...

Вот такие в России ребята. А на фушет после вручения Звезды я не попал. Надо было идти со всеми наградами. Ну, что я поеду через всю Москву наряженный, как елка? Греметь там в метро!

Начинал я в танковых войсках министерства обороны. В 1996 году уволился из армии за профнепригодностью и перешел во Внутренние войска. Не думал, что смогу в штабе функционировать. Но мне всегда нравилось работать с людьми.

Ну, а в истории с российским флагом, поднятым на Минутке, было так. У офицера пресс-службы УВД Алтайского края Веры Кулаковой на Минутке в первую войну, в августе 1996 года, погиб муж. Когда Вера узнала, что нас перебрасывают на Минутку, она, в ту

пору командированная в Чечню, приехала, рассказала, как было дело. Офицеры, воевавшие с ее мужем, сохранили российский флаг, снятый ими со здания Временного управления МВД РФ в Чечне (ГУОШ), когда покидали его в августе, и передали Кулаковой Вере. Она попросила меня:

— Когда на Минутку выйдете, сообщите мне по рации, я приеду. Она — человек активный. Как представитель пресс-службы МВД все время металась по войскам. У нее государственные награды, в войне соображает. Я ей сообщил:

— Мы вышли на Минутку. Можешь подъехать. Увидеть, где муж воевал и погиб.

Она приехала и говорит:

— Вот у меня флаг. Я дала слово — поднять его на Минутке. Будет правильно, если флаг поднимете вы, Евгений Викторович.

Вот я его и поднял. Не ожидал, что видеоматериал пройдет по центральному телевидению и его увидит моя жена, которой я в начале штурма Грозного позвонил и сказал, а потом еще пару раз подтверждал, что сижу в Моздоке и карты рисую.

Часть III

С большим трудом, чтобы сохранить в своей памяти навсегда, я нашел видеопленку, на которой полковник Кукарин поднимает над Минуткой российский флаг... Заснеженный, разбитый вдребезги укрепрайон чеченских боевиков. Множество их в камуфлированной экипировке лежат в развалинах, достигнутые метким артиллерийским огнем. Двое российских военных пробираются через грозненские каменоломни на крышу высотного дома, у Кукарина в левой руке автомат, в правой российский флаг. Боец силится пролезть в узкий, с острыми краями лаз и пулей взлетает вверх, посаженный могучими руками полковника. На Минутке он поднял два флага. Поднятие первого, сохраненного Верой Кулаковой в память о погибшем здесь, на Минутке, муже, в эфире не показали. Вся Россия увидела, как полковник Кукарин Е.В., закрепив на заснеженной крыше высотки государственный флаг, оборачивается и говорит:

— А этот флаг поднят в честь победного штурма Грозного, — и, обращаясь к чеченским боевикам, продолжает: — И никакой Хаттаб вам не поможет его снять. Надо будет, мы повесим его в третий раз на другом флагштоке.

Потом боевой полковник с мудрыми, невеселыми глазами сказал:

— За погибших в этой и той войне, — и, салютуя, выпустил из своего автомата в чистое, свободное небо Грозного длинную очередь. <ИВ>

ноярыцы, питерцы.

Остались в памяти норильские собровцы. Снайперская пара выдвигается на работу. Я говорю:

— Так, поаккуратнее.

— Есть.

Ушли. Залегли. Ночью: бух, бух. Два выстрела. Приходят — две насечки на прикладах сделаны. Говорят:

— Винтовочка СВД старовата, но хорошо работает.

Хорошие, серьезные воины. Без всякой дури, гиков ветеранских. Пальцы веером никто не гнул. А их никто и не ставит, если в боевом коллективе складываются нормальные, рабочие отношения. Когда они понимают, что ты на войне ими правильно руководишь, тогда тебе верят. Не придумываешь там что-то невообразимое, типа: «Встаем — я первый. Вы за мной. И кричим «ура». И в беспощадной атаке сносим всех, занимая высоту. А потом? Высота-то нам нужна? А х... его знает! Нужно только доложить об исполнении».

Надо всегда трезво оценивать ситуацию. А потом у нас практически был сухой закон... Требование мое такое. Не было случаев, чтобы кто-то в моем поле зрения оказался в нетрезвом виде. Война должна идти на трезвую голову. Тогда никаких глюков не появится. Порывов на ежесекундный подвиг, на авантюры разные тоже не будет. Не было у нас стремления доложить, что что-то взято любой ценой. Нормальная, спокойная работа. Но были, конечно, случаи

Рустем
БАЗЯНОВ

http://artofwar.ru/b/bizjanow_r_r/

ЧЕЧЕНСКОЕ ТАНГО ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

«Поручить Правительству РФ в соответствии с пунктами “д” и “е” статьи 114 Конституции РФ использовать все имеющиеся у государства средства....»

Из указа Президента РФ Б. Ельцина
от 9 декабря 1994 г.

Третий день дороги сплошные марши: перегоны, перегрузки, перекуры, перекусы, недосыпы и снова дорога. Сегодня очередной перевалочный пункт, мы, гремя сапогами по трапу, выбегаем из самолета и выгружаем ящики. На траве у взлетной полосы уже скопился огромный штабель.

Три дня назад меня, как и весь наш взвод, подняли по тревоге и перебросили в соседнюю дивизию. Сказали на крупные учения. Как выяснилось впоследствии, не очень-то учения, но очень крупные.

Прогнали через мобилизационный пункт, сформировали сводный мотострелковый батальон из солдат, согнанных со всей дивизии, и вперед: «Марш, ребятишки, марш», — напутствовал нас старенький прапор, выдававший новенькую форму.

И вот я, Марат Забиров, дед, разжалованный сержант, спокойно ожидавший дембеля в своем полку, выброшен на какой-то аэродром. Сажу на ящике, курю в кулак «Астру». Бойцы моего батальона, такие

же залетки, как и я, работают без особого восторга. Мы еще даже не успели толком познакомиться друг с другом — в дороге нас постоянно перетасовывали. Оно и понятно: больше половины моих новых сослуживцев — бывшие банщики, повара, химбатовцы и еще хрен знает кто. А посему начальство и пыталось в дороге определить, кого в гранатометчики, кого в пулеметчики, а кому «снайперку» вручить. Но толка в этих перетасовках не было, какая разница, на какую должность вписывать солдата, если он и оружия в руках не держал.

— Женька! Хорош зависать! — это нашего взводного лейтенанта Маслова зовет лейтенант Бобров, знать, куда-то пойдем. Я затоптал окурок, и, подтянув ремень гранатомета, встал в строй.

— Строй людей и веди во-о-он туда, — показал Бобров на горящие огни в стороне от взлетки, — там увидишь, часть какая-то стоит, начальник гарнизона приказал всех разместить там, утром, говорит, разберемся.

Лейтенанты распределили между нами ношу: часть солдат понесла ящики, остальные — их вещи. Раздалась команда: «Направо!» Батальон двинулся на ночлег.

Совсем стемнело, снег растаял, на плитах аэродрома остались лужи, все вокруг превратилось в осеннюю слякоть.

— Эх, занесло же, — думал я, шагая в толпе таких же уставших и злых солдат. — И куда идем? Прем все на себе, как ослы, хорошо хоть ящики не пришлось тащить.

Я закрыл глаза, все равно из толпы никуда не денешься, а так кажется легче переставлять ноги.

Мне всегда казалось, что человек, умеющий танцевать, выделяется из толпы. Умение красиво двигаться по паркету или выделяться под музыку я считал даром, который дается не каждому. Помню, в первый раз я испытал настоящее откровение, увидев танец в клубе нашего городка.

Мальчик вальсировал в паре с девочкой, это было на каком-то пионерском концерте. С тех пор запало мне что-то в душу, захотелось тоже так же вот...

Ноша действительно была тяжела и непривычна. Жарко в зимних бушлатах, ватных брюках и бронежилетах. Вещмешок, спальный мешок, оружие, противогаз, запасные сапоги, валенки, чулки от ОЗК, каска — в общем, военное барахло — нести все это одновременно тяжело и неудобно. Из-за этого строй вскоре нарушился, солдаты стали отставать друг от друга. Некоторые от усталости валились прямо на бетонку, немного отдохнув, снова вставали и шли.

Я тоже шел с привалами, жарко, все тело пропотело, как в бане, и все зудит, но почесаться нет никакой возможности — на мне броник и бушлат. Ремень гранатомета, перекинутый через плечо, натирал шею с одной стороны, с другой душила ляжка противогазной сумки. Спальный мешок тянул назад, приходилось идти, сильно наклонившись вперед. Руки заняты автоматом и вещмешком. Ноги, непривыкшие к такой нагрузке, через некоторое время заболели.

С бетонки перешли на грязную дорогу, глина сразу налипла на сапоги огромными комками и сделала путь бесконечным. Наконец, дошли до расположения какой-то воинской части.

Перед входом в первую казарму стоял Маслов, он выкрикивал фамилию из списка и впускал солдат по одному.

Я подошел к строю, стоявшему перед казармой.

— Пацаны, Забиров не вызывали?

— Да нет, вроде, ты с какого взвода?

— Из гранатометного.

— Гранатометчики уже все зашли.

— А это какая рота?

— Первая.

— А где вторая?

— Вон они стоят, — показал на вторую казарму один из бойцов.

У второй казармы стоял уже один Бобров и что-то отмечал в своей тетради, светя себе карманным фонариком.

— Товарищ лейтенант!

— Фамилия? — прервал Бобров.

— Забиров.

— Бегом в казарму, придурок! — заорал лейтенант. — Понабрали уродов, — услышал я вслед.

— Сука, — я вошел в казарму, дверь на первый этаж закрыта, пришлось тащиться по грязной лестнице на второй.

Прямо перед дверью в расположение стоит обшарпанная тумбочка со старым магнитофоном, из которого звучат афганские песни. Рядом с тумбочкой, кивая головой в такт музыке, сидит парень в камуфляже, на коленях автомат с примкнутым рожком и штык-ножом. Он отрешенно смотрел в какую-то точку перед собой и курил «Беломор».

Я прошел мимо него в «располаг», где уже устраивалась рота. Прямо на полу раскладывались спальные мешки, вещмешок под голову, броник под ноги. Тут же валяются стволы — оружие, новенькое, пахнущее железом и смазкой.

Я нашел на полу свободное место и стал устраиваться на ночлег. Скинул с себя всю одежду до нательной рубахи, отправился в умывальник.

Санузел был забит людьми, поэтому обстановка напоминала грязный прокуренный вокзальный туалет. Возле урны столпилась кучка курящих, обступивших местного солдата, который с видом бывалого ветерана отвечал на вопросы новоприбывших.

— Слышь, братан, откуда родом?

— Из Красноярска, есть оттуда кто?

Наступила пауза, земляк не сыскался.

— В Грозном был? — спросил кто-то.

— Нет, мы аэродром пасем.

— А на вас нападали?

— Нет, по ночам постреливали только.

— Броник-то от пули спасет?

— Смотря какой, титановый не спасет, а текстолитовый автомат выдержит, а снайперку или пулемет — нет.

— Васильев, че, зашифровался что ли? — заорал на весь туалет вошедший сержант.

— Че орешь, видишь, с пацанами разговариваю, покури маленько, — ответил Васильев.

Сержант подошел к курившим.

— Закуривай, братишка, — из толпы протянули сигарету. Сержант не спеша прикурил, затянулся и продолжил разговор, им прерванный, видимо, он слышал последние слова.

— Вчера у нас спецназовцы ночевали, вот у них смачные «бронники», — заявил сержант.

— А че в них такого?

— Их даже НСВТ не берет.

— Че за НСВТ?

— Пулемет танковый. Вас-то надолго сюда занесло?

— Да нет, переночуем, сказали, да свалим. Правда, в Твери говорили, мол, здесь сперва учения проведем, а потом туда, в Грозный.

— Нужны вы здесь кому, больше одних суток здесь никто не задерживается, ночь переночевали, и вперед.

— Погибших тоже на аэродром везут?

— Сегодня наши три КАМАЗа с трупами в «черный тюльпан» грузили, — ответил сержант и вышел вместе с Васильевым из туалета.

— Да-а, пацаны, залетели! — подытожил кто-то разговор.

— Ладно, хорош порожняки гонять, — решительно сказал крепкий парень со шрамом на лице. Он потушил сигарету и подошел к освободившемуся умывальнику, остальные тоже докурили и разошлись.

Лежа в спальном мешке, укрывшись бушлатом, я попытался заснуть под аккомпанемент афганских песен. Страшно, и родителям ничего не написал, сбежать что ли?

Огромный сверкающий огнями танцевальный зал. На мне ослепительно-белая рубашка, ну и бабочка, само собой, я лихо танцую танго с девушкой. И какая разница, как ее зовут, главное — красивый танец — и ноги сами летят по паркету, и девушка загадочно улыбается и заглядывает мне в глаза так нежно и доверчиво.

ГЛАВА 2

На трехверстке протянулись роты.

И передвигается флажок

И передвигается по кругу

Взвод за взводом...

Э. Батрицкий

— По-о-одем! Через пятнадцать минут всех вижу на улице! — кричал Бобров. — Живее, трупы, — пинками поднимал он еще не проснувшихся. — Строиться перед казармой, уроды, давай-давай, шевели поршнями, — вытолкнул Бобров к выходу очередного, едва успевшего одеться, солдата.

Наконец, наша рота стоит на улице, все молча заправляются и за-

куривают, чтобы согреться. В утреннем свете вид части, в которой мы ночевали, непривычен.

— Шагом марш! — скомандовали где-то впереди, батальон выдвинулся на аэродром.

Дорога, казавшаяся вчера ночью бесконечной, оказалась не такой уж длинной, поэтому до аэродрома дошли гораздо быстрее и организованнее, чем накануне.

На небольшой бетонной площадке по соседству с боевым вертолетом уже разложены ящики. Бобров с Масловым выдавали патроны и гранаты солдатам, выстроившимся в очередь к ним. Получившие свою долю тут же набивали патронами рожки и прищипывали их к автоматам, обладатели пулеметов деловито заряжали ленты, снайперы прищипывали прицелы. Гранатометчики и их помощники, кряхтя и матерясь, прилаживали гранатные сумки с только что полученными выстрелами.

После выдачи боеприпасов всем раздали по плитке шоколада, по пачке сигарет и суточную норму сухпая.

Я прикинул, сколько у меня вещей, и выкинул противогаз, остальное решил пока не трогать. Сел на спальник и от нечего делать стал разглядывать колонны проходивших мимо подразделений — их только что выгрузил очередной воздушный транспортник. Мои товарищи время не теряли: в кювет у края бетонки летели валенки, сапоги, куски мыла, чулки от ОЗК, нательные рубахи, кальсоны, полотенца. Нижнее белье и полотенца перед отправкой были выданы тройными нормами, из-за этого их и выкидывали, оставив одну пару на всякий случай. Бобров и Маслов пытались помешать этому, но за всеми не уследишь.

Вновь прибывшие колонны солдат шли к технике, стоявшей на траве, там, где аэродром заканчивался. Здесь стояли армейские «Уралы» и «камазы», тут же несколько танков и БМП, везде стоял душный запах машинных выхлопов. В машины, деловито, без промедления загружались только что прибывшие роты, их командиры без суеты и крика пофамильно сажали своих бойцов.

Мы равнодушно взирали на эту погрузку. Наши лейтенанты вертелись возле командиров прибывших подразделений. Вскоре они о чем-то договорились и подошли к нам.

— Так, быстро шапки выкинуть, надеть маски, примкнуть рожки, патрон в патронник не досылать, — выдал приказы Бобров.

Маслов тем временем быстро, не сверяясь со списком, отсчитывал солдат по двадцать человек и отводил их к выделенным машинам.

Грузились в машины долго, сначала передавали в кузов вещей и спальники, а потом тяжело и неуклюже забирались сами.

Я залез в одну из машин, в кузове было тесно из-за разбросанных как попало вещей, да и мы сами мешали друг другу, стараясь усесться поудобнее. Потом достал банку перловой каши и открыл ее штык-ножом. Прислушался к разговору соседей.

— Че-то мне все это не нравится, — тяжело вздохнул один из моих попутчиков.

— Че ты сопли распустил? Рожденного утонуть не застрелят, — заметил парень со сломанным носом, фамилии его я не помнил, все называли его «фиксой» из-за золотых коронок, сверкавших у него во рту. — Вот у меня братеньник в Афгане служил, вернулся подраненным, но живым, а через год после дембеля разбился на мотоцикле.

— А зачем нас сюда отправляют, че здесь случилось? — спросил солдат со снайперской винтовкой.

— Чего?

— Наверное, что-нибудь вроде Карабаха или Приднестровья, — попытался я ответить снайперу.

— Наверное, — вздохнул он в ответ. Мне сразу захотелось курить.

Достал сигареты — ко мне потянулись руки, я вытащил губами одну, остальное раздал.

— Дай прикурить, — обратился я к соседу. Он протянул мне руки с зажатой в них зажигалкой. Пламя зажигалки осветило небольшую наколку между указательным и большим пальцем: буква «А» в окружении лучей.

В это время машина заурчала-завелась, вся техника пришла в движение. В голову формирующейся колонны начали строиться танки и БМП, за ними «Уралы» и «камазы» с солдатами, замыкал колонну БРДМ, еще несколько БРДМов устроились между «Уралами». С аэродрома поднялись два вертолета, они с ревом, свистя турбинами, пролетели над машинами вперед, обеспечивать прикрытие с воздуха. За вертолетами потянулся головной танк, за ним тронулась остальная техника, выстреливая в воздух облака выхлопов.

Серое зимнее небо потихоньку стало темнеть. Аэродром опустел, только на том месте, где батальон получал оружие и боеприпасы, остались пустые раскрытые ящики из-под гранат, цинки из-под патронов, сапоги, валенки, шапки и куча кокард, которые светлыми пятнами выделялись на грязном бетоне.

Заморосил дождик. Четыре человека в летных комбезах неторопливо шли к самолету, который недавно привез солдат. Они остановились возле брошенных вещей, один нагнулся и поднял валенки.

— Хорошие валенки, — заметил пилот.

— Здесь много чего можно найти, — заявил штурман, — сегодня

они что-то поторопились, под вечер идут.

— А зачем бойцы кокарды выбрасывают?

— Говорят, по ним снайперы хорошо целятся.

— Пошли, нам тоже скоро лететь

Колонна под урчание дизелей и свист турбин, медленно, как змея, уползала за горизонт.

В кузове «Урала» нас потихоньку сморило.

ГЛАВА 3

Пред вами с смертью на челе

Он постепенно костенеет.

Когда он глух и молчалив

На ваш отчаянный призыв

А. С. Пушкин

Когда меня забирали в армию, у военкомата девушка меня не провожала, как многих моих товарищей. После школы я пошел в железнодорожное ПТУ, там учились одни пацаны, ну и, как говорится, не до баб было. Сугубо мужские развлечения после учебы — разборки на заднем дворе «куска», так мы называли между собой наше училище, карты и водка по ночам в общаге. Тогда о танцах я, конечно,

не вспоминал, чмошником можно было прослыть, а я, естественно, этого не хотел. Служба в армии в нашей среде считалась обязанностью «нормального пца-а-ана». О патриотизме здесь не было речи, наверное, просто это было частью мужского имиджа. Да и в душе каждый из нас завидовал «старшакам» — выпускникам нашего куска, призванным в армию. Когда они приходили в отпуск или на дембель, то обязательно заходили в училище в форме, расшитой аксельбантами и увешанной всевозможными значками. Так что, когда пришла пора служить, я не стал косить.

Уже поздно ночью колонна прибыла в селение Толстой-юрт, где находилась база. Я проснулся от того, что машина остановилась. Спать было слишком холодно, от долгого сидения в одной позе затекли ноги. Крутом темнота, в проеме тента машины — черный квадрат. Остальные тоже зашевелились, тихо, вполголоса спрашивали о причинах остановки. Я снова закрыл глаза и постарался поудобнее угнестись на своем месте, но услышал шаги. Кто-то шел к машине, чавканье сапогов по грязи как-то неестественно нарушало тишину. В машине сразу все замерло, кто-то тихонько снял автомат с предохранителя.

— Эй, в машине, — прозвучал голос Маслова. — Никому из машины не выходить, спите там. Завтра разберемся, что к чему, — приказал лейтенант и пошел к следующей машине.

Поспать так и не удалось из-за зверского холода. От неудобной позы затекли ноги, и болела спина. Ночь длилась, наверное, вечность. Как только рассвело, я постарался встать, чтобы размяться. Но тут же услышал чье-то ворчание.

— Полегче, на ногу наступил, — пробурчал недовольный голос из-под спальных мешков.

— Хорош массу давить, подъем, — стал расталкивать дремавших Фикса. — Вон, с соседних машин пацаны уже вылезли со всем своим барахлом, значит и нам пора, — заявил он и с размаху вышвырнул за борт свой вещмешок прямо в грязь. Вслед за ним полетел спальник, а после него и Фикса выпрыгнул.

За бортом «Урала» уже занялся день. Я выглянул наружу.

Да-а-а, более тоскливого пейзажа не придумаешь. Под серым свинцовым небом меж двух холмов раскинулся полевой лагерь. На склонах холмов в капонирах приткнулись танки и БМП, в долине —

грязные палатки с полевыми кухнями и машинами, и везде, раскатанная до сметанообразного состояния, грязь. Где-то за холмом деловито стучит «шиллка». И что удивительно, этот звук не режет слух — война уже рядом.

Я с трудом вылез из машины и отошел к оврагу метрах в пятнадцати от машины. Начал скидывать с себя бронежилет и бушлат, за ночь приспичило, а в «броннике» и бушлате чувствуешь себя как черепашка под панцирем. Над оврагом поднялся пар: вдоль него выстроился ряд солдат.

Здесь в голове у меня перегорел еще какой-то контакт: выкинул вещи, которые не решался выбросить на аэродроме. В овраг полетели валенки, мыло и прочее вещевое довольствие.

Служба в армии в нашей среде считалась обязанностью «нормального пца-а-ана». О патриотизме здесь не было речи, наверное, просто это было частью мужского имиджа.

Едва мы успели заправиться, как прозвучала команда строиться. Маслов и Бобров что-то хотели сообщить. Минут через пятнадцать все собрались толпой возле стоявших на возвышении Маслова и Боброва.

Маслов стал громко называть фамилии солдат, а Бобров вручал им военные билеты, отобранные еще в родных воинских частях. Как только раздача «военников» была закончена, лейтенанты, щедро раздавая пинки и затрещины, приправляя их отборным армейским матом, создали подобие строя.

Осмотрев строй безразличным невидящим взглядом, Маслов что-то сказал Боброву и ушел куда-то. Бобров достал сигарету, закурил ее, глубоко затянулся, выпустив дым через нос, и заговорил.

— Ребята, игры закончились, — он сделал паузу, — мы едем на войну, настоящую войну, где убивают, режут, жгут. — Бобров докурив сигарету, выбросил ее и железным голосом, четко выговаривая слова, выдал приказ:

— А теперь слушайте боевой приказ. Дослать патрон в патронник и поставить на предохранитель, мы едем в Грозный, а там нужно быть готовым ко всему.

Как только Бобров закончил, раздались звуки шелкающих затворов, и вдруг воздух прорвал выстрел.

Толпа отхлынула к машинам, на поляне остался труп. Меня почему-то это происшествие не удивило и даже не испугало, больше того — я даже не пожалел этого беднягу.

Мы быстро вскарабкались в свои машины. Лицо бедолаги мне почему-то запомнилось надолго — в широко открытых глазах его застыло удивление. Он лежал ничком, только голова была повернута к нам, в сторону машин, под телом растекалась лужа густо-бордовой крови, струившейся из огромной раны на шее.

Подшли два санитар в грязных халатах поверх формы и стали укладывать груз двести на носилки.

Выводы после ЧП все же были сделаны: оружие теперь держали стволами строго вверх. За малейшую оплошность в обращении с ним виновный получал пару затрещин, подкрепленных солдатским матом.

Я еще раз проверил предохранитель своего АКСУ и устроился в кузове машины поближе к кабине, напротив отдушины в тенте.

Решил в случае нападения стрелять через нее, а пока наблюдаю, что там делается снаружи. Остальные тоже устраивались так, чтобы быть готовыми к бою. У второй отдушины сел Фикса, а у заднего борта расположили пулемет, для него сделали из вещмешков и спальников что-то наподобие пулеметного гнезда.

Тем временем технику стали формировать в колонну. Я со своего места увидел, как вперед мимо нас прогрохотал Т-72. Машины одна за другой стали подтягиваться вслед за танком. Наш «Урал» все еще стоял, ожидая момент, когда тронется борт, за которыми мы должны идти.

— Откуда вы, пацаны? — к нам подбежал грязный бородатый «контрабас» в черной шерстяной шапочке.

— С Твери.

— Держите, — кинул боец в машину несколько коробок, — это промедол, если ранят, вколете рядом с раной, мне уже, слава богу, не понадобится.

— Спасибо, братан, — ответил шустрый солдат, сидевший у заднего борта.

— Отомстите гадам, мочите их, пацаны.

— А много ваших положили?

— Шесть человек со всей роты осталось, — кричал уже вслед отъезжающей машине бородач, — дай бог вам вернуться домой!

ГЛАВА 4

Белый снег, серый лед.

На растрескавшейся земле.

Одеялом лоскутным на ней.

Город в дорожной петле.

В. Цой

Машины, урча двигателями и разбрызгивая грязь, тянулись в Грозный, где шли бои за президентский дворец. Обо всем этом мы еще не знали. А пока я из своего окна смотрел на хмурый кавказский пейзаж, проплывающий мимо: остовы сторевавших танков и БТРов, ржавеющие по обочинам дорог. Проехали через селение: дома заколочены, от некоторых осталось только пепелище. Во дворах грязь, мусор, разбросана сельхозтехника.

Вот перед домом на лавке сидит старик с белой бородой в папаче и с посохом. Я уставился на него, все-таки первая местная живая душа. Старик сидел прямо, голова гордо поднята. Каким-то образом

наши взгляды встретились, мне стало не по себе. «Не дай бог попасть к нему в руки», — подумалось.

Вскоре меня утратило, и я задремал.

Служить я всегда мечтал в морской пехоте, откуда это желание появилось, не знаю. Вокруг все мечтали попасть в ВДВ: тельняшки, голубые береты, парашюты и так далее. А меня привлекала черная гвардия или черная смерть, как называли морпехов немцы в Великую Отечественную войну. Видимо, сказались книги, которые мне в детстве читал отец об обороне Севастополя. Правда, судьба не угодовала мне черным беретом, хотя в областном военкомате меня зачислили в команду, отправлявшуюся в Калининградскую область, где, как я знал, базируется Балтийский флот. А значит, имелся шанс попасть в местную часть морской пехоты.

Три дня весь эшелон, загруженный призывниками, ехал в самую западную часть страны, и три дня мы безбожно бухали. В вагоны, в которых не было света и воды, нас загрузили под завязку. Плацкарты были забиты вплоть до третьих полок. В нашем вагоне сопровождающим офицером был лейтенант-морпех, и это грело мою душу.

Как только заехали в купе, тут же перезнакомились. Я залез на третью полку, и все, что я запомнил в дороге — это кружка со спиртным, периодически ее кто-то протягивал ко мне наверх вместе с куском какой-нибудь домашней снеди.

Залпом замахнув пойло и закусив, я подавал вниз кружку и сверху участвовал в разговорах своих попутчиков. Почему-то мы долго не пьянели, орали дембельские песни, рассказывали анекдоты и, естественно, страшные истории о дедовщине, процветавшей в армии. На остановках открывали окно и шутили над девушками, стоявшими на перроне:

— Девушка, вашей матери нужен зять?

— Бабы — в кучу, я вас вздрючу!

— Девушка, а как вас зовут? А меня Вальдемар!

Девчонки, увидев нас, в испуге шарахались в сторону. А проводник в это время бежал за водкой для нас, перед остановкой мы отправляли к нему гонца с деньгами, нас ведь из поезда не выпускали.

В Калининграде на перрон я вышел одуревший и с сорванным горлом, за дорогу наорался и набухался до такой степени, что перенапряг голосовые связки. Так что когда на переключке называли мою фамилию: «Забиров!» — я шипел и хрипел вместо «Я!» что-то похожее на «Х-р-х-р-а-а». Ребята ржали надо мной, как кони. Офицер, проводивший переключку, мой скрежет естественно не слышал, и снова орал:

— За-абиров-ов!

— Здесь, — снова шипел я, тот опять не слышит, ребята уже падают от смеха. Наконец, кто-нибудь за меня кричал «Я-а-а»

— Капля от струя! — орал в ответ взбешенный офицер. — Понабрали уродов, бл...

Наш эшелон был разделен на две части, одна из которых была направлена на флот, а другая в сухопутные войска. Я, конечно, попал в пехоту, но не в морскую, а в обычную. Один из мотострелковых полков получил пополнение в сорок человек, среди которых числился и Марат Забиров, то есть я. Собственно, я не удивился, потому что всегда считал, что мне по жизни не везло.

Когда я открыл глаза, увидел, что наша колонна едет по дороге, обсаженной по краям кипарисами. Четыре «Тунгуски» с обочины короткими очередями бьют в высотки, виднеющиеся вдаль. «Грозный» — прочел я надпись на помятом и пробитом пулями дорожном знаке. Мозг почему-то стал все воспринимать как клип. Страх паутиной обтянул сердце. Картины стали сменять друг друга с невероятной быстротой. Вот горит БТР, возле которого лежат трупы наших солдат. Собаки грызут мертвечину, дома, как в учебниках по черчению, — в поперечном разрезе — видна мебель внутри.

Проехали частный сектор. Горят одноэтажные дома, развалины, огневые точки.

Вокруг послышался скрежет распарывавшегося брезента. Тент машины взрезали штык-ножами — ребята выставили стволы наружу. Грузовики стали похожи на ежей.

Я заметил, что бронетехника куда-то пропала, а количество машин значительно сократилось, видимо, пока спал, колонну перформировали.

Тем временем, колонна въехала в центр, где стояли многоэтажные дома. Здесь откуда-то сверху начал стучать пулемет. Мы начали стрелять на ходу, правда, никто не знал, куда нужно целиться. Понять, откуда ведется огонь, было невозможно. Колонна разделилась, передняя часть, увеличив скорость, пошла вперед, подальше от опасного места. Вторая часть завершила куда-то во двор и, развернувшись, поехала обратно.

Как потом нам рассказали, наша часть колонны вернулась на консервный завод, где находился штаб объединенной группировки Российских войск.

Грузовики остановились во дворе предприятия, где нашим глазам предстали одноэтажные промышленные здания с трубами и разнообразными железными конструкциями. На крыше одного из домов виднелось пулеметное гнездо с пулеметом ДШК. За открытыми воротами, в которые мы въехали, стояли два БРДМа с незаглушенными двигателями, на бортах — эмблемы внутренних войск. На броне одного сидел боец в сером камуфляже со снайперской винтовкой.

Мы ждали, когда придет Бобров, он ушел куда-то полчаса назад. Затянувшееся ожидание действовало всем на нервы. Сигареты уже выкурены, оружие перезаряжено. Мне хотелось стрелять и орать во все горло.

Наконец, появился Бобров, он подошел к машине, с ненавистью посмотрел на нее, на ВВ-шника, сидевшего на БРДМе, и вскочил в машину, дверца громко захлопнулась. Тотчас же грузовики тронулись.

Мы проехали какой-то парк, по всем признакам здесь недавно шел бой и, судя по звукам, доносившимся откуда-то спереди, он продолжался уже там. На черном фоне деревьев, земли, дыма и гари белели пятна развороченной пулями древесины. Мне казалось, что рваные белые раны на изломанных деревьях причиняют им такую боль, что они кричат и извиваются, но кто-то отключил этот звук. Под деревьями лежали убитые солдаты, тоже рваные.

Около пролома паркового забора догорал танк, пролом явно проделал он, но дальше проехать ему уже не удалось: ствол пушки уткнулся в землю, гусеницы скатились с катков.

Грузовики, проехав парк, остановились — дорогу перекрыл стоявший поперек БМП. Справа и слева стояли дома с выбитыми ок-

нами и проломами в стенах, внутри одного пылал огонь.

Как только «Урал» остановился, из кабины выскочил лейтенант Бобров. Офицер заорал: «К бою!» — и побежал к дому, до которого еще не добрался огонь. Мы ринулись вслед за лейтенантом. Расположились у окон здания. Стволы автоматов, нацеленные на пустую улицу, замерли в ожидании противника. Командир, однако, повел себя странно: он приказал всем ждать, после чего в сопровождении команды из десяти человек, в число которых попал и я, куда-то побежал.

Бежать было трудно: мы двигались цепочкой друг за другом, петляя между домами и техникой, разбросанной между ними.

Казалось, что я попал на съемочную площадку фильма о Великой Отечественной войне. Город, превращенный в руины, расстрелянный танками и пушками, разбомбленный бомбами, ракетами и установками «Град», напоминал Сталинград во время немецкого наступления. Мы двигались, как шаманы в каком-то ритуальном танце — впереди меня маячила спина Фиксы, я устоял на спинной карман его бронежилета, а мои ноги старались не отстать от него и послушно повторяли повороты за ним. Время от времени глазам представляли батальные сцены: вот экипаж самоходки лает гусеницу своей машины, вот лежит солдат, вот разбитое окно, в осколках которого играет пламя.

Когда наш маленький отряд отправился на разведку, день уже близился к концу. Начинало темнеть. Отчаявшийся Бобров пытался найти какое-нибудь начальство, кто бы принял его с подразделением. Пока все, к кому он обращался, ничего вразумительного сказать не смогли. Он знал, что где-то в этом районе находятся штурмовые отряды, осаждающие президентский дворец.

Наконец, он вывел нас к огневой точке, находившейся у полуразрушенного кирпичного забора. Два солдата деловито и спокойно стреляли один из автомата, другой из пулемета. Возле каждого из них сидело на коленях еще по одному человеку — перезаряжали отстрелянные магазины и пулеметные ленты. За их спинами на оружейном ящике сидел рослый боец без каски в черной вязаной шапочке. Он деловито забрасывал в ствол небольшого миномета снаряды. Труба с громкими хлопками отправляла их невидимому отсюда противнику. Вокруг минометчика валялись ящики, некоторые уже опустошенные, а некоторые еще запломбированные. Из ящиков солдат в танковом шлемофоне, без бронека, в одном драном замасленном комбезе доставал боеприпасы и подавал их минометчику.

Бобров подбежал к минометчику и стал у него что-то спрашивать, а мы повалились на землю, истекая потом. Но передышка была недолгой. Минометчик что-то объяснил лейтенанту, и мы снова побежали.

Лейтенант остановился, лишь когда привел нас во двор П-об-

разного дома, перед которым был все тот же кирпичный забор.

Я присел на трубу отопления — ее проложили как раз вдоль забора. Прямо напротив меня, на ступенях парадного крыльца с колоннадой, сидело человек двадцать пехоты, окружив небольшой костерок, разложенный прямо на ступенях. Один из них пел, брэнча на гитаре.

Уже стемнело, и я не различал лиц сидевших на крыльце, слабый костерок не давал такой возможности.

По обрывкам разговоров, донесшихся до меня, я понял, что эти пацаны уже poznali все прелести войны:

— Ну че, завтра в прикритии или опять на штурм?

— Х.. знает, спроси у Косого, он ж...й чует, гы-гы-гы. Слышь, Косой, че молчишь?

— Да пошел ты, х...ево мне, в броник два раза попали.

Я почувствовал, что все мое тело истомилось по отдыху, ноги болели, к тому же все чесалось от пота. Я поудобнее уселся на трубах — блаженная дремота подступила на кошачьих лапах. Сквозь дремоту послышалось, как к крыльцу кто-то подошел и приказал сидевшим вокруг костра следовать за ним. Прогрелась очередь, я встрепенулся — это офицер пальнул из пулемета вверх, чтобы взбудить своих бойцов. Они быстро собрались и ушли.

После их ухода я как-то остро почувствовал себя одиноким, хотя рядом были мои спутники.

Бобров, исчезнувший после того, как мы сюда прибежали, так и не появился. Тем временем, окончательно стемнело. Где-то вдалеке шла вялая перестрелка.

Я побродил возле труб и попросил у соседа сигарету, чтобы согреться. Сигарета успокаивающе действовала на нервы, захотелось расслабиться и просто посидеть и покурить, и ни о чем не думать.

Но покурить не удалось, из темноты кто-то закричал:

Среди грязных, потрепанных боями, голодом, холодом и непосильными физическими и моральными нагрузками бойцов, находившихся в Грозном целую неделю, мы выглядели странно, как белые вороны на черном снегу.

— Урод, прикрой огонек, а то снайпер мозги тебе выбьет!

Я потушил сигарету, подошедший тем временем продолжил:

— Вы кто такие? — спросил он.

Все замаялись, не зная, что и ответить на этот простой вопрос по той причине, что мы не были солдатами одного отделения, чтобы бойко отпартовать, мол, такое-то отделение такой-то роты. Даже старшего Бобров перед своим уходом никого не назначил. Паузу, возникшую после заданного вопроса, прервал Фикса:

— Мы из Н-ской бригады.

— Откуда? — в голосе почувствовалось удивление.

— Из Твери.

— Здесь-то вы как оказались, и где ваш командир?

— Командир наш лейтенант Бобров, только он куда-то ушел, мы с ним на разведку пришли, там у нас еще ребята остались.

— Где там?

— Ну, возле дома, какого-то горящего, там еще БМПуха рядом стояла.

— Провести сможете?

— Я смогу, — сказал Фикса.

— Тогда вместе со мной пойдешь, ты пароль не знаешь, а то свои где-нибудь завалят, а вы, — обратился он к остальным, — идите в дом,

только не через крыльцо, идите вдоль стены дома налево, там еще одна дверь будет, туда и зайдете, где сможете, там и устроитесь.

Незнакомец ушел вместе с Фиксой. А мы пошли туда, куда нам указали.

Выщербина, ровно, снова прореха от упавшей штукатурки — моя рука скользит по стене — мы на ощупь пробираемся к входу в здание.

Дверь, до которой мы дошли, была двустворчатой, одна створка была сорвана и лежала на улице, по ней я вслед за остальными вошел во внутрь.

Это был подъезд, прямо перед нами лестница на второй этаж, направо две двери, и налево за лестницу небольшой коридорчик, заканчивающийся черным выходом, в котором был оборудован пост. В коридорчике прямо на полу на спальных мешках и тряпье в обнимку с оружием спали солдаты. Я попытался открыть двери справа, но они не поддавались. На шум проснулся кто-то на полу:

— Че ломитесь, там и так куча народу, ложитесь на лестнице, — проворчал проснувшийся.

— Пацаны, пошли на второй этаж, — предложил солдат с пулеметом, шедший впереди и уже поднимавшийся по лестнице.

— Эй, куда прешь! — снова заорали на нас, — туда нельзя там заминировано и там пост не нашего полка!

Пришлось лечь на лестнице, несколько человек устроилось на лестничной площадке, остальным пришлось лечь на ступеньки.

Мне досталось место на ступеньках. Сел на одну и лег спиной на следующую, благодаря бронежилету получилось, что лег на доску в наклонном положении, голова прилась на третью ступеньку. Поднял воротник бушлата руки под броник, кажется, начал согреваться. Для гранатомета и сумки с гранатами нашлось место на решетке перил, а автомат... лучше буду держать на груди.

Все бы ничего, только ногам холодно, да на лицо падает снег, летящий из разбитого окна на лестничной площадке.

ГЛАВА 5

*Недавно его встретил я.
Он мне родня по юности.*

Ю. Шевчук

Проснулся я от того, что кто-то меня растолкал. Вставать было тяжело, мышцы затекли от неудобной позы и холода, да и выспаться не удалось. Взяв на себя гранатомет и сумку с гранатами, мысленно прокляв их, отправился на улицу. Правда, выйти по-человечески не получилось — прямо за дверью я обо что-то споткнулся и упал.

Это были ноги в камуфлированных брюках, обутые в армейские ботинки. Вдоль стены лежал покойник. Я взглянул в лицо бедняги.

Голова запрокинута назад, растрепанные волосы в крови, с правой стороны лба, там, где уже начинались волосы, зияла рана. Мальчишеское лицо, на красно-синем фоне лица белеют только глаза, зубы и осколки костей.

Пока я разглядывал убитого, подъехал микроавтобус УАЗ. Выскочили два огромных бородатых парня, больше похожие на боевиков, чем на наших, в такой же грязной камуфлированной форме, что и убитый. Они подошли к телу, завернули его в блестящую фольгу, погрузили в УАЗик и тут же уехали.

Интересно, почему на борту УАЗика красный крест? Ему ведь уже не поможешь. Я проводил взглядом машину и осмотрелся.

Двор напоминал свалку: здесь валялись тумбочки, видимо, выброшенные из здания, холодильник с оторванной дверцей, тряпье, осколки стекол, консервные банки, котелки, фляжки, противогазы.

Справа, вдоль забора, были устроены посты и огневые точки. Пространство между забором и левым крылом дома было забаррикадировано кирпичами, здесь был первый пост, — два солдата вели наблюдение за тем, что происходило за забором. Дальше, вдоль забора была построена хижина из дверей и ящиков, одной стеной у нее был забор. За хижинной метра через два приткнулась боевая машина пехоты. Пространство между ней и хижинной было чем-то заполнено и прикрыто одеялом. Дальше за БМП располагались огневые точки. Пространство между правым крылом дома и забором было свободным, но, что там, я не видел из-за толпы солдат, слонявшихся по двору. Это были мои товарищи — сводный батальон.

Среди грязных, потрепанных боями, голодом, холодом и непосильными физическими и моральными нагрузками бойцов, находившихся в Грозном целую неделю, мы выглядели странно, как белые вороны на черном снегу. Чистые бушлаты и броники, более новое снаряжение — дети, заблудившиеся в чужом городе.

Хотелось есть, а вокруг, судя по всему, съестным и не пахло, пожалуй, придется поголодать, но надо хоть попробовать что-то найти, у кого-нибудь еще должен остаться сухпай, выданный в Моздоке.

— Марат! — донеслось из толпы у дверей. Я обернулся.

— Тебя че, тоже сюда замели? — улыбался во все свое круглое узкоглазое лицо Сергей — мой старый армейский товарищ.

— Как видишь, — от вида улыбающегося друга мне тоже захотелось улыбнуться, вообще Серега Кулов был веселым, разбитным малым, не унывающим ни в какой ситуации.

— Пошли к нам, с нами будешь держаться, — предложил Сергей.

Познакомился я с ним еще во время КМБ. Но после карантина мы попали в разные подразделения и редко встречались, от случая к случаю. Кулов — казах из Оренбурга, все звали его Серегой, хотя настоящее его имя звучало по-другому.

Из хижины вышел офицер — худощавый человек среднего роста, такой же грязный, как и весь его отряд. Из-под черной шерстяной шапочки на голове командира виднелись светлые волосы, на подбородке щетина такого же цвета. Взгляд его светло-синих глаз, казалось, мог убить того, на кого он обращен.

— Строиться повзводно! — скомандовал он.

Мы пристроились в один из взводов. Команда, по всей видимости, относилась только к новоприбывшим, потому что остальные продолжали заниматься своими делами. Строились как обычно долго, кто как хотел, друзья старались держаться вместе и сейчас построились скорее по этому признаку.

Возникла пауза, построивший бойцов человек медленно обошел строй по фронту, разглядывая солдат. Осмотрев солдат, он заговорил.

— Где ваши отцы-командиры мы не знаем, наверно, дезертировали, поэтому с этого момента вы будете числиться здесь, в первом батальоне Н-ского мотострелкового полка, — он замолчал, словно ожидал услышать какие-нибудь возражения по поводу сказанного. Но ничего в ответ не последовало, солдаты молча ждали, что последует дальше, и он продолжил.

— Я командир второй роты капитан Колосков, временно вы будете под моим началом, но потом часть из вас поступит в другие подразделения.

Пока Колосков говорил, из хижины вышел еще один человек. В отличие от Колоскова, этот был коренастый и плотный мужик, похожий на дородного казака царских времен, и держался он так же — этаким ухарь-купец, удалой молодец. Только вместо кафтана и поддевки — броник весь в пятнах, с оторванным нагрудным карманом. Под ним — х/б, подворотничок стойко черного цвета и торчит

над вырезом броника, как накрахмаленный. На штанах у одной брючины накладной карман оторван, второй набит рожками к автомату. Обут в огромные стоптанные кирзачи. На огромной голове лихо заломлена спортивная шапочка «петушок», из-под которой торчит русский чуб. Через плечо на грудь этого казака перекинут автомат со складным прикладом и подствольным гранатометом, на нем привычно лежат руки в перчатках с обрезанными пальцами. Он подошел к Колоскову как раз, когда тот представлялся, Колосков же продолжил свою речь.

— Сейчас по одному будете подходить ко мне, и я запишу ваши фамилии, вы, — показал он на солдат, стоявших впереди, — будете командирами отделений, остальные — колонна за вами — ваше отделение.

В строю солдаты опять потихоньку стали перестраиваться. Я стоял рядом с Сергеем, поэтому осторожно переместился за него, чтобы быть с ним в одном отделении.

Колосков на эти передвижения не обратил внимания. Он заявил, что эти назначения временны и потом, когда разберутся, кто в каком звании и на какой должности служил, укомплектуют подразделения в соответствии с этими данными. Самое главное, никому не покидать этот двор и дом, здесь резерв штурмовых бригад. Когда Колосков закончил, он представил подошедшего офицера. Казак оказался старшим лейтенантом Романенко, по штату он числился командиром третьего взвода. Представив Романенко, Колосков сходил в хижину за бумагой и, присев на ящик, стал записывать фамилии солдат. Пока командир оформлял пополнение, Романенко выволок из десантного отсека БМП бойца в танковом шлемофоне похожего на негра — до того он был черен. Негр протер глаза, выслушал взводного и подошел к таинственному штабелю между БМП и хижинной, он откинул одеяло, достал ящик с консервами и мешок с хлебом. Романенко подозвал к себе первое отделение и по количеству солдат выдал продукты. Вслед за ними получили провиант и остальные.

Мы с Сергеем получили по банке рисовой каши и пошли в дом. Расположились в одной из комнат. На полу устроили небольшой костерок — очаг для него соорудили из кирпичей. Сверху решетка от холодильника, а уже на ней угнездились банки с сухпаем. Сами мы натаскали матрасы, спальники и расположились вокруг костра.

Комната раньше была складским помещением, одну стену занимал огромный шкаф, сделанный по типу этажерки — он высылся до самого потолка и на его полках, как на многоярусных нарах, устроились некоторые бойцы. Вдоль стены напротив пылилось несколько тумбочек, в дальнем от окна углу входная дверь, рядом с ней и горел костерок. Единственное окно было забаррикадировано кирпичами в виде бойницы, только верхняя часть завешена одеялом.

Мы с Куловым взяли по банке горячей рисовой каши и по куску

хлеба. Жирная похлебка не вызывала аппетита, несмотря на сильный голод. Хотелось пить, но воды не было, во флягах у всех было пусто. Пересиливая отвращение, я съел кашу, понимая что, если не дать организму пищи, он ослабеет. Облизал ложку, спрятал ее за пазуху и лег на своей полке отдыхать, не хотелось никуда идти. Какая-то апатия овладела сознанием.

Остальные, пообедав, занялись своими делами: кто-то принялся разглядывать свое оружие, кто-то перематывал портянки или сушил их над еще не потухшим костром. Обстановка как в обычной казарме после ужина, когда у солдат появляется полчаса свободного времени.

Кулов посидел некоторое время и решил пройти по дому. Его любопытная деятельная душа жаждала какой-нибудь деятельности, все равно какой, лишь бы не сидеть. Но одному идти не хотелось, поэтому он растолкал меня.

Поломавшись немного, я согласился. Мы покурили, взяли автоматы и направились к выходу. Гранатомет и гранатную сумку я оставил в углу, там же было свалено оружие остальных.

— Слышь, братуха, — обратился Кулов к бойцу, назначенному командиром отделения, — мы тут прогуляемся немного, если че, какие построения, скажешь, по нужде пошли, лады?

— Вали, — кивнул сержант.

Мы пошли по коридору. Здесь также располагалась пехота, везде привычный уже бардак. Нам пришлось протискиваться через наваленные тумбочки и кровати, на которых спали люди, к дверям в конце коридора. Кулов разбил прикладом стекло — дверь была наполовину стеклянной — и перебрался в этот проем, мне пришлось следовать за ним.

Очутились в другом коридоре, он, в отличие от предыдущего, был пуст, а в остальном — те же окна вдоль одной стены, те же двери вдоль другой. Открыли одну из них.

Я послушно прорепетировал вальсирующие движения, а потом мы начали танцевать. Это было волшебное ощущение, мы с Катей, улыбаясь, неуклюже вальсировали, мы знали об этом, но нам было все равно.

— Тут, по ходу дела, больница была или поликлиника, — заметил Кулов

— Наверно, — я осмотрелся. Действительно, комната была явно больничной: белые тумбочки, кушетка, стеклянная этажерка с лекарствами — все говорило об этом.

— Знаешь, Серый, мне по большому приспичило, — сообщил я другу, почувствовав боль в животе.

— За чем же дело стало? Вперед, — скомандовал Сергей. — Вон, подсобка, — он показал на дверь, которую я сначала не заметил. — Я пока посторожу, а потом ты, у меня тоже че-то в пузе шумит от этой жратвы.

Провозился я довольно-таки долго, броник все-таки не очень способствует.

— С облегчением! — поприветствовал Сергей Марата.

— Да какое тут облегчение, чуть наизнанку не вывернулся.

Пока Кулов возился в подсобке, я решил посмотреть, что в тумбочках.

Одна была пустой, во второй нашел банку маринованных огурцов. «Отлично, — подумал, — только откуда в больнице жратва, может, здесь еще что-нибудь есть, надо здесь все обыскать».

Кулов застал меня за осматриванием лекарств, стоявших на сте-

клянной этажерке.

— Марат, ты че, спирт ищешь? .

— Смотри, че я нашел! — показал банку.

— Ого, живем! — обрадовался Кулов.

— Как думаешь, откуда она здесь могла взяться?

— Пацаны рассказывали, что больницу ВВ-шники штурмовали, от них, наверно, осталось, — сообщил Кулов, присматриваясь к шерстяному покрывалу, лежавшему на кушетке, — они тоже спирт искали.

Сергей стал резать штык-ножом покрывало на портянки и продолжал рассказывать.

— А потом нажрались спирта, да постреляли друг друга маленько.

Намотав портянки из покрывала, Сергей притопнул сапогами — проверил, хорошо ли они накрутились. Оставшийся кусок покрывала забрал я, выкрою себе потом тоже «русские носки».

Выглянул в окно. Возле «Урала» с оборванным тентом суетились солдаты — выгружали из кузова какие-то ящики и бросали их как попало тут же во дворе. Как только машина разгрузилась, шофер, не глушивший двигатель, воткнул передачу, и грузовик, гремя гнутыми стойками тента, уполз со двора.

— Строиться! — раздалась команда Колоскова.

ГЛАВА 6

То было грозное молчанье.

Недолго длилось оно.

Но в этом страшном ожиданье

Забилось сердце не одно.

М. Ю. Лермонтов

Колосков безучастно смотрел, как строится пополнение, неожиданно свалившееся ему на голову. Сейчас нужно было выделить двадцать человек в штурмовую бригаду, за ними пришел замполит полка. За две недели этой войны Капитан потерял убитыми и ранеными всю свою роту, за исключением старшего лейтенанта Романенко и механика-водителя Варенникова.

Замполит, уже седой подполковник, заметил, что Колосков задумался, поэтому сам выбрал себе два десятка бойцов: гранатометчиков и пулеметчиков. Им вместе с расчетами станковых гранатометов и минометов предстояло создавать огневой вал перед штурмовыми подразделениями. Утром намечалась очередная атака президентского дворца, значит, вечером придется опять просить пополнение. Подполковник тяжело вздохнул: ему еще нужно было поговорить с солдатами штурмовой бригады, некоторые уже заявили, что больше в бой не пойдут.

Попавшим в эту двадцатку выдали сухпай и по литровой банке сока из Н/З, после чего команда замполита скрылась в развалинах.

Когда я увидел сок, пожалел, что не отправился вместе с ними, язык от сухости прилип к гортани. После ухода замполита мы под руководством Романенко стали складывать боеприпасы возле крыльца больницы.

Мы с Сергеем, взмокли от работы в бронеках и бушлатах. День клонился к вечеру, уже начинало темнеть, по всему двору и больнице тушили костры, на которых грели обеды.

Мы присели отдохнуть. Сергей стал ловко прикручивать резиновым медицинским жгутом индивидуальный марлевый пакет к складному прикладу своего автомата. Пакеты и жгуты выдали всем вместе с сухпаем, и некоторые прикручивали их к прикладам своих автоматов. Я подозревал, что Серега не знает, для чего это делается, но он любил пофигорить и к таким проявлениям солдатской изобретательности был всегда внимателен. Закончив с прикладом, Сергей достал изоленту, и стал ею приматывать два рожка друг к другу.

— Ну, ты даешь, — не выдержал я. — Ты где изоленту достал?

— Ха, места знать надо! — произнес важным тоном Сергей, довольный тем, что ему удалось удивить.

Я подумал, что автомат станет тяжелее от того, что два рожка будут слеплены вместе, да и стрелять, наверное, будет неудобно. Индпакет и жгут рассовал по нарукавным карманам своего бушлата.

После подгонки оружия мы оправились спать в комнату своего отделения.

Наше пополнение для обескровленного корпуса считалось многочисленным, хотя даже с его учетом количество штыков едва достигало половины штатной численности.

Колосков заменил новичками часть солдат боевого охранения, остальным разрешил спать, но быть готовыми к бою. Но в этих обстоятельствах мы были готовы к бою всегда. Спали прямо в бронеках и сапогах, а оружие держали либо рядом с собой, либо в руках.

Через год службы, когда наш призыв перешел уже в разряд черпаков, мою роту пригласили на вечер в местное педагогическое училище. Это был канун 8 марта, а в «педсе» основной контингент, естественно, девушки. Руководство заведения обратилось к командованию нашего полка с просьбой прислать роту солдат, чтобы девчонкам не было скучно без мужского общества. Для нас известие об этом стало настоящим чудом. Еще бы — целый год без женской ласки!

За день до заветного увольнения в город в казарме начался ажиотаж. «Парадки» наглаживались, ботинки начищались, а в курилках велись досушие разговоры.

— Ну, пацаны, наконец-то оторвемся, а то у меня уже яйца опухли, — говорил Санек, рябой щуплый парень маленького роста. Он был призван из Марий Эл и отличался крайне шустрым характером.

— Ха-ха-ха! Да, скажут они нам, ну че, пацаны, приперлись! — отвечал пермяк Рома.

— Не скажут, им же тоже, наверное, без мужиков скучно, вот наши интересы и совпадут.

— А где ты будешь интересы эти соединять?

— Найду, не переживай!

Перед выходом в училище ротный нас построил и сказал:

— Товарищи солдаты, на вечере вы должны себя вести пристойно и поддерживать честь мундира, в общем, водку не пьянствовать, дисциплину не хулиганить! И самое главное — никакого секса, помните, наша область по СПИДу на первом месте в России. Замполит, который должен был нас сопровождать, был более благосклонен:

— Нет, ну, уж если очень хочется, надевайте презерватив, сверху намотайте изоленту, потом еще один презерватив и обмотать скотчем, и главное при этом — никакого секса — тогда все будет в порядке!

В актовом зале училища нас встретила толпа красавиц, правда, и мы и они поначалу жались по углам. Однако ведущая быстро взяла дело в свои руки: под громкий хохот выбрали трех парней и трех девушек. Между ними устроили некий конкурс вроде телевизионного шоу «Любовь с первого взгляда». Ну, а потом пошла дискотека. Замполит куда-то вышел. На танцполе начали творить невероятное — мы приглашали девушек на парные танцы. И здесь все выделялись как могли: кто изображал танго, кто вальс, а некоторые пары просто переминались с ноги на ногу.

Я выбрал себе в партнерши маленькую крашеную блондиночку, мы долго топтались на месте, хотя она пыталась закружиться в вальсе. Но я не успевал за ней. Наконец она сказала:

— Стой ты, медведь, ты совсем не умеешь двигаться!

Я страшно огорчился, первый раз в жизни я танцую, можно сказать, исполнилась моя мечта, а тут такой конфуз. Но я решил во что бы то ни стало научиться танцевать:

— Ну, ты объясни как копыта-то переставлять, я вроде не тупой, научусь.

— Ну ладно, не обижайся, — улыбнулась моя наставница, — кстати, я Катя.

— А я Марат.

Мы отошли в угол, и Катя преподала мне первый в жизни урок танцев:

— Правую руку сюда, левую сюда.

Она сама поставила мои руки, как положено. Мои ладони сразу вспотели, сквозь ткань Катиной блузки я почувствовал ее лифчик. Тем временем девушка продолжала:

— Сперва шаг на меня и чуть в сторону, приподнимаясь при этом на носки, понятно? Второй шаг уже на себя, еще чуть в сторону, вот так. Да ты на ноги-то не смотри, да не на меня, а в сторону, — объясняла она.

Я послушно прорепетировал вальсирующие движения, а потом мы начали танцевать. Это было волшебное ощущение, мы с Катей, улыбаясь, неуклюже вальсировали, мы знали об этом, но нам было все равно. Я наслаждался всем: тонким станом девушки, приятным на ощупь материалом блузки, через который я чувствовал бюстгальтер, чуть слышным ароматом духов, тоненькой прохладной ручкой в моей грубой ладони, музыкой. Конечно же, я влюбился в нее. После этого вечера мне часто снился этот танец.

Темно, я проснулся, не могу понять от чего. Толчок в бок от Сергея:

— Вставай, Марат, тут чечены атаковать собираются, всем приказано усилить посты!

Я вскочил, схватил автомат, гранатомет и сумки с выстрелами и помчался на лестничную площадку между этажами занять оборону у окна вместе с Куловым.

Осторожно выглянул в окно: дорога, на другой стороне небольшой сад, перепаханный снарядами и огороженный разбитым забором. Луна довольно хорошо все освещала, но кроме нее свет давали постоянно взлетающие осветительные ракеты.

Ни на дороге, ни в садике никого не было. Опустился на колени перед сумкой с гранатами, стал свинчивать гранату с вышибным зарядом.

«Бл..., руки дрожат», — отметил про себя. Глубоко вдохнул воздух, затолкал выстрел в ствол гранатомета и убедился, что выступ на гранате совпал с выемкой в стволе, осталось только взвести курок

спускового механизма. Прodelав это, снова выглянул в окно уже с гранатометом, готовым к стрельбе.

Ни на дороге, ни в садике никого. И только сейчас я заметил, что не поставил прицел на гранатомет.

— Сука! — принялся судорожно доставать из подсумка прицел и приделывать его к гранатомету. «Не успею!» — билась в голове одна мысль, мне казалось, что тишина обманчива, что сейчас вот-вот и начнется. Приготовления к бою Кулова отразились лишь в шелчке планкой предохранителя калаша — звук прозвучал как-то неестественно громко. Молча стали ждать, нам обоим было страшно, но мы не говорили об этом. Так прошло тридцать минут. Все это время мое сердце билось, как зверь в клетке. С нижней лестничной площадки крикнули:

— Пацаны, отбой!

Спотыкаясь в темноте, мы добрались до своих мест и тут же завалились спать.

ГЛАВА 7

*За кулисой жаут войска
с деревянными мечами.
Вожда с прибитыми лучами
чесет дулом у виска...*

Ю. Шевчук

Поспали мы, наверное, две минуты, во всяком случае, мне так показалось. Пнул ногой спящего на полу Кулова в бок:

— Вставай, утро уже.

Сергей засопел:

— Ты че, с утра ударился что ли? Спи, пока спишься.

В дверь просунулась голова:

— Пацаны, кто тут у вас старший? Пусть идет сухпай получать.

Я дотянулся до спящего сержанта, толкнул его прикладом автомата. Тот поднял голову:

— В чем дело?

— Жратву велели идти получать.

Люки машин открыты. Экипажи, кто спит под своей машиной, кто занимается ремонтом, кто греется у импровизированной печки сде ланной из бака. Все черны, как негры, только глаза и зубы выделяются на черных от сажи и копоти лицах.

— А че сам не сходишь?

— Сержантам велели явиться.

— Ладно, б..., — кряхтя и матерясь вполголоса, сержант встал и, перешагивая через тела спящих солдат, направился к выходу. Я решил помочь ему.

На улице все та же сырая промозглая погода, наводившая уныние. Получили положенную пайку, состоявшую из пары буханок черного хлеба и сока. В комнате сержант начал пинками будить всех:

— Подъем, бл..., жрать надо готовить, ты греешь кашу, ты костер разжигашь, че еб...к разинул? Шевели поршнями!

Мы с Куловым вызвались идти за водой. У ребят, успевших об-лазить окрестности, выяснили, что воду можно найти за больницей.

Быстро пересекли двор, чтобы не попасться на глаза Колоскову или Романенко. Через пролом в заборе выбрались за территорию комплекса. Оказались на дороге с глубокими колеями.

Гремя провисшими гусеницами, проползла грязная побитая самоходка, вся увешанная какими-то ящиками, позади башни при-торочены два сорокалитровых бидона. Гибрид танка и пушки,

выпуская целые облака выхлопных газов, проехал вдоль стены больницы и повернул за угол. При повороте край бронированного корпуса задел стену, огромный кусок штукатурки отвалился, пыль поднялась столбом.

Мы последовали за самоходкой прямо по колее, правда, выбрались из нее уже с трудом.

За больницей располагался небольшой пустырь когда-то бывший парком, сейчас он был заставлен боевой техникой. Здесь стояли как попало самоходки и танки, кругом валялись пустые баки, запчасти, промасленные тряпки, вездесущие ящики и консервные банки. Люки машин открыты. Экипажи, кто спит под своей машиной, кто занимается ремонтом, кто греется у импровизированной печки сделанной из бака. Все черны, как негры, только глаза и зубы выделяются на черных от сажи и копоти лицах.

Наконец, показалась огромная яма. На дне виднелась прорван-ная труба, вокруг маленькое болото. Но в этой трясине был небольшо-й островок — ящик, стоя на котором, человек в камуфляже лопатой расчищал место вокруг трубы, чтобы можно было взять воду. Вокруг столпились бойцы с самой разнообразной посудой.

Донеслись чьи-то ругательства. У ямы мы увидели человека с двумя автоматами через плечо и бушлатом под мышкой. Он ругал стоявших вокруг него солдат:

— Майор работает, а вы, уроды, стоите, тащитесь, — подкрепляя свою речь матом, ругался офицер, — вам же самим вода нужна, уб-людки.

Стоявшим вокруг было наплевать на эти слова. Майор, если уж взялся, пусть копает, раз он не может заставить работать солдат. Майор закончил работу, заполнил водой поданные напарником ведра, выбрался из ямы и ушел. Ругавшийся офицер последовал за ним. Как только они скрылись, толпа оживилась. Один танкист прыгнул на ящик, остальные стали подавать ему емкости, которые тот наполнял и передавал обратно. Народу было много, поэтому дело шло медленно. Я занял очередь, а Сергей тем временем куда-то отлучился.

За водой шли отовсюду, водоснабжение в городе нарушено, а в Сунже — местной речке — говорили, что вода отравлена, поэтому каждый источник на вес золота. Здесь собирались солдаты самых разных частей и родов войск, здесь делились новостями, находили старых друзей.

— Лом, братан!

— А-а-а, Зуб, дружище, жив еще!

— Да, слышал, че вчера ночью было на пятом блокпосту?

— А че?

— Ночью весь блокпост вырезали, они стояли на соседней улице, а мы ниче не слышали, прикинь.

Наконец, дошла очередь до меня, я наполнил ведро и чайник и отошел в сторону, дожидаться Кулова. Сергей, тем временем, успел поговорить с танкистом, у которого попросил огоньку. По дороге назад Кулов поделился новостями: эти два дня было спокойно из-за того, что с чеченцами заключено перемирие, которое продлится еще несколько дней.

Когда мы явились в комнату, все уже поели, поэтому мы с Куловым сели есть оставленную для нас разогретую кашу. Ребята же занялись приготовлением чая. Пили прямо из консервных банок, вместе с остатками каши, плавающими в чае.

День прошел спокойно, а за ним еще несколько. За это время мы стали привыкать к этому монотонному ожиданию. Наше пополнение таяло и таяло — укомплектовывались другие подразделения. <ИВ>

(продолжение в следующем номере)

Тамерлан
ТАДТАЕВ

Родился 5 июля 1966 года в городе Цхинвале, в семье рабочего. Учился в цхинвальской средней школе. В 1981 году перебрался вместе с семьей в город Душанбе. В 1983 году поступил в художественное училище. В 1986 году вернулся в Цхинвал. Служил в рядах Вооруженных Сил СССР. Участник грузино-осетинской войны. Несколько раз был ранен в боях. Награжден медалью «Защитник Отечества». Принимал участие в организации таможенной службы республики. Также был участником боёв 8-10 августа 2008 г. Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», на интернет-сайтах. Участник форума молодых кавказских писателей в Нальчике в 2008 году и в Липках в октябре 2008 года. Стипендиат СЭМП.

Алан развалился на диване в углу небольшой комнаты, оклеенной розовыми обоями. Затылок его покоился на ладонях закинутых назад рук, а лицо в насмешливой улыбке было обращено к Хряку. Тот сидел на табуретке у окна напротив Алана и, прильнув к оптическому прицелу своей винтовки, замер, как охотник в ожидании добычи...

— Твои глаза скоро станут зеленые, столько ты смотришь на этот лес, — говорил Алан. — Ты, наверно, чем-то досадил Парпату, и он в отместку подарил тебе этот СВД. Ты не замечашь, что стал маньяком, а, Хряк? И взгляд у тебя стал каким-то ненормальным. Положим, ты и раньше не отличался умом, но сейчас ты переплюнул самого себя. Сколько насечек у тебя на прикладе, а, Хряк?

Но Хряк сидел и молчал как истукан.

— Слушай, может, тебя из леса грузин загипнотизировал, а? — не унимался Алан. — Подай голос, если ты и вправду не под гипнозом, а то мне страшно. Ведь я ни хрена не вижу отсюда, а они между тем крадутся к этому дому, будь он неладен. Который день мы тут торчим, вместо того чтоб пойти на речку и полежать на горячих камнях... Тыфу, твою мать. На улице солнце, а здесь даже в такой жаркий день сыро и холодно. Если б не эта вонючая арака, я бы умер от холода. Но она тоже закончилась, как и все хорошее, что было в этом проклятом доме. Есть, конечно, вино, но оно такое кислое; хотя, говорят, что на халяву и уксус сладкий...

— Слушай, заткнись, а, пока я не вырезал насечку на своем прикладе по твою душу, — прохрипел Хряк. — Тсс. В окопе вроде задвигались, мать их. А ты рот свой закрой... тише, тебе говорю... Ай уа мады б..., куна фабырат! (Мать вашу, если ускользнете!) — зорал он, вздрагивая при каждом выстреле своей винтовки и еще теснее прижимаясь к ее прикладу. Алан на какое-то время умолк; но, когда ему в лицо попала горячая дымящаяся гильза, он снова заговорил:

— Вот всегда так. Хряк стреляет, а на меня гильзы сыплются.

— Дай мне нож, слышишь? Нож где? Двоих завалил, третьего задел! Вон он хочет выбраться из окопа! — И Хряк опять начал стрелять. — Нет, промазал, — сказал он в досаде. — Но я ему не дам вылезти. Не хотел бы оказаться на его месте...

ДРУГ ДЕТСТВА

— Да успеешь ты эти насечки вырезать, — бормотал Алан. Он нехотя встал со своего скрипучего ложа, потянулся и побрел на кухню. Оттуда послышался грохот роняемой на пол посуды, и через несколько минут Алан переступил порог опостылевшей ему комнаты с большим ржавым ножом. Он подошел к Хряку и вялой рукой протянул ему это подобие холодного оружия.

— Где бинокль? — спросил Алан.

— Перед твоим носом, на подоконнике, — сказал Хряк, который переместился с табуретки на пол и с необыкновенным усердием занялся резьбой по дереву. Алан подобрал бинокль и, приложив его к глазам, долго смотрел на лес Чито.

— Я вижу голову одного, — сказал Алан. — А где второй?

— Он на дне окопа лежит, как и третий, которого я только задел. Небось, завидует своим убитым товарищам.

— Он тоже в окопе?

— А где ему еще быть? Ты иногда такие странные вопросы задаешь...

Какая жалость, что у меня только девять насечек. Мне нужен еще один надрез, чтоб округлить счет до десяти. Может, он все-таки сдох, а, Алан?

— А куда ты попал?

— Кажись, в живот...

— Ну, тогда у него нет шансов выжить. Вырезай десятую...

— Ты думаешь?

— Уверен в этом, если, конечно, на нем не было бронежилета.

— Бронежилету не выдержать калибр и мощь моей винтовки. Сколько тебя учить, осел...

— Я сам научу тебя чему хочешь, урод. Ну что, будем караулить твою жертву или пойдем купаться?

— Жалко оставлять его недобитым. Может, прокрадемся к нему и добьем?

— Ты же знаешь, что это невозможно. Трасса простреливается, и, если нам удастся перейти дорогу, мы подорвемся в лесу на минах.

— Ну ладно, ты меня уговорил, — сказал Хряк вставая. Он метнул нож в дверь, и тот, завизжав лезвием, отлетел от дерева, стукнулся о стену напротив и с треском залетел под диван. Алан смерил друга презрительным взглядом и сказал:

— Ты не умеешь метать нож. Хочешь, я покажу, как это делать?

— Нет, не надо, я знаю, что ты профи.

— Ну, тогда пошли на речку. Я тут мыло нашел — смоем с себя всю эту грязь...

Друзья, смеясь, ушли из заброшенного дома. Стены его хранили память о когда-то протекавшей здесь беззаботной мирной жизни его бывших хозяев. Где они сейчас? Что с ними случилось в это страшное время и живы ли они вообще — один бог знает. Комната, где когда-то звучал детский смех и счастливые голоса взрослых, теперь пропахла порохом. На полу вместе с запыленными детскими игрушками и множеством пожелтевших фотографий валялись стрелянные, еще не успевшие остыть гильзы...

Прошло не больше часа, и дом вздрогнул: опять эти двое. Прощай, покой...

— Как же я раньше не подумал об этом, — сказал Хряк, падая на диван. — За трупам, конечно, придут, ты это правильно заметил. Не оставят же они их там гнить! Да и раненому нужна помощь, если он еще жив или, того хуже, смылся, — он сладко зевнул и вытянулся, затем свернулся калачиком и пробормотал блаженно: — Разбудишь меня если что...

— Да пошел ты, — сказал Алан. — Хочешь спать, так спи; а когда за ними придут, я сделаю все как надо. Думаешь, ты один такой меткий? Того мать, кто стреляет хуже.

Теперь он сам сидел на табуретке у окна и сквозь оптический прицел винтовки смотрел на лес. Чито и плохо замаскированный окоп. И вспомнил сторбленного и высушенного годами старика Чито, опирающегося на свою палку. Он был похож на лешего, вырядившегося во френч и синие галифе. Беззубым ртом старик высасывал дым из мундштука и направлял своих собак на непрошенных гостей, имевших неосторожность приблизиться к его жилищу на лесной опушке. Чито стигнул во времени, а дом его превратился в развалины. Вчера Хряк засек там одного с гранатометом, а потом, напевая, вырезал насечку на своем прикладе.

Алан зевнул и оглянулся на Хряка. Тот храпел. Нехорошо улыбнувшись, Алан направил ствол винтовки на друга. Спустить курок и разнести ему башку? «Кажется, я схожу с ума». Он вытер выступившую на лбу испарину и неожиданно нажал на спусковой крючок. Осечка. «Что это со мной? Убить своего лучшего друга?» Алан передернул затвор и проснулся. Пот лил с него ручьями. Перед глазами стоял лес Чито, а за спиной мирно похрапывал Хряк. В последнее время Алану снились одни кошмары, и он глотал успокаивающие таблетки. Хряк смеялся над ним и говорил, что Гиви тоже начинал с этого, пока не сел на иглу. Интересно, куда он подевался?

В детстве Алан вместе со своим одноклассником и другом, рыжим Гиви, бегал под пахнущими хвоей соснами, стреляя из рогаток сорок. Иногда они забирались на кладбище, которое примыкало к лесу Чито, и смотрели на могильные плиты с портретами умерших. Гиви знал много историй о мертвецах.

— По ночам они встают из своих гробов и бродят по лесу в поисках окурков, — рассказывал Гиви напуганному Алану. — Как ты думаешь, почему они превращаются в скелеты? Потому что все время курят, хотя мой папа курит не меньше любого мертвеца. Скоро он сам будет как скелет, и тогда мне придется носить ему сигареты сюда. Я его жалею и, чтоб он меньше курил, иногда краду у него курево, — и Гиви доставал из кармана смятые папиросы. — Хочешь помочь отцу? Тогда выкури хотя бы одну.

— Хочу, но не здесь, — говорил Алан, стуча зубами от страха. — Вдруг кому-то из них до смерти захочется курить, и он подойдет к нам. Брр, какая жуть.

— Успокойся, днем мертвецу ни за что не выбраться из могилы. Закон у них такой, поверь мне.

— Зачем дразнить их, когда можно спокойно покурить в лесу?

— Ладно, пошли, раз ты так боишься...

Позже, когда к ним присоединился Хряк, они втроем следили за парочками, которые поднимались в лес, чтоб уединиться в кустах...

Алана неудержимо клонило ко сну. Он уже хотел уйти в другую комнату, чтоб прилечь там на деревянную кровать, как вдруг заметил, что из окопа высунулась чья-то рыжая голова. «Вот ты и попался», — подумал Алан и протер глаза. Человек между тем выбрался из окопа и, держась за живот, побрел к лесу.

— Не может быть, — пробормотал Алан, — это же Гиви.

Алан бросил винтовку и, вскочив с табурета, крикнул:

— Гиви, слышишь меня, это я, Алан! Твою мать, не слышит. Гиви!

Хряк тоже тут, слышишь?!

Человек в камуфляже остановился и обернулся на зов.

— Алан, это ты?! — сдавленно крикнул он.

— Да я! Кто ж еще!

— С кем ты так громко разговариваешь? — сказал проснувшийся Хряк.

— Да с Гиви — вон он стоит над окопом!

Хряк подскочил к окну.

— Точно, Рыжий, — сказал он радостно. — Вот так встреча. Эй, Гиви!

Дуй сюда, твою мать, это я, Хряк!

— Да-да, иди к нам, ничего не бойся! Как спустишься, пойдем прямо в больницу! И Фатимку свою увидишь, она там медсестрой устроилась!

— Хорошо, иду! Только пусть кто-нибудь выйдет мне навстречу, а то я ослаб!

Гиви начал спускаться вниз по тропинке, и вскоре его рыжая голова исчезла в зарослях боярышника.

— Я побегу ему навстречу, — сказал Алан и шагнул к двери, но Хряк схватил его за плечо.

— Что мы наделали! Он же на минах подорвется!

— Гиви! Стой на месте! — крикнул Алан в отчаянии. Он схватил винтовку, чтоб выстрелами напугать Гиви, когда в лесу раздался взрыв...

Два друга сидели на диване и молчали. Муха перелетала с одной опущенной головы на другую.

— Не надо нам было возвращаться, — сказал Хряк, вытирая слезы. — И тогда бы он ушел своей дорогой. Это все ты виноват: пойдем обратно, за ними придут — убьем и тех...

— Какой ты умный. А кто его подстрелил?

— Твою мать! Ты думаешь, я узнал Рыжего, но все-таки всадил в него пулю?! За кого ты меня принимаешь?

— Но я же узнал его!

— Да потому что он был там один, и ты присмотрелся к нему. А тогда их было трое, и они хотели улизнуть!

— Слушай, я знаю, что ты встречаешься с Фатимкой...

— Что?! Что ты сказал?! Повтори!

— Да что слышал...

— Ах, вот как! А не ты ли хвастал, что мял ее пышную грудь, а? Не ты ли махал перед моим носом ее трусиками? Да, я трахал ее! Ну и что с того? Твою мать, она сама на меня полезла, и только мертвый устоял бы. Но запомни одно: я не убиваю своих друзей из-за шлюх! И вообще, кто ты такой, чтоб я оправдывался перед тобой? Да пошел ты!

Хряк вскочил с дивана и исчез, громко хлопнув дверью. Алан еще посидел немного, потом медленно встал и, забыв винтовку, побрел к выходу.

Дом снова опустел и, наверно, обрадовался наступившему покою. После того что произошло, друзья вряд ли еще побеспокоят его толстые стены. Окно, из которого стрелял Хряк, все так же смотрело на лес и на злополучный окоп. Спустя некоторое время из него вылез бородачатый человек в буром камуфляже. Опираясь на автомат, бородач встал на ноги и, шатаясь, пошел в сторону леса. <ИВ>

Лонни
ДОТСОН

перевод Нины Меньших

КАК-ТО РАЗ В ОДИН ПОГОЖИЙ ДЕНЕК...

(Один день из жизни 3-го эскадрона. Вьетнам, 1969 год.)

Очередной раскаленный день во Вьетнаме, но я, в любом случае, рад возвращению в джунгли — подальше от зловония сгорающего топлива, которое сажею оседало на человеческих лицах. Траки моего танка подняли клубы красной пыли, поглощая оставшийся во влажном воздухе кислород. Так или иначе, я и не думал жаловаться на судьбу и на то, что один из этих 17-тонных «Шериданов» — мой. Все-таки, это намного лучше, нежели прочесывание джунглей пешком в составе какой-нибудь разведгруппы, да еще и с новобранцами.

Я был командиром танка в отряде «А» 3-го взвода. В тот день весь наш отряд, за исключением машины командующего и танкеток, тащившихся метрах в двухстах позади, выступал в боевом порядке. Мы находились на северо-западе от Ку-Чи, места постоянной дислокации нашей дивизии. Кто-то назвал эту территорию «грибной», даже не знаю, почему. Нигде поблизости грибов не было и в помине, а жаль, они стали бы неплохой добавкой к безвкусным консервам, высылаемым мне из дома любящим папочкой (причем эти консервы были значительно старше прочей пригодной в пищу ерунды, присылаемой нам из Штатов). Я как-то раз попросил его выслать что-нибудь другое, и в ответ на это он отправил мне коробку образца 50-х с лакричными конфетами (до сих пор удивляюсь, на что он мог так сильно обидеться...) Вся местность вокруг была покрыта деревьями да всяческой зеленью, достигавшей в высоту 6-7 футов, и представляла собой равнину. В общем, неплохо для нашего

танкового царства и, одновременно, для зоны действий вьетконговцев-«чарли»... В нашу задачу входило периодически гонять их по джунглям.

Отряд расположился на территории в четверть мили. Я был на правом фланге, откуда ни черта не было видно вообще, однако, в экстренной ситуации мы все же могли рассчитывать на оперативное получение подкрепления. По радиации передали, что на левом фланге было обнаружено убежище противника, и ребята застопорились с ним, так что «старики» порекомендовали нам заморить червячка и проверить машины. В общем, наш танк остановился футами в пятидесяти от древостоя. Честно говоря, мне было как-то не по себе от мысли, что вот, пока мы здесь сидим, где-то там происходит Бог знает что, поэтому я связался с пехотой и попросил выяснять, что же все-таки там творится, но все они были уже задействованы в проверке. Тогда я отдал приказ водителю и заряжающему проверить технику. После так называемой «проверки», которой ребята якобы занимались, попросту прохладящаяся в тени деревьев, один из них прокричал, что они нашли нечто странное. Я схватил свой пистолет, М-16 и помчался на крики. Оказалось, что их внимание привлекла необычная яма в самом центре тропинки. Причем, это явно было делом рук человеческих. Как бы это странно ни прозвучало, я даже чувствовал «их» запах, шедший из-под земли. Боже мой... я чувствовал запах врага! Я немедленно предположил, что это было всего лишь вентиляционное отверстие, используемое в качестве

запасного выхода, и запросил помощь пехоты, чтобы мы могли вместе проверить всю территорию. Мне вновь сообщили, что все они уже задействованы и, кроме того, приказали обходиться собственными силами. Тогда я связался с ближайшим БТРом — это был один из наших М-113 — и попросил ребят посдействовать (вообще, ситуация напоминала известную приткзку о слепых, ведущих друг друга: мы все были в непривычных условиях, без техники, эдакие «наземные танкисты»). Итак, они оставили свои машины, и я отдал им приказ образовать вокруг меня большой круг. Всего набралось человек шесть или семь, все в униформе, вооруженные, откуда ни возмись появилось несколько пехотинцев, на шум пришел даже один из ребят — командиров танка. Приказав всем держать ухо востро, я швырнул в яму дымовую шашку, в надежде, что едкий желтый дым укажет нам главный вход в бункер. Всего лишь несколько мгновений спустя кто-то закричал: «Гук!» Я развернулся, и прямо передо мной из ямы начало «расти» настоящее дерево, посаженное в горшок, полностью закупоривший яму. Человек же, показавшийся непосредственно из тоннеля, был одет в черные шорты, его руки были подняты вверх и покрыты желтым осадком от дыма. Мы были настолько взвинчены, что не произнесли ни единого слова. Я взял пленника под свой контроль: ему скрутили руки и на ломаном вьетнамском спросили, есть ли еще партизаны. Он кивнул. Тогда я попытался убедить его сообщить им, чтобы те сдались, однако он очень нервничал и не хотел даже приближаться к этой яме. Честно говоря, у меня было плохое предчувствие. Что ж... Мы закрыли оба входа в тоннель и повторили номер с шашкой. Последовавшие за этим несколько секунд показались мне вечностью. После этой второй порции дыма послышался чей-то кашель и хрип. Я несколько раз прокричал «Сдавайтесь!», но ответом мне была лишь тишина, тогда я, убежденный, что жар и ослепительный свет уж точно их выкурят, бросил в одну из ям осветительную ракету. О чем я тогда не догадывался, так это о том, что тоннель был слишком маленьким, и поэтому все, кто там находился, должны были попросту умереть от удушья. Заглянув внутрь, я увидел две неподвижные пары ног, ткнул их, но они так и не шевельнулись. Кто-то предположил, что там могла быть мина-ловушка, соответственно, нам надо было действовать с осторожностью. Мы вытянули тела наружу с помощью веревок, и мне бросилась в глаза новенькая зеленая униформа, в которую они были одеты. Когда я поинтересовался, есть ли желающие влезть в тоннель и посмотреть, что там, вызвался самый низкорослый из нас паренек по прозвищу Ананас. Мы дали ему пистолет, и он заполз внутрь этой норы. Несколько мгновений спустя он прокричал, что внутри полно «всякой ерунды». С этими словами из-под земли были выброшены коробки с на-

шими американскими боеприпасами 50-го калибра, несколько рюкзаков и всякие личные мелочи. Во всей этой ситуации ощущалось что-то неправильное — что-то было не так... Во всяком случае, я никогда не видел настолько хорошо экипированных солдат. Вернувшись к телам, я пригляделся повнимательнее и заметил, что новой была не только их форма, но и стрижки: этих ребят постригли совсем недавно. Раздражение нарастало с каждой секундой: ранее мы толком и не видели вражеских солдат, а тут такая встреча, да к тому же, явно с двумя офицерами. Чего у них только не было... С ума сойти! Мы начали проверять все их барахло и сразу же обнаружили, что коробки из-под боеприпасов набиты деньгами!!! В каждой коробке было по четыре пачки банкнот, каждая из которых тянула тысяч на сто наших долларов, только в южновьетнамской валюте. Даже если обменять их по самому невыгодному курсу, сумма все равно получалась более чем внушительной! По нашим подсчетам выходило не менее миллиона долларов. Но как только мы начали разбирать деньги (а кто поступил бы иначе на нашем месте?) рядом с нами со скрежетом остановилась машина нашего комвзвода. Сам же он восседал на броне, общаясь по радиции со своим командиром. Мы быстро расхватали на сувениры кто что успел, ну а деньги он прихватил с собой.

Вечером, во время очередного привала, нам приказали доложить о результатах нашего допроса военными разведчиками и об интервью, которое мы параллельно дали газетчикам. Надо сказать, что когда нас интервьюировали, у нашего почетного «тоннельщика» (проще говоря, Ананаса) началась страшная сыпь, и медикам пришлось намазать все его тело какой-то белой мазью, забавно смотревшейся на его темной коже. И вот он стоял и отвечал на вопросы, полуголый, весь в этой белой дряни, как в инее, и строил из себя настоящего крутого парня... Комедия да и только... Позднее нам сообщили, что убитые нами солдаты были офицерами-интендантами 101-й северовьетнамской дивизии, базировавшейся через реку от нас. В их задачу входила покупка у местного населения провианта, который они должны были спрятать для войск, собиравшихся форсировать реку и атаковать город. Очевидно, что у этого вьетнамского подразделения были большие проблемы с провизией. Нам, к тому же, намекнули, что изъятие денег, которыми они должны были расплачиваться за получаемый провиант, сорвало целое вторжение противника.

Некоторое время спустя вьетнамцы понаделали листовок, сообщавших, что офицеры-интенданты были убиты нами из-за денег, и раскидали их по всей территории.

Так или иначе, впоследствии штаб дивизии сообщил о своем намерении рассказать газетчикам, что все это было операцией южновьетнамцев, осуществлявшейся с нашей помощью, так что, возможно, кто-то смог извлечь из всего этого для себя некую выгоду, в частности, политического характера (безболезненно утихомирить поднявшуюся вокруг шумиху, например...) В итоге, конфликт разрешили успешно...

Мы же на самом деле хотели взять эти деньги и сделать с ними что-нибудь по-настоящему хорошее, например, построить детский дом или что-то в этом роде, в любом случае, как-то вернуть их людям, а не правительству. Просто обидно было... По моим подсчетам, сумма превышала миллион долларов, по словам командования нашей же дивизии — примерно миллион...и чем дальше деньги уходили, тем меньшая сумма озвучивалась, уменьшаясь от уровня к уровню. А когда дело дошло до журналистов на большой американской земле, то озвученная ими цифра была уже намного меньше миллиона... <ИВ>

КОМПЛЕКС ПАМЯТИ «ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН»

(Историко-художественная справка)

Идея создания памятника свердловчанам, погибшим в Афганистане, принадлежит Свердловскому областному отделению Российского Союза ветеранов Афганистана (СОО РСВА). В 1991 году СОО объявило конкурс проектов на создание памятника. В конкурсе приняло участие 15 проектов, представленных различными творческими организациями, группами, индивидуальными проектантами. После нескольких отборочных туров победа в конкурсе была присуждена проекту архитектора А. Серова и скульптора К. Грюнберга.

Средства собирались в виде добровольных пожертвований от общественных и коммерческих организаций, предприятий и частных лиц. Значительная помощь в реализации проекта была оказана бюджетами Свердловской области и города Екатеринбурга. Большую организационную поддержку проект получил от командования Уральского Военного Округа (УрВО) и строительных частей округа.

Строительство памятника было начато в 1992 году на площади Российской Армии. Заказ на изготовление был выполнен Екатеринбургским заводом имени Калинина.

5 августа 1995 года состоялось торжественное открытие памятника.

Художественная идея памятника — стилизованное пространство грузового военно-транспортного самолета, перевозившего на Родину тела погибших солдат и офицеров. Такие самолеты сами «афганцы» называли «черными тюльпанами». В центре композиции — фигура сидящего солдата с автоматом. Памятник изготовлен из металла со специальным покрытием. Вес центральной фигуры памятника — 4,5 тонны, высота — 4,7 метра. Высота пилонов — 10 метров.

На десяти пилонах памятника 240 фамилий свердловчан, погибших в Афганистане.

В 2002 году по предложению ряда организаций ветеранов боевых действий и семей погибших на Северном Кавказе прави-

тельством Свердловской области было принято решение создать мемориал «Черный тюльпан» — открыть памятник, посвященный погибшим на Кавказе, в Таджикистане и в других горячих точках России и СНГ. Автором нового памятника стал А. Серов.

Деньги на памятник собирали всем миром: на расчетный счет поступали и частные пожертвования, и суммы от организаций, предприятий и фирм. Строительство памятника велось при поддержке областного правительства, администрации Екатеринбурга, командования УрВО.

5 сентября 2003 года состоялось торжественное открытие памятника.

Центром композиции является 5-метровая стела из красного гранита, которую разрезает символический горный разлом. Вокруг стелы вертикальные плиты с 413 фамилиями погибших свердловчан — военнослужащих и сотрудников МВД, ФСБ, ФПС, ГУИН Минюста.

Памятники составили единый архитектурный ансамбль — Комплекс памяти «Черный тюльпан». <ИВ>

Материал предоставлен Свердловской Областной Организацией имени Героя Советского Союза Юрия Исламова
Общероссийской Общественной Организации "Российский Союз ветеранов Афганистана"

<http://www.rsva-ural.ru>

Павел АНДРЕЕВ

<http://www.artofwar.net.ru> - история афганских войн

ЗАСАДА

*Шестая рота, второй батальон. Кандагарская бригада.
Засада. Конец лета 1982 года.
История этого снимка.*

Выдвигались ночью. Прибыли на место. Спешились и группой в 12 человек чухнули. По пути был привал и, прикоп, — я уснул. Группа встала и ушла! Я проснулся от того, что Эргашев меня будил, толкая в плечо автоматом. Я вскочил и с ним спустился с холма, на котором был «крайний» привал. Замполит был старшим группы и ничего мне не сказал. Все молчали. Мне было стыдно — словно черт меня попутал. Как я не слышал, когда группа уходила? Они уже на маршруте обнаружили, что меня нет и... возвращаться не стали, а послали Эргашева. Благо, ушли недалеко...

Помню, как за два месяца до взрыва у меня началась какая-то чертовщина. То на минное поле залечу, сигналки посырую. То под огонь своих попаду. То «носороги» вдруг слушаться перестали. Залеты на ровном месте пошли.

За неделю до подрыва у меня из затвора вылетел боек — во время стрельбы, на проческе в «зеленке»! Я заклепал его куском из «ручек» от «дыма». А дня за три до подрыва я вообще перестал попадать в цель: рожок сжег по банке из-под «Си-Си», но так и не попал! Потом пристреливал автомат, как дурень.

С таким трудом построенная «сержантская империя» сыпалась без причин и видимых оснований. Думаю, просто кто-то на небесах уже сменил тогда свое мнение о нашем будущем, и все, что я после этого делал, будущего просто не имело. Дорога к тому противопехотному итальянскому фугасу сейчас для меня выглядит, как хроника подбитого и пикирующего к земле бомбардировщика. Хорошо, что фотография не отражает хронику этой катастрофы.

Забвение — это память об унижениях. Поэтому засада эта запомнилась позорной дракой молодых на водопое, гостеприимством перепуганного козельника и этой фотографией — мутной, как и воспоминания о том, как я заснул на привале...

...Весь день проторчали на какой-то шишке. Воду, как всегда, молодые выпили и кто-то из них, ставив рацию, дал сигнал броне-группе. На броне, на связи, был кто-то из водителей. Молодой пожаловался на то, что умирает без воды. На броне не поняли и, не разобравшись, в сопровождении огромного облака пыли, примчались к нам на «выручку».

Засаду завалили, засветившись. Под «шишкой», на которой сидели, стояла палатка афганца — шатер из шкур. К нему броня и подъехала. Тут еще мы спустились. Сказать, что «индеец» не удивился от нашего появления у себя под носом — это ничего не сказать!

Их было двое: пуштун и его женщина. Пуштун был похож на часы без стрелок: почти не отбрасывал тени и казался вечным, как пустыня. Женщина была с головы до ног закутана в куски занесенной ткани. Она вышла к нам навстречу с миской какого-то жидкого кисломолочного продукта. В их условиях это было роскошью — такое гостеприимство.

Кто-то из наших «хлопкоробов» отхлебнул из приличия. Мы пить не стали, а поплелись строем в затылок к колодцу, где нас уже ждали водители БТР и пулеметчики КПВТ из бронегруппы. Мы были потные, все в пыли и испытывали злость, замешанную на жажде и сожалении о том, что кто-то из нас сорвал засаду. По пути к колодцу идущий впереди боец упал, споткнувшись. Идущие сзади его падение восприняли как попытку нарушить строй и раньше других прийти к колодцу. Молодые, как стадо баранов, ломанулись к воде.

Только тупые могут воспринимать запах пота, как единство духа. Поэтому существует простое правило для молодых солдат: никогда не следует нарушать строя, пока кто-то другой поступает точно так. Мы били их прикладами и оттаскивали от кожаного ведра. Стрелять в воздух не пришлось, но прикладами молодым досталось. В армии, как и в жизни: те, у кого власть, бьют по самолюбию окружающих прикладами, но когда их соб-

Кандагар-Волгоград - 1983-2003 25 лет спустя - 6 рота 2 батальона п.л. 71176-3

ственное самолюбие уколует иголкой — без раздумий начинают настоящую войну...

На фото в центре — тот самый пуштун. Здоровый, жилистый, и... слишком чистый для пустыни!

Затылок на фоне ящика с патронами, с меткой на снимке — это я. Я как раз тушенку доставал из бокового люка — разогревать.

На броне сидит (с меткой над головой) пулеметчик КПВТ, Гера. Перед дембелем он порвал себе щеку: выравнивал патроны в только что забитой ленте к КПВТ и ударил нечаянно по головке патрона МДЗ. Латунную рубашку пули порвало на лоскуты, как шкурку очищенного банана — осколками, словно бритвой, располосовало Гере лицо. Считаю, что обошлось малой кровью.

На броне в панаме сидит Миша Шикинов, «замок» моего взвода. Дембель.

Слева от пуштуна стоит водитель моего БТР-235 Саша Шарлай. Это его БТР на фотографии.

За Шурой Шарлаем слева стоит Коля Головкин, пулеметчик КПВТ.

Крайним слева стоит снайпер-туркмен Мухаммедов. Хороший парень. Стрелял хорошо. Всегда был спокоен. Худой и длинный, как его эсвэдэшка. Под Мухамедом сидит Эргашев. Нормальный парень. «Хлопкороб», который всегда был на своем месте.

Человек в броне справа от пуштуна — замполит роты Медведев Николай.

Под замполитом сидит Зулпукар Ахмедов.

Крайним справа стоит в черном танковом комбезе водитель другого БТР (его БТР видно за его спиной) Сергей Новицкий. Мы все его звали «Янек»...

...Жизнь для многих из нас оказалась похожей на тот поход «молдых» к колодцу. Для тех, кто шел медленным шагом, жизнь показалась слишком быстрой: боясь не успеть, они раньше других вышли из строя. Для тех, кто легко шел по жизни, жизнь показа-

лось слишком медленной: их выкинуло на обочину, на одном из жизненных зигзагов. К жизни не прилагается гарантия...

...Миша Шикинов благополучно дембельнулся. Через пару месяцев после его дембеля в штаб бригады пришел серьезный запрос из прокуратуры: Мишу «закрыли» на родине за что-то очень серьезное.

Сергей Иванович Новицкий (Янек) умер через десять лет, 07.10.1992 года. Ему было 29 лет. Он похоронен под Волгоградом.

Парень, что сидит на фотографии с РПК под пуштуном, погиб 22.04.83, попав с ротой в засаду на клеверном поле под Сенжераем.

Саша Шарлай живет и работает «завгаром» под Волгоградом. Однажды, сломав руку, он не эвакуировался из засады и привел свой БТР в бригаду сам.

Замполит роты Николай Медведев работает юристом в Волгограде. Я так и не научился, как это умел он, отжиматься на брусьях, вывернув локти наружу.

Зулпукар Ахмедов был ранен в шею 22.04.83 на клеверном поле под Сенжераем. Это он научил меня многим приемам с нунчаками. Зулпукар дембельнулся, построил дом, семья, работает. Живет в Дагестане.

Коля Головкин работает зооветеринаром. Семья. Дом. Все нормально.

Мы должны сохранить многие звенья, соединяющие нас с прошлым. Но мы должны также вырваться из плена традиций повсюду, где они мешают нашему продвижению вперед. Я рад тому, что многим из нас хватило мозгов понять, что «держат строй» через двадцать лет после войны — значит, молча позволять людям с пустыми руками манипулировать нами, рассчитываясь словами об «интернациональном долге». Мы, конечно, не ангелы, сотканные из одного света, но и не скоты, которых следует гнать в стойло. Дела ценнее слов. Эмоционально мы правы — пусть другие боятся наших ударов прикладами... <ИВ>

Юрий Беридзе

Полковник
Участвовал:
Абхазия, Чечня

http://artofwar.ru/b/beridze_j_w/

ПОМЯНЕМ

На печальной переключке —
Токарев... Юрасов... Кох... —
Журавли в ответ курлычут,
плача скорбью двух эпох...
И из дальнего далека —
чей-то голос, как живой:
Разуваев? Крафт? Матоха?
Шиварев? Ненно? Куцой?

«Ну, так что, ребята, вытъем?
Первым делом, за парней,
кто чужими в землю ссыпан
на афганской той войне,
чьих мотил координаты
не отмечены страной —
и присыпаны, прижаты
им землю неродной.
Так уж вышло... И не надо
ни винить себя, ни клясть.
Будь в час гибели вы рядом,
уж не дали бы пропасть,
пронесли бы полпланеты —
до родимых очатов...
Шансов не было... И нету...
Не горюйте — ничего...
Ну, налейте — чтоб до края...
И — живите! День за днем,
год за годом... Поминая...

В вашей памяти — живем!>

ГОСПИТАЛЬНАЯ МОЛИТВА

Я помню только боль —
и ничего иного...
Но все же из молитв
всплывает исподволь
никак не вспоминаемое слово,
которое — единственный пароль...
Оно, быть может, ключ,
чтоб вырваться из плена —
несвежих простыней
и трещин в потолке,
бессформенных теней
на госпитальных стенах,
бессонницы, оточенной,
как нож на оселке.

Я помню только жар —
и ничего иного...
И из войны в войну
земной катится шар,
стирая в пыль завещанное слово
и обнажая лезвие ножа.
А нож, как видно, зол
и жаждет омовенья
в кровавом и шальном
безудержном пиру,
и видятся в окно,
как светопреставленье,
судьбина беспроектная
и тризна на юру.

Я помню только тьму —
и ничего иного...
Молось, чтоб вопреки
бессилью своему
я вспомнил ускользающее слово —
оно бы и прикончило войну...
Оно в последний раз
рвануло бы гранатой,
влепило пулю в лоб,
не чувствуя вины...
И сколотило гроб —
не для меня, солдата...
Для, наконец, законченной —
и навсегда — войны...

Вадим Дулепов

Участвовал:
Афганистан

ЭХ, АФГАН...

Над зеленой небо хмуро, дождь январский — стынет кровь.
Над зеленой пули-дуры клином красных трассеров.
Эх, застава ты застава, ты мне родиной стала.
Для меня саман дувалов, как апрельский сок берез.
Говорят, когда меняли лейтенанта от канала,
Тот, небритый и усталый, плакал и не прятал слез.

Самолеты полетели, разбомбят кишлак «грачи»,
Значит, снова ждаль обстрела без особенных причин.
Эх, застава ты застава. Время намертво здесь встало,
У пехоты на заставе уж такая доля — ждаль.
Коли нас и обстреляли, если б нам не приказали,
Мы б взялись и показали, как умеем воевать.

Не тушуйся — будем живы. День прошел — так поживем.
Я к тому с утра счастливый, что во сне увидел дом.
Говорят, что будет вывод — помирать, вот глупо было б.
У судьбы удачу вырвем посреди чужих дорог.
Над зеленой сеет дождик. Кто-то должен пасть тоже,
Коль не мы тогда, то кто же, в восьмилетний этот долг.

Владимир Гуд

КОРРЕКТИРОВЩИК

Под склонами гор клубятся облака.
И дождик шелестит в прозрачной роще.
Уже темно. В столовой артполка
Холодный ужин ест корректировщик.
Бушлат пропитан пылью — не пыльной,
И я гляжу немного удивленно
На юное безусое лицо,
На взрослые майорские погоны.
Мигает свет, тускнея и слепя.
Он говорит о прошлом без волненья.
Два ордена — за «вызов на себя»...
И красная нашивка — за раненье.
Он говорит, что дважды был в огне,
Что завтра надо быть на дальней «точке».
А думает о том, что много дней
Ваали от дома, от жены, от дочки.
Вдвоем идем во мгле, сквозь дождь, и он
Прощается со мной.
Диктует петербургский телефон
И просит: «Непреренно позвоните...
Очень ждет жена.
Подробнее, сами знаете, не надо».
Земля у нас одна. И связь — одна.
Любым приветам дома будут рады.
Иду на свет далекого окна.
Я этот телефон не потеряю,
И вновь шепчу: «Земля у нас одна...
И связь — одна...» — упрямо повторяю.
А ночь вокруг, как мина, — только тронь!
И все во мне подчинено порыву,
Как будто вызвал на себя огонь.
И жду мгновенья первого разрыва.
И ждут враги — их участь не сладка.
И ждут друзья — когда мой полк ответит.
И ждут междугородного звонка
Жена и дочь на Лиговском проспекте...

Илья Плеханов

Главный редактор
альманаха

ПУСТЬ БЕЛЫЙ БАНТ...

Пусть белый бант безумия не расцветет на бритой голове
Пусть маки ран не пустят корни
В твоей широкой затейливой груди
Пусть в утку неглубокую не соскребнут мозги

Пусть член не упадет в ведро с руками
И вместо ног не вырастут железные штыри
Пусть врач не перепутает яичницу с глазами
И пусть недавний школьник в восемнадцать лет
Тебя не кинет в цинковый пенал
И пусть в мешок из собственной же кожи
Не нашпигует и не втиснет тело
Небесный Высший Добрый Трибунал
Когда вернешься, пусть ученая война
Налево и направо по цепи не ходит
Пусть самым странным словом будет «бакалея»
И пусть ночами, в муках, кочубея,
Не будешь ты кричать во сне:
«стреляй, коли, мочи, огня! патроны мне!»
И будешь путаться, произнося:
«Афганистан», «Сечня», «Икар», «Бреднам», «Колея»
Пусть спирт не будешь прятать ты под коркой хлеба
И молча костыли отодвигать на счете «три»
Пусть «лифчик» затаит хоть что-то от жены
«Рожок» ты купишь в булочной, грызи!
«Зеленка» пусть лишь будет детским препаратом
И пусть не будешь ты солдатом

Все понял, человек? Рождайся!
Давай попробуем? Живи!
Открой глаза! Вот свет! Смотри!

Павел Мартынов

Участвовал:
Афганистан

Я ПРОСНУСЬ...

Я проснусь на заре в ожидании птиц,
В ожидании чуда больших перемен.
Я открою глаза, сбросив тяжесть ресниц,
Солнце вывалит красное пузо на снег.
Город вырвет толпой из прокуренных стен.
Я душой еще там, где песок раскален,
Где ночные сеансы кино про войну,
Где металл заставляет отвесить поклон,
Где с чужими свои говорят сквозь прицел
И чужие взрывают огнем тишину.
Я пришел, наконец, здравствуй, милая Русь,
И любимая, здравствуй, спасибо судьбе,
Я уснул, не ругай, а когда я проснусь,
Нам спонот перелетные птицы о том,
Что весна во дворе начинает свой бег.

1988 г.

С.Г.
ФОГЕЛЬОСОБЕННОСТИ
ПРОПАГАНДИСТСКОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ
ВООРУЖЕННОГО АФГАНСКОГО
КОНФЛИКТА 1979-1989 ГГ.(с разрешения кафедры журналистики
Пермского государственного университета)

ЧАСТЬ I

Психологическую войну люди ведут с давних пор, но никогда и нигде ее не афишируют. Более того, документы о конкретных особенностях ее проведения обычно хранят за семью печатями. Известно только, что специалисты психологической войны аккумулировали в своей практике все сколько-нибудь эффективные способы воздействия на человеческие эмоции и сознание. Исследование опыта войны в Афганистане показало, что в настоящее время пропаганда и коммуникация становятся частью военной стратегии. Война разворачивается на нескольких фронтах — военном, дипломатическом, экономическом и, в том числе, в сфере массовой коммуникации. В связи с этим вопросы пропаганды в деятельности СМИ, позволяющей обеспечить формирование необходимого образа для достижения целей государственной системы, приобретают большое теоретическое и практическое значение. Однако это далеко не единственный канал пропагандистского воздействия. В арсенале пропаганды есть и другие средства влияния, не имеющие отношения к журналистике — наглядная агитация (плакат, лозунг, фотовыставки), устная пропаганда (беседы, митинги и др.).

В последнее время наряду с такими понятиями, как «информационная война» и «информационное противоборство» достаточно активно начинают применяться «информационные действия» и «информационные операции». Информационные действия и информационные операции, по сути дела, выступают элементами информационных войн. В зависимости от специфики используемых средств (как следствия специфики объектов воздействия) информационные операции подразделяются на две основные группы — информационно-технические и информационно-психологические.

В информационно-технической войне существуют различные формы и методы воздействия.

Устное вещание: передача через звуковещательные станции различных сообщений и программ, направленных на военнослужащих противника, его гражданское население, пленных.

Печатные средства: распространение печатной продукции на иностранных языках, публикации в материалах СМИ своей страны и государств-союзников. Важные отличительные характеристики этой формы воздействия: многообразие видов, способность воздействия на разные массовые аудитории (листовки, газеты, брошюры, журналы).

Изобразительные средства: воздействие с помощью наглядных средств, несущих сильный эмоциональный заряд (художественно оформленные плакаты, транспаранты, фотостенды, стенгазеты, карикатуры, карты, схемы, специально организованные выставки; а также наклейки, нашивки, сувениры с соответствующей символикой).

Радио и телевидение: передача в эфир через военные и гражд-

данские радио- и телепередатчики специальных радио- и телепрограмм, а также путём вхождения в сети боевого управления и каналы связи противника через войсковые радиосредства. Отличительные черты: оперативное и массовое воздействие на аудиторию в пределах радиуса приёма радио- или телевидения конкретной станции.

В информационно-психологической войне различают два метода воздействия:

Убеждение — метод воздействия на сознание людей, обращённый к их собственному критическому восприятию, ориентированный на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики. Этот метод включает воздействие источника информации, содержания информации и ситуации информирования.

Внушение — метод информационно-психологического воздействия на сознание личности или группы людей, основанный на некритическом (и часто неосознанном) восприятии информации, при котором сначала происходит восприятие информации, содержащей готовые выводы, а затем на её основе формируются мотивы и установки определённого поведения.

В соответствии с методами воздействия существуют следующие особые способы и приёмы воздействия:

Дезинформация (обман) — намеренное предоставление противнику информации, которая вводит его в заблуждение относительно истинного положения дел.

Манипулирование — вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент.

Распространение слухов и мифов:

слухи — специфический вид информации, появляющийся спонтанно в силу информационного вакуума, либо специально распространяемый для воздействия на общественное сознание;

миф — информация, которая объясняет происхождение и дальнейшее преобразование тех или иных явлений исключительно на основе вымышленных событий. Осмысление человеком окружающей действительности при этом базируется не на научных знаниях, а на вере и убеждениях представителей конкретной культуры, этноса, социальной группы.

В рассматриваемом нами случае вооружённого конфликта на территории Афганистана информационная война (включая ее разновидность — психологическую войну) выступает как составная часть военного противоборства, при этом используются любые средства воздействия (в том числе силовых) на информационную сферу противостоящей стороны.

Афганистан в силу своего географического положения служил

объектом пристального внимания со стороны двух соперничающих между собой глобальных социальных систем, во главе которых в рассматриваемый нами период стояли Соединённые Штаты Америки и Советский Союз. К моменту начала военного конфликта органы специальной пропаганды ВС СССР оперировали устаревшими представлениями времён Великой Отечественной войны. Советские учёные-востоковеды изучали и обсуждали проблемы Афганистана в узких научных кругах, и их взгляды и рекомендации не доходили до непосредственных исполнителей. Накануне военной операции в экстренном порядке был создан советнический корпус, отвечавший за идеологическое обеспечение боевых действий советских войск. Именно ввиду экстренного его формирования в составе корпуса оказались люди, никогда ранее не занимавшиеся проблемами Афганистана, имевшие смутное представление об исламе. Многие из советников впервые столкнулись с чужими для себя нравами, другим общественным строем, мышлением, традициями и устоями, поэтому нередко допускали просчеты. Партийные советники пытались внедрять свои формы и методы работы, нередко доводя это до абсурда. Например, организовывали соцсоревнования, проводили читки книг Л.И. Брежнев «Малая земля», «Возрождение» и т.п. В принципе, это были действия в русле официальной линии того времени, опиравшиеся на официальные взгляды и указания из Центра.

Всё, что касалось подготовки к военной операции на территории ДРА, внутри СССР было покрыто плотной завесой секретности. Средства массовой информации в Советском Союзе продолжали представлять народу картину безмятежного покоя и стабильности. Почти сразу после ввода советских войск в Афганистан Политбюро ЦК КПСС приняло закрытое постановление об освещении в СМИ акции интернациональной помощи Афганистану. В декабре 1979 года, когда приказ о вводе советских войск в Афганистан бал уже отдан, в «Правде» появилось сообщение, где

военное присутствие нашего государства в ДРА называлось «вымыслом чистой воды». А уже через несколько дней та же газета публикует интервью Генерального секретаря КПСС Л.И. Брежнев, в котором тот объясняет причины принятия такого решения (о вводе войск на территорию Афганистана).

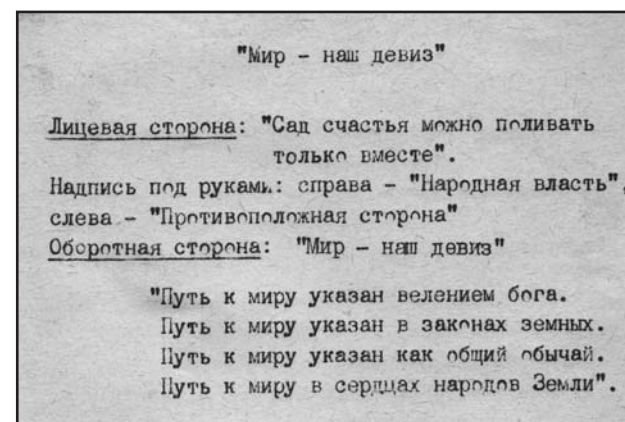
Одновременно государство через средства массовой информации развернуло пропаганду необходимости и успешности войны в Афганистане. Во-первых, военные действия в ДРА не назывались войной, они проходили под лозунгом интернациональной помощи дружественному народу Афганистана; во-вторых, боевые действия разрешалось описывать с участием не выше одного взвода, упоминать фамилии только рядовых, а о фактах гибели — только в единичных случаях... В результате Афганская война для обывателя долгое время оставалась неизвестной, внешне гладкой, а главное — почти бескровной. Газета «Красная Звезда» публиковала статьи об успешных военных операциях советских войск в Афганистане, где почти не было жертв среди нашего контингента, а потери противника, наоборот, значительно превышались.

На территории Афганистана вторжение советских войск тоже не афишировалось. Так, первым на территорию Афганистана был направлен батальон особого назначения (спецназ), который окрестили «мусульманский». Личный состав батальона тщательно и целенаправленно отбирался в войсках Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Главное требование — знание восточных языков и хорошие физические данные. Все солдаты и офицеры были одеты в форму афганской армии и внешне не отличались от местных военнослужащих. Форма была сшита по образцам, присланным из Афганистана по линии военной разведки. Все эти меры также были направлены на сохранение секретности операции.

За неделю до 27 декабря (даты ввода «ограниченного контингента» советских войск на территорию Афганистана) по всем «контактам» (местам, где работали советские специалисты) проехали лекторы ЦК КПСС и прочитали лекции о том, что американцы вот-вот высадутся в Кабуле. По мере продолжения боевой операции на территории ДРА людям преподносилась информация о героизме патриотов-афганцев, о молодых бойцах республики, поднявшихся на защиту «революционных завоеваний». О советском военном участии не сообщалось ни слова даже тогда, когда на территории Афганистана уже гибли солдаты-интернационалисты и командированные в республику строители.

Только в 1985 году, когда политическая ситуация в СССР, а вместе с ней и взгляд на афганскую проблему изменились, КГБ выпустил документ под названием «Перечень сведений, разрешенных к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории ДРА» (подписанный В. Варенниковым и В. Кирпиченко 19 июня 1985 года). Цитируем: «1. Продолжать публиковать разрешенные ранее сведения о действиях... и показывать:

- наличие частей и подразделений... без показа их участия в боевых действиях;
- организацию и ход боевой подготовки... в масштабах не выше батальона;
- награждение советских военнослужащих без показа их конкретной боевой деятельности, послужившей основанием для награждения;
- отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений и гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнения заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу...

2. Дополнительно разрешить публикацию в центральной печати, печати военных округов, республиканских, краевых и областных изданиях:

- об отдельных случаях героических действий советских военнослужащих... с показом их мужества и стойкости;
- о повседневной деятельности подразделений, до батальона (дивизиона) включительно,
- факты проявления заботы о советских военнослужащих, проходивших службу в войсках на территории ДРА и ставших инвалидами, членах семей погибших в Афганистане;
- сведения с описанием боевых подвигов, героизма и мужества советских воинов... и факты их награждения.

3. По-прежнему запрещается в открытых изданиях информация, раскрывающая участие советских войск в боевых действиях на территории ДРА — от роты и выше, а также об опыте их боевых действий, конкретных задачах войск и прямые репортажи (кино-, телесъемки) с поля боя.

4. Публикация любой указанной в пунктах 1 и 2 информации разрешается по согласованию с Главной военной цензурой...

5. Продолжить широкую публикацию контрпропагандистских материалов советских и иностранных авторов, разоблачающих фальсификацию западных средств массовой информации».

После ввода советских войск на территорию ДРА «афганский вопрос» на Западе был поднят на уровень важнейших глобальных проблем. С этого момента информационная война против «кабульского коммунистического режима» и мирового коммунизма приобрела наиболее изощренный, массированный, агрессивно-наступательный и предельно насыщенный по своему идейно-политическому содержанию характер.

При этом широко и довольно успешно эксплуатировался исламский фактор. Были мобилизованы многочисленные институты по изучению стран Востока, видные учёные-международники, политики, дипломаты, журналисты. 500 тысяч долларов было выделено на создание в Пешаваре (Пакистан) специального афганского информационного центра. Подобный центр под названием «Агентство Афган Ньюс» ЦРУ создало в Дели (Индия). Главной задачей этих и других многочисленных организаций было формирование в общественном мнении своих стран и остального мира негативного образа левого кабульского режима и дискредитацию Советского Союза как агрессора. Соединенные Штаты Америки привлекли к ведению информационной войны как свои крупнейшие медиа-гиганты, так и западные корпорации: Юнайтед Пресс Интернэшнл, Ассошиэйтед Пресс, Франс Пресс и другие, а также огромное число печатных СМИ, десятки спецслужб, радио- и телевизионные станции, коммерческие книгоиздательства, благотворительные фонды, профсоюзные, религиозные и другие организации, Корпус мира, научно-исследовательские центры (например, Стэнфордский исследовательский институт, Институт Баттеля, Исследовательский центр Армора, Консультативная комиссия по информации Конгресса США).

Внутри Афганистана также имелись влиятельные общественные силы, которые солидаризировались с западными антикоммунистическими и антисоветскими взглядами и активно проповедовали их среди различных слоёв афганского общества. Методы и формы агитационно-пропагандистской работы среди различных категорий афганцев постоянно видоизменялись, приспосабливаясь к условиям обстановки. Особый упор в пропаганде делался на использование религии в качестве основного идеологического оружия в борьбе против правящего в Афганистане режима.

Реально оценивая угрозу, которую несли подрывные информа-

ционно-психологические операции Запада и его союзников, кабульские власти выдвинули идейно-политическую и контрпропагандистскую работу в число наиважнейших направлений своей деятельности, наряду с военными действиями. К решению этой злостной задачи был привлечен многочисленный агитационно-пропагандистский аппарат правящей партии, общественных организаций и государственных идеологических и специальных ведомств и служб.

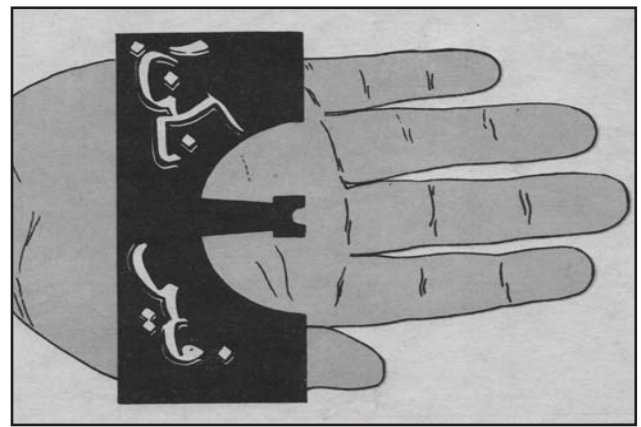
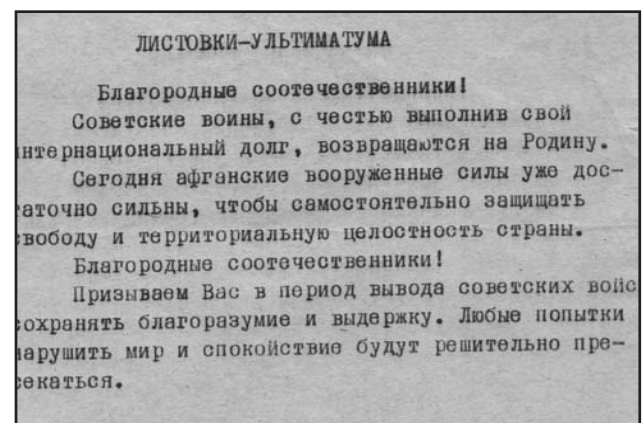
Об этом свидетельствует секретный документ, датированный декабрем 1982 года: «В связи с информацией... из Вашингтона о проникновении американских граждан на территорию ДРА:

а) готовится статья в газетах «Правда» или «Известия» о вмешательстве США во внутренние дела Афганистана (провокационные заявления руководителей администрации США, снабжение афганской контрреволюции вооружением и боеприпасами, финансирование их бандитских действий против законных властей, вторжение на территорию ДРА американских граждан — корреспондентов газет, журналов и др. в составе банд;

б) поставлена задача... захватить на территории Афганистана американского гражданина, действующего в отряде контрреволюционеров;

в) ...организовать в Кабуле пресс-конференцию о вмешательстве США во внутренние дела ДРА...» (Источники информации: КГБ СССР, ГШ ВС СССР).

Тем не менее, результаты этих усилий оставляли желать лучшего, что признавалось на официальном уровне. Политбюро ЦК НДПА и Совет министров ДРА в одном из своих постановлений отметили, что «идеологическая и политическая деятельность... еще не отвечает требованиям современной военно-политической обстановки в стране», «не обеспечивает необходимого отпора враждебной империалистической контрреволюционной пропаганде». Подчеркивалось, что в соответствующих ведомствах и службах

«еще не выработаны действенные формы и методы политического и идеологического влияния на различные слои и категории населения».

Большая часть сил партии (до 70%) была сосредоточена в городах. Работе в кишлачной зоне внимания почти не уделялось, поэтому основная часть населения находилась под сильным влиянием мятежников. В отличие от НДПА, оппозиция основной акцент делала на работу в крестьянской среде, завоевывая тем самым все новых и новых сторонников.

Несмотря на то, что преобладающая часть населения Афганистана неграмотна или полуграмотна (даже на рубеже XXI века грамотными там числились 47% мужчин и только 15% женщин), было бы ошибочным недооценить значение печатного слова как средства идейно-психологического воздействия на умы и души людей Афганистана. Дело в том, что тяга к печатному слову традиционно высока в этой стране среди широких масс населения (особенно сельского), она давно стала там частью поведенческой нормы. Это явление реализовывалось в виде регулярных вечерних посиделок (шабешини), где собеседники за чашкой чая обсуждали проблемы не только своей повседневной жизни, но и события в стране и мире. Зачастую пищей и поводом такого рода беседам служили различные печатные материалы (газеты, журналы, листовки и др.), неведомым путём попадавшие в самые отдаленные пункты страны. В роли их толкователей выступали местные светские и духовные авторитеты, мнение которых традиционно почитается в Афганистане.

Малые печатные формы, с учетом специфики Афганистана, оказались самыми эффективными по силе психологического воздействия: это листовки, плакаты, воззвания, обращения, календари с иллюстрациями, карикатуры и т.п. Они оперативно отражали злобу дня, в нужное время и в нужном месте выходили на конкретную аудиторию и в итоге оказывали требуемое психологическое воздействие на умы людей. Чтобы придать официальный характер листовкам и воззваниям, тем самым вызвав к ним доверие, нередко их исполняли на фирменных бланках подпольной организации и некоего «комитета», «фронта», «командования», скрепляли их печатью и подписью своего руководителя. Такая форма подачи производила должное впечатление на афганцев в силу традиционного уважительного отношения к официальным бумагам. Распространенными были и рисованные листовки. Умело и красочно исполненные рисунки и карикатуры с доступным для восприятия сюжетом и броским коротким текстом производили огромное впечатление на полуграмотных и неграмотных людей. Наглядная агитация (особенно рисунки и карикатуры) была там весьма доходчивой и действенной формой политической пропаганды. С этой целью использовали бумажные пакеты для продовольствия, поливиниловые стаканчики и спичечные коробки с многокрасочными рисунками, а также всевозможные вымпелы, настенные календари, нашивки, наклейки и другие изделия, содержавшие конкретные призывы и подтверждавшие тезисы официальной пропаганды.

Кабул располагал немалыми техническими возможностями для ведения печатной пропаганды. В первой половине 80-х годов в ДРА издавалось 33 газеты и 46 журналов, общий годовой тираж которых составлял около 32 млн. экземпляров (в 1988 году их тираж уже превысил 40 млн. экземпляров). В большом количестве выходили из печати книги политического и духовного содержания. Только в 1982 году было издано 423 книги тиражом около 6 млн. экземпляров. Особенно впечатляющими являлись цифры по изданию малых печатных форм — листовок, плакатов и пропагандистских

листов. К сожалению, официальной статистики по их общему количеству не существует. Подготовкой и изданием этой продукции занимались многие ведомства: министерства обороны, государственной безопасности, внутренних дел, по делам народностей и племен, культуры и информации и др., местные органы власти и управления, Национальный Фронт и др. общественные организации.

Листовки, распространявшиеся среди афганских беженцев за рубежом (прежде всего в Пакистане), были написаны на языке дари, пушту и белуджском; были выпущены календари с карикатурами и иллюстрациями. Большой популярностью у населения пользовались листовки и календари с карикатурами и рисунками известного советского художника Ю.А. Черепанова. С целью подготовки такого рода материалов и других средств наглядной агитации в середине 1983 года в Кабуле была организована специальная группа афганских художников в составе 22 человек. Они прошли профессиональную подготовку на двухмесячных курсах в Кабуле под руководством советских художников-карикатуристов Н.И. Луданова и И.К. Михайлина.

Несмотря на большую популярность среди населения Афганистана малых печатных форм, их политико-психологическое воздействие на умы людей было ограниченным, так как не была создана надежная система доставки и распространения печатной продукции в провинциях. Известны и курьезные факты: в течение целого года (1981-1982) в Кандагаре был продан всего один номер

Главной задачей этих и других многочисленных организаций было формирование в общественном мнении своих стран и остального мира негативного образа левого кабульского режима и дискредитацию Советского Союза как агрессора.

центральной партийной газеты «Правда Апрельской революции». Такое же положение с доставкой было и в других провинциях страны. Спустя три года афганский лидер признавал: «Миллионы экземпляров политической, учебной литературы, плакатов, листовок, брошюр годами лежат и гниют на складах... А из того, что буквально чудом попадает все-таки на места, до народа доходит вряд ли десятая часть».

В связи с отсутствием полиграфической базы в тактическом расположении советских войск 84% листовок печаталось в типографии политуправления Туркестанского военного округа и Кабула. Поэтому листовки оперативного характера по своему содержанию постоянно отставали от развития ситуации. Кроме того, в начале афганской операции листовки советской стороны выглядели малопривлекательно, поскольку были одноцветными. Только в середине войны (1985 г.) информационно-пропагандистские материалы стали многоцветными.

Для распространения печатной продукции в качестве основного средства доставки советскими военными использовался авиационный сброс. Кроме того, распространением занимались афганские агитационные отряды в ходе идеологических рейдов и спецмероприятий.

Западная пропаганда также уделяла печатной пропаганде большое значение. В США и других странах было издано огромными тиражами и распространено по всему миру множество солидных по объему книг и брошюр по афганской проблематике. Причем, печатная продукция была исполнена в строгом соответствии с официальными идеологическими доктринами. Кроме того, на терри-

тории Афганистана регулярно печатались и распространялись среди населения подпольные пропагандистские листки: «Радостная весть», «Восстание мусульман», «Смерть за веру», «Газават», «Шахиды», «Родина», «Окоп». Тиражом в десятки тысяч экземпляров издавались выступления глав военно-политических группировок Б. Раббани и Г. Хекматяра, других афганских авторов из стана вооруженной оппозиции. Листовки оппозиции были своеобразными комиксами, смысл которых красноречиво отражался в рисунках, и с полувзгляда был понятен каждому — от малолетнего ребенка до седобородого старца. К сожалению, при выводе войск наших солдат на границе строго проверяли на предмет «вражеской пропаганды», которая могла быть ввезена в страну, и мало кто хотел рисковать своим будущим.

В условиях военного противостояния ведение антиправительственной пропаганды внутри страны взяла на себя вооруженная оппозиция. Каждая организация и группировка создала самостоятельную разветвленную сеть агитационно-пропагандистских и издательских структур, называвших себя «отделами культуры». Они имели четкую иерархическую структуру, в их обязанности входило: подготовка, издание и распространение пропагандистских материалов (газет, журналов, листовок, воззваний и т.п.), организация и проведение встреч и бесед с населением, разъяснение целей и задач организации, дискредитация властей, провоцирование анти-

Популярными формами подачи материала в западной и региональной прессе стали репортажи с места событий, свидетельства жертв советской оккупации, беседы с непосредственными участниками джихада, интервью с лидерами афганской оппозиции.

правительственных выступлений и беспорядков, распространение ложных слухов, привлечение в ряды организации новых членов и выдача им членских билетов, и др. Объектами особого внимания были школы, лицеи, университеты, воинские гарнизоны, мечети и места паломничества, базары и отдельные лица — улемы, старейшины, вожди племен, видные общественно-политические и военные деятели, военнослужащие, представители интеллигенции. Такие пропагандистские структуры моджахедов являлись, по сути, составной частью и продолжением подрывных информационных служб Запада. Афганская вооруженная оппозиция располагала огромным количеством периодических изданий на основных национальных языках страны — пушту и дари, а также на иностранных — английском, урду, арабском и русском. По неполным данным, на территории Пакистана, Ирана и Индии оппозиция издавала 17 журналов и более 30 газет, которые затем забрасывались в страну.

Одновременно информация о событиях в Афганистане и вокруг него не сходила с полос зарубежных периодических изданий, приобретая характер сквозной темы. Особенно усердно «афганский вопрос» эксплуатировали такие американские газеты и журналы, как «Крисчен сайенс монитор», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Бостон глоуб», «Юнайтед Стейтс энд Уорлд Репорт», «Ньюсвик», «Тайм», «Лайф»; английские «Дейли мейл», «Дейли телеграф», «Гардиан», «Таймс», «Файнэншл таймс»; немецкие «Ди Вельт» и «Шпигель»; французская «Монд» и др. А также популярные иранские, пакистанские печатные СМИ.

Популярными формами подачи материала в западной и региональной прессе стали репортажи с места событий, свидетельства жертв советской оккупации, беседы с непосредственными участниками джихада, интервью с лидерами афганской оппозиции. С целью придания еще большего международного звучания афганской проблеме на газетных и журнальных страницах подробно освещались поездки по миру лидеров и делегаций моджахедов и их встречи и приемы на самом высоком официальном уровне. Лейтмотивом всех этих публикаций было стремление представить афганскую вооруженную оппозицию подлинными «борцами за свободу», осудить просоветский кабульский режим и советского агрессора. Стоит отметить, что многочисленные западные печатные СМИ все же не имели прямого выхода на афганскую аудиторию из-за неграмотности подавляющего большинства населения страны, о чем упоминалось выше, а также из-за отсутствия надежных каналов доставки материалов непосредственно потребителю. Зарубежной печатной продукцией в Афганистане мог воспользоваться лишь узкий круг местной интеллигенции и образованных слоев общества.

Значительное место среди печатных средств спецпропаганды занимала наглядная агитация. К примеру, в советских воинских частях ею были оборудованы комнаты советско-афганской дружбы, КПП, военные комендатуры, городские Центры дружбы, пункты материальной и медицинской помощи населению. Тем не менее, и она не всегда профессионально была выполнена и уместно применена. В частности, обилие на улицах Джелалабада плакатов и лозунгов следующего содержания: «Наша армия — защитник трудового народа!» вряд ли вызывало какой-либо отклик в сердцах и умах афганцев. <ИВ>

(продолжение в следующем номере)

